Вестник

Российско-Армянского (Славянского) университета

№ 1

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ISSN 1829-0450

ЕРЕВАН 2014

Հայ-Ռուսական (Սլավոնական) համալսարան

Լ Ր Ա Բ Ե Ր

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ (ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ) ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ

ՍԵՐԻԱ՝ ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ

ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(16)

ՀՌՀ Հրատարակչություն

№ 1/2014

Российско-Армянский (Славянский) университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(16)

Издательство РАУ

№ 1/2014

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2014г.

ISSN 1829-0450

О Г Л А В Л Е Н И Е

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ГАЙДАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В РАУ»

А.Р. Дарбинян

Егор Гайдар – фундаментальная личность. Он является ключевой фигурой эпохи экономических, политических реформ и трансформаций в России. Гайдар всегда будет актуален, потому что реформы, в которых мы периодически пребываем, должны нести системный характер, иметь системное развитие. Конференция посвящена урокам этих реформ, сопоставительному анализу реформ в России и Армении. С одной стороны, казалось бы, они несопоставимы, поскольку несопоставимы их масштабы, но, на самом деле, с профессиональной точки зрения, это абсолютно взаимосвязанные процессы. Реформы, которые происходили в бывшем пространстве Советского Союза, абсолютно взаимосвязаны, имеют свои логику, специфику и подвержены общим тенденциям и закономерностям.

В 1991 году, когда мы оказались перед необходимостью построения собственной политической, экономической, социальной модели, осуществление этих реформ начали с внедрения либеральных идей: свободы, конкуренции. Либерализм в политике означал конкурентное политическое пространство, либерализм в экономике – конкурентную экономическую среду: свобода предпринимательства, справедливое законодательство, справедливый суд. Либерализм в социальной среде означал справедливое неравенство, когда людям предоставляется возможность самореализации.

Но в Армении внедрять эту либеральную идею приходилось в условиях тотальных: хозяйственной разрухи и войны, настоящей войны. Именно по этой причине, конечно, либеральная идея вошла в противоречие с военным положением. В мире нет подобного примера, когда воюющая страна проводила бы успешные либеральные реформы или базировалась в своем политическом устройстве на либеральную идею. Фактически, эта нестыковка привела к политическому краху либеральной идеи в Армении. Но тогда, к сожалению, другого пути развития у Армении не было. И, тем не менее, под этот «шумок» либерализма было совершено несколько прорывных действий, которые сегодня являются основополагающими точками роста армянской экономики.

1. Удалось провести, как нам кажется, **блестящую реформу** в энергетике. То, чем занимался Анатолий Борисович Чубайс в 2000-х годах, мы завершили в 97-ом. Энергетическая реформа с разделением производителей, трансмиссионеров и продавцов электроэнергии. Был создан реальный энергетический рынок в условиях жесточайшего энергетического кризиса, и вряд ли эти реформы

могли бы иметь успешные результаты, если бы у нас не было жесточайшего кризиса. Но, тем не менее, это факт. Мы определили абсолютно рыночные тарифы, которые действуют до сих пор. Мы преодолели кризис, стали страной, которая потенциально способна и может выступить экспортером электроэнергии. Это – выдающееся достижение для страны, которая, казалось бы, не имела к этому никаких оснований.

2. **Реформа в инфраструктуре**. Питьевая вода, система орошения, а также система связи считаются одними из самых успешных реформ на пространстве бывшего Советского Союза. *Реформа аграрного сектора* – приватизация земель сельскохозяйственного, аграрного назначения – уникальная в своем роде реформа. В экономике Армении сегодня очень мало конкурентных сфер, где реально действует конкуренция. Но именно эти сферы и связаны с либеральными реформами.

Приватизация коньячного завода в 1998-ом году вызвала бурю эмоций в Армении. Мы, якобы, продавали национальное достояние – производство коньяка или коньячный завод. Сегодня производство коньяка – самое конкурентное в Армении. Конкуренция приводит к улучшению качества, и производители конкурируют друг с другом на внешнем рынке.

Конкуренция в гостиничном бизнесе. Приватизация гостиницы «Армения» транснациональной корпорацией “Marriott” тоже вменялась нам в вину. Мы продавали национальное достояние – гостиницу «Армения». Но сегодня гостиничный бизнес в Армении процветает, открываются новые гостиницы.

Система связи. Нас очень долго винили за то, что мы осуществили приватизацию “Armentel”, но сегодня страна имеет самую конкурентную систему мобильной связи в стране. Есть три компании, которые действуют на рынке в этой сфере. И, к сожалению, других конкурентных структур сегодня мало.

3. **Реформа банковской системы**.

В действительности была построена инфраструктура, и это все было осуществлено в начале 90-х годов за доставшийся нам от истории очень недолгий период.

К сожалению, практически то же самое можно отнести и к России. Здесь мы абсолютно одинаковы: как в этапах и тенденциях развития, так и в проблемах, которые сегодня испытываем.

1. *Проблема голландской болезни*. Россия экспортирует нефть, получает валюту и, фактически, борется с удорожанием национальной валюты. Армения экспортирует людей и получает денежные трансферты. Голландская болезнь, которой мы болеем и мешаем, тем самым, национальным производителям конкурировать где-нибудь, даже в рамках армянской рыночной модели.
2. *Непропорциональное развитие регионов*, когда все развитие сконцентрировано в столицах, абсолютное запустение деревень, регионов.
3. *Неинтегрированность в мир*. Во времена последнего финансового кризиса кто-то из наших финансовых руководителей отрапортовал президенту о том, что у нас все хорошо и нас кризис не коснется. Я сожалею, что нас кризис не касается. У нас нет интеграции в мир, поэтому нас не

касается кризис. Лучше бы он коснулся нас так, чтобы мы опомнились и вернулись к либерализму, к реформам. Интегрироваться лучше, чем находиться в дезинтеграции – это *первый тезис*. *Второй тезис* – лучше интегрироваться, имея богатую и благополучную основу, а не бедную и кризисную. *Третий тезис* – нельзя в сегодняшней ситуации ни в коем случае пренебрегать любой интеграцией, возможностью создания единого общего рынка, экономического пространства. Любую возможность такого рода нужно использовать с максимальной эффективностью. Нельзя отвергать какие-либо пути интеграции в обмен на твердое политическое решение об интеграции в какую-то другую сторону.

4. *Сращивание бизнеса и власти*. Считаю, что нет абсолютной разницы между государственным капитализмом, который сегодня практикуется в России, и системой, при которой существуют приближенные к власти бизнесмены. Мы действительно уже перешли ту границу, за которой рассуждать нечего. У нас уже исчерпываются резервы экстенсивного роста, экспорта людей и нефти.

Таким образом, нам сегодня нужна кардинальная реформа политических, экономических и социальных институтов. Мы должны, наконец, обеспечить справедливое неравенство, основанное на реальных, объективных, конкурентных показателях, а не на близости к власти! Вот что нам нужно сегодня как в России, так и в Армении. Возможен ли новый либерализм? Полагаю, что он необратим.

* * *

Э.М. Сандоян

1. События последних лет (кризис 2008–2009гг. и посткризисные процессы) доказали несостоятельность действующей сегодня в мире системы глобального и национального регулирования финансовых институтов.
2. Стратегия–2020. Слабые институты; голландская болезнь по-армянски; сильное государственное присутствие (подмена рынка). От экономики спроса к экономике предложения.
3. Отсутствие национальных инвестиционных ресурсов (кризис 2008г.) по причине нерациональной системы распределения доходов населения (высокая поляризация, низкая платежеспособность, неэффективные институты формирования «длинных денег»).
4. «Евро» для стран еврозоны превратился в золотой стандарт, национальной монетарной политики нет, остаются налогово-бюджетные инструменты, включая внешний долг (Кипр – 150% ВВП).
5. Доля зарплаты в с/с производства товаров и услуг: США – 70–75%; Европа – 60–65%; РФ – 20–25%; РА – 16%.

Новая концепция:

- Повышение зарплаты (через нормативное повышение минимальной з/пл) в 1,5–2 раза – норматив: 50% от средней з/пл. Социальная реформа. Минимальная (базовая пенсия) – 50% от минимальной з/пл.
- Налог на недвижимость – 0,5–1,0% от текущей рыночной стоимости (перераспределение ресурсов от богатых к бедным).
- Пенсионные отчисления в накопительную систему – 10% от зарплаты (проект – 5%) + корпор + гос. – в течение 8–10 лет институт состоится (сегодня: 142 млрд. драмов из 912 млрд. драмов общих налоговых доходов в 2012г.; при этом расходы госбюджета на пенсионное обеспечение – 201 млрд. драмов).
- В РФ легче (80% населения работает в гос. корпорациях).
- Обязательное медицинское страхование – 7% зарплаты + корпор. + гос.
- Обязательное страхование имущества, автогражданской ответственности и др.
- Отмена налога на прибыль.
- Система всеобщего декларирования доходов и имущества населения. Для чиновников и депутатов (перечень по закону) также декларация расходов.
- Снижение подоходного налога (13% вместо 24,4–26%), НДС – до 15%, налог на малый бизнес – 5% и др. Пропорционально сокращению бюджетных расходов на образование, здравоохранение, ЖКХ, пенсионное обеспечение.
- Микробизнес – нет налогов и отчетов.
- Развитие рынка капитала, пенсионные фонды, ипотечные ценные бумаги, «длинные деньги», повышение уровня жизни и кредитоспособности населения, минимизация коррупции, муниципальные бюджеты, стимулы роста производительности труда, интенсивное сокращение поляризации доходов населения, повышение удельного веса прямых налогов (от физических лиц).

Модернизация системы экономического регулирования в РА:

- Демонополизация экономики путем ужесточения правового поля антимонопольного регулирования, временного установления норм рентабельности на импортные торговые операции и введения механизмов налогообложения сверхдоходов, полученных благодаря использованию монопольной власти над рынком.
- Применение понятия «аффилированные лица» при оценке доли одного хозяйствующего субъекта на товарном рынке в совокупности, основываясь на определении, применяемом в банковском законодательстве РА (Закон Республики Армения «О банках и банковской деятельности», статья 8).
- Ужесточение антимонопольного законодательства и наделение Комиссии по защите экономической конкуренции широкими полномочиями и

статусом правоохранительного органа, владеющего правом осуществлять расследования и дознание.

- Обеспечение высокого уровня оплаты труда, а также правовых и социальных гарантий для персонала Комиссии по защите экономической конкуренции.
- Отмена налога на прибыль и переход на систему всеобщего декларирования доходов и имущества с введением финансовой, административной и уголовной ответственности за сокрытие подоходного налога и предоставление недостоверных сведений. Переход на принцип прогрессивного налогообложения по подоходному налогу. Освобождение микробизнеса (бизнес, функционирующий без наемного труда) от всех налогов и отчетности, значительное сокращение налогов для малого бизнеса, сокращение ставки НДС. Введение единого социального налога, объединяющего подоходный налог и отчисления на социальное обеспечение. Вычитание из налогооблагаемой базы подоходного налога (единого социального налога) расходов на пенсионное и другие виды обязательного страхования, образование, медицину, ипотеку.
- Введение нормативов рентабельности по отношению к импортерам и налогообложения сверхдоходов от импорта, заработанных, например, благодаря ревальвации национальной валюты.
- Установление высокого уровня минимальной заработной платы, значительно превышающего минимальную потребительскую корзину и достаточного для всеобщего участия в системе обязательного страхования (пенсионного, медицинского, имущественного, ответственности), доступа к образовательным услугам и ипотечным кредитам.
- Капитализация государственного ипотечного органа и реализация эмиссии ипотечных ценных бумаг на рынке капитала, внедрение института массового выкупа ипотечных кредитных портфелей у банков и кредитных организаций.
- Реструктуризация государственного бюджета с целью перераспределения значительной части финансирования пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, жилищного строительства от государства в частный сектор, что привнесет в систему финансирования этих сфер рыночность и некоррупционность.
- Формирование большого количества корпоративных пенсионных фондов, действующих в режиме негосударственного обязательного пенсионного (накопительного) страхования.
- Ужесточение системы регулирования и надзора рынка труда, ликвидация неформальной занятости путем применения жестких санкций.

* * *

Г.А. Багратян

Рождение мегаэкономики

С образованием и расширением ВТО, охватывающей в настоящее время 98% мировой экономики, произошло резкое (в 3,5 раза: с 25% до 8%) снижение среднего таможенного тарифа. Это привело к образованию единого мирового рынка товаров и услуг. Отсюда и возникает необходимость равновесия и выравнивания предельных продуктов ресурсов. Науку, изучающую природу, характер и специфику такого равновесия мы называем мегаэкономикой. Вместе с тем, единый мировой рынок ресурсов (труд, финансовая система и рынок капитала, минеральное сырье, инновации) не получился: прирост трудовых ресурсов происходит на Востоке, минеральное сырье на душу населения распределено крайне неравномерно и ежегодно сокращается приблизительно на 0,7%, чистые потоки капитала и внешних инвестиций за последние 20 лет больше направлены на экономики развитых стран, где их предельная эффективность ниже, нежели в экономиках развивающихся стран. В этих условиях сбалансированное развитие мировой экономики становится необходимостью. Отсюда очевидно, что единая макроэкономическая политика, проводимая международными финансовыми институтами по всей планете, не может себя оправдать: в одних странах нужно стимулировать спрос, в других – предложение, в третьих – находить иную комбинацию макроэкономических переменных. Например, резкое снижение бюджетного дефицита в развивающейся стране (или в стране, находящейся в переходном периоде) и параллельное его увеличение в стране, являющейся эмитентом мировой валюты, приводит к тому, что долги богатых государств перекладываются на плечи бедных государств. Богатые государства, являющиеся эмитентом какой-то мировой валюты, умело экспортируют долги, свои внутренние долги трансформируют во внешние долги бедных государств. В связи с этим выдвигается идея, что национальная экономическая политика должна быть мегамакроэкономической, должна учитывать тенденции мегаэкономики. И эта политика не может быть единой по всему миру. Скоординированная мегаэкономическая политика появится тогда, когда будет создана наднациональная система управления мировыми финансами.

* * *

А. Егиазарян

90-ые XX века были расцветом либерализма – мейнстрим экономической теории, кейнсианство забыто, коммунизм повержен, работает принцип маятни-

ка: политика – то, что было раньше «минусом», теперь стало «плюсом», и наоборот, и не только в экономике. Экономический рост в Армении не создает рабочих мест. С 2003 года характер мирового развития начал меняться – резко увеличивается количество денег в мире (8% номинального роста мирового ВВП по сравнению с 2,5% реального роста в 2003–2010гг., тогда как в 1995–2002гг. разница между ними составляла 0,5%. В Армении переход на экономику, рост в которой происходит благодаря неторгуемым товарам, и экспортно-ориентированный рост кончается, и все равно нет роста занятости.

В 2008 рост, основанный на печатании денег и росте потребления развитых стран при перекачке обрабатывающей промышленности в Китай и, частично, в Восточную Европу, закончился. В Армении, соответственно, закончилась эра строительства. Что мы имеем на сегодняшний день? В стране практически нет конкурентной промышленности, сельское хозяйство находится на очень низком уровне, притом – высокие цены практически на все.

Поэтому сейчас идет определенный пересмотр как теоретических основ, так и практических рецептов, в том числе и на правительственном уровне, который можно охарактеризовать как определенное рыночно-институционально-демократическое отрезвление при полном понимании фундаментальности того, что было сделано.

Основные параметры этого «отрезвления» следующие:

1. то, что работает в англо-саксонском мире, может не работать в Армении, в том числе базисные вещи – надо изучать национальные особенности;

2. люди глубоко иррациональны, хотя иногда поступают рационально, причем есть существенные национальные особенности иррациональности, и это тоже надо учитывать в политике;

3. саморегулируемые системы не все могут уравниваться, в том числе они очень слабы в вопросах выравнивания уровней системы – в частности, региональные различия, поэтому если вы хотите справедливости – рынок этого не сделает. Хорошие институты и бизнес-среда не являются гарантией процветания и роста. Хорошая инфраструктура, в том числе Интернет, сотовая связь и другие современные системы передачи и разработки информации, также не являются гарантией стабильного роста и построения системы производства знаний.

Классические русские вопросы: кто виноват и что делать? Кто виноват – ясно, – те, кто были во власти до нас. Со вторым сложнее. По моему мнению, – ответ один, и он диктуется всем опытом человечества за последние 250 лет – индустриализация, в нашем случае – реиндустриализация.

Политика должна быть разной: это как одежда, в зависимости от погоды: в периоды кризиса или национального рывка – существенная роль государства и сокращение роли рынка – интервенционизм, с точки зрения рынка – излишнее регулирование. На стационарных траекториях больше рынка и демократии.

* * *

В.А. Мау

Россия прошла переплетение 4-х кризисов. Это очень важно понимать, потому что, когда говорят об уникальности российского опыта, имеют в виду ее беспрецедентность. Беспрецедентно было сочетание нескольких кризисов, сочетание нескольких трансформационных процессов, каждый из которых был, более или менее, известен мировой экономической истории. Кстати, особенностью Гайдара, его анализа экономических проблем было то, что он всегда анализировал экономическое развитие в контексте глобальных исторических процессов. В этом смысле лучшая книга Гайдара «Долгое время» была посвящена развитию страны, экономики от неолитической революции до настоящего времени. Гайдар был последним марксистом, в подлинном смысле этого слова, если понимать под марксизмом не такую ортодоксальную, довольно старомодную политэкономию, а марксизм – как теорию экономической истории, как теорию развития глобальных, многовековых процессов. И в этом смысле марксистский анализ непревзойден.

Российская трансформация представляла собой пересечение 4-х процессов. Это была системная трансформация индустриального общества в постиндустриальный. В этом смысле российский кризис был сродни кризису, который Запад переживал в 70-е годы и на котором, собственно, сформировалась политика Маргарет Тэтчер. Российский кризис отражал кризис коммунистической системы и переход коммунизма к рыночной экономике, что представляло собой вещь уникальную исторически, но не уникальную географически. 27 стран проходили примерно одновременно эту трансформацию, хотя в истории такого системного перехода от тотально государственной экономики к рыночной не было никогда. Это действительно был очень интересный опыт. Российский кризис также был кризисом макроэкономическим, который переживали десятки стран. Макроэкономический кризис – вещь болезненная, но очень понятная. Гайдар тогда говорил, что наша задача социально очень болезненна, но интеллектуально очень проста. Собственно, нынешняя проблема Греции, Италии и Ирландии мало чем отличается от наших всеобщих проблем. Они чуть проще для понимания, поскольку там нет трансформации собственности, но чуть сложнее для реализации, потому что ни Армении, ни России никто помогать не собирался, а этим странам постоянно предлагается многомиллиардная помощь. Это затрудняет, конечно, реформы, позволяет как можно дольше их избегать. И, наконец, четвертый элемент российской трансформации был специфичен для России. Российская элита была расколота по базовым ценностям, по направлениям развития. Такого, практически, не было ни в Армении, ни в Восточной Европе, ни в Центральной Азии. Там представление модели будущего различалось между собой, но элита, более или менее, одинаково понимала, куда развиваться, в направлении каких ценностей. На этом фоне Россия

достаточно динамично развивалась в первое десятилетие этого века со средним темпом чуть более семи процентов роста. Российский рост начался и продолжался тогда, когда базовые условия того, что называлось «Вашингтонским консенсусом», были реализованы. В этих условиях Россия подошла к глобальному кризису, начавшемуся в 2008 году, и, собственно, современное экономическое развитие России в значительной мере является частью этого глобального кризиса, о котором и стоит поговорить более подробно.

Кризис, начавшийся в 2008г., имеет важную принципиальную особенность – это был и остается кризисом не циклическим, а структурным или системным. Если мы посмотрим на российское экономическое развитие в условиях кризиса, то внешне по цифрам, несомненно, очень благоприятно. Макроэкономика, благодаря очень осторожной, продуманной макроэкономической бюджетной политике прошлого десятилетия, является одной из самых устойчивых. Бюджет сбалансирован и колеблется вокруг нуля, иногда исполняется с профицитом, в этом году может быть с дефицитом. Но, в общем, беспрецедентно стабильная бюджетная ситуация. Очень низкий, почти нулевой, государственный долг, низкая безработица, умеренный темп, правда, довольно низкий. В этих условиях, опять же, если сравнивать Россию с развитым миром, ситуация выглядит в высшей степени благоприятно и по бюджетным параметрам, и по денежной политике, и по экономической динамике, хотя, повторюсь, она замедляется. Вместе с тем, есть очень острое чувство недовольства, причем, как в общей, так и в политической элите относительно того, что происходит в стране.

Системный кризис – это время, когда надо произвести модернизационные экономические реформы, когда можно позволить себе совершить рывок вперед или отстать навсегда. Дело в том, что наша макроэкономическая ситуация сейчас до боли напоминает ситуацию рубежа 70-ых – начала 80-ых годов. Конечно, макроэкономически и социально-политически российская ситуация сейчас гораздо лучше, чем в начале 80-х годов, политическая система при всех ее проблемах более гибкая. У нас нет Афганской войны и подобных событий. У нас все-таки частная, и в этом смысле более гибкая экономика, хотя и с большой ролью государственной корпорации. В отличие от советского наследия, накоплены значительные резервы как в форме стабилизационного фонда, так и в смысле валютных резервов. И в этом смысле опыт, уроки 70-ых годов, конечно, учтены. Однако проблема остается нерешенной. Суть состоит в том, что перед нами стоит вызов структурных реформ. В благоприятной экономической ситуации – огромны резервы. Это не только предпосылка этих реформ, но и тормоз по отношению к ним. Если в экономике много денег, то зачем беспокоиться о реформах? Если в экономике низкая безработица, а она беспрецедентно низкая, то структурная реформа означает рост безработицы. Нынешняя высокая безработица Соединенных Штатов, отставание восстановления занятости от восстановления экономики – показатель структурной модернизации. Нельзя прийти к новой структуре экономики, поддерживая низкий уровень безработицы в современном индустриальном мире. В аграрных экономиках, когда происходит переток сельского населения в городское, это возможно.

В концепциях проводить макроэкономическую стабилизацию и приватизацию, как известно, значительно трудно. Намного труднее проводить реформы, про которые мы не знаем: целевое становление реформы пенсионной системы, здравоохранения, образования. Именно задача решения структурных, а не макроэкономических реформ стоит сейчас перед нами.

СТАТЬИ

Философия, Политология, Управление
(междисциплинарное исследование)

ՀՀ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԿԱՌԱՎԱՐՄԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ՄՈԴԵԼԻ ՄՇԱԿՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐԸ

Պ.Ս. Ավետիսյան, Գ.Է. Գալիկյան, Վ.Ս. Գալստյան, Հ.Գ. Հայրապետյան

Հոդվածի նպատակը՝ բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգային մոդելի ձևավորման և զարգացման հնարավոր ուղղությունների փիլիսոփայական-մեթոդաբանական, քաղաքատնտեսական ուսումնասիրությանն ու հիմնավորմանը առնչվող հիմնախնդիրների հարցադրումն է՝ ինտեգրացիոն գործընթացների խորացման և ազգային կրթական համակարգերի կոնվերգենցիայի համատեքստում:

Հիմնաբառեր՝ բարձրագույն կրթության փիլիսոփայություն, կառավարման փիլիսոփայություն և մեթոդաբանություն, կրթական քաղաքականություն, բարձրագույն կրթության կառավարում, ինտեգրացիոն քաղաքականություն, համակարգային մոդել:

Պետությունների զարգացման ներկա փուլը բնութագրվում է քաղաքական, հասարակական, սոցիալ-տնտեսական, գիտատեխնիկական և այլ ոլորտների խոր ինտեգրմամբ, վերջիններիս միջև ֆունկցիոնալ և ինստիտուցիոնալ կապերի ամրապնդմամբ: Միաժամանակ խորանում է պետությունների սոցիալ-տնտեսական և քաղաքական ենթահամակարգերի միջազգային ինտեգրումը, հատկապես այնպիսի ոլորտներում, ինչպիսիք են՝ գիտությունը և կրթությունը, որոնք էլ իրենց հերթին հանդիսանում են ազգային մրցունակության ձևավորման հիմքը: Մասնավորապես, նշվածը վերաբերում է բարձրագույն կրթությանը՝ որպես մարդկային ներուժի ստեղծման և շարունակական վերարտադրման գործիք:

Տվյալ պայմաններում էական է կրթության, մասնավորապես, բարձրագույն կրթության, ֆենոմենի գիտակցման և վերագիտակցման հիմնախնդիրն ինչպես պետության ներքաղաքական կյանքում, այնպես էլ միջպետական համագործակցության բնագավառում: Ներկայացված հիմնախնդրի հնարավոր լուծումների ուսումնասիրությունն ու որոնումը պահանջում են վերջինիս համակարգային և ամբողջական դիտարկում ոչ թե պարզապես որպես նպատակ, այլ նաև որպես բարձրագույն կրթության ազգային համակարգի կազմակերպման և զարգացման առավել օպտիմալ մոդելի բացահայտման միջոց:

Վերոնշյալը պահանջում է բարձրագույն կրթության փիլիսոփայական, մեթոդաբանական և կոնցեպտուալ էության բացահայտում, կրթության ոլորտում տեղի ունեցող գործընթացների համակարգային և սիներգետիկ առանձնահատկությունների բնորոշում, որոնք էլ իրենց հերթին պահանջում են բարձրագույն կրթության գործող կառավարման համակարգի արմատական վերանայում:

Ըստ այդմ, բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգային մոդելի ձևավորման ու զարգացման հնարավոր ուղիների բազմակողմանի փիլիսոփայական, մեթոդաբանական և տնտեսաքաղաքական ուսումնասիրությունն ու հիմնավորումն ինտեգրացիոն գործընթացների խորացման և ազգային կրթական համակարգերի մերձեցման համատեքստում դառնում է առաջնային նպատակ:

Առաջադրված նպատակի իրագործումը պահանջում է մի շարք խնդիրների լուծում.

- վերլուծել հետխորհրդային տարածքում, մասնավորապես, Հայաստանի Հանրապետությունում, բարձրագույն կրթության ոլորտում տեղի ունեցող ինտեգրացիոն գործընթացները,
- ուսումնասիրել բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգերի վերափոխման ժամանակակից գործընթացները,
- մշակել բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգի նոր կոնցեպտուալ մոդել՝ հաշվի առնելով փոփոխված պայմաններն ու նորարարական զարգացման պահանջները և տվյալ ոլորտում ՀՀ հասարակության կարիքները:

Կրթության արդիականացումը ենթադրում է գործողություններ երեք ուղղություններով՝ ***կառուցվածքային, ինստիտուցիոնալ և բովանդակային:*** Ըստ այդմ, ուսումնասիրության պետք է ենթարկվի բարձրագույն կրթության այնպիսի համակարգ, որը ***կհամապատասխանի տնտեսության զարգացման ինովացիոն մոդելին, հայկական հասարակության համախմբման խնդրին, համաշխարհային ինտեգրման պայմաններում մրցունակության ապահովման պահանջներին:***

Վերը նշված պահանջների կարևորությունն էլ ավելի է ընդգծվում հետևյալ գործոնների ազդեցության ներքո։

- Համաշխարհայնացումն ու ինտեգրացիոն գործընթացները, ինովացիոն զարգացման հրամայականի հաստատումը պետությունների առջև դրել են սոցիալ-մշակութային ինքնության պահպանման, ավանդույթների և նորարարությունների հարաբերակցման խնդիրը։ Այս համատեքստում կրթությունը, լինելով սոցիալ-մշակութային վերարտադրման և նույնականացման հարթություն, միջպետական համագործակցության ոլորտում կարող է հանդիսանալ և՛ մշակութային երկխոսության հարթակ, և՛ պետության կողմից մշակութային էքսպանսիայի իրականացման դաշտ արտաքին կրթական քաղաքականության մեխանիզմների միջոցով։
- Անցումը զարգացման հետինդուստրիալ փուլին և դրանով պայմանավորված՝ գիտելիքների և գիտելիքների վերարտադրման, նորարարությունների, գիտատեխնիկական նվաճումների, մարդկային ռեսուրսների («մարդկային կապիտալի») դերի և նշանակության աճը պետության զարգացման գործում պայմանավորել են կրթության՝ որպես հասարակության մասնագիտական և կադրային ներուժն ապահովող հիմքի, վերափոխումը պետության տնտեսական ներուժի ապահովման կարևորագույն գործոններից մեկի։ Վերջինս էլ իր հերթին պայմանավորում է միջազգային հարաբերությունների համակարգում երկրի տեղն ու դերը։
- Այն համակարգերում, որտեղ բարձրագույն կրթության ոլորտի վերափոխման գործընթացները սկսվել են արհեստական ճանապարհով, այսինքն՝ ոչ թե այդ ոլորտի օրինաչափ պատմական զարգացման, այլ, օրինակ, ***Բոլոնյան մոդելի մեխանիկական ներդրման միջոցով***, այդ գործընթացները կրում են առավել լայնածավալ բնույթ՝ ազդելով համակարգի գործունեության բոլոր ոլորտների վրա։ Այդպիսի երկրների հատուկ խումբ են կազմում անցումային տնտեսությամբ երկրները, մասնավորապես, Հայաստանը, որտեղ վերակառուցումն ազդում է ազգային տնտեսության բոլոր ոլորտների վրա։ Այդ երկրներում գոյություն ունի ոչ միայն բարձրագույն կրթության համակարգի կառավարման, ուսումնական գործընթացի կազմակերպման և որակի ապահովման նոր մոտեցումների ներդրման խնդիր, այլ նաև *այնպիսի* **փիլիսոփայական և մեթոդոլոգիական կոնցեպտուալ մոդելի** մշակման խնդիր, որն համաշխարհային կրթական տարածք ինտեգրվելիս առավել արդյունավետ **կհամատեղի բարձրագույն կրթության ազգային առանձնահատկություններն ու ավանդույթները նորարարությունների** հետ։

90-ականների վերջին հետխորհրդային գրեթե բոլոր երկրների, այդ թվում՝ Հայաստանի, կրթական համակարգերը օբյեկտիվորեն սկսեցին ինտեգրվել եվրոպական կրթական համակարգին, ինչն իր հերթին հանգեց-

րեց որոշ կառուցվածքային և ինստիտուցիոնալ փոփոխությունների: Որպես հետևանք՝ այսօր կրթությունը ողջ աշխարհում գտնվում է արդիականացման գործընթացում՝ պայմանավորված կրթական տարածքի համաշխարհայնացմամբ: Սոցիալ-մշակութային միջավայրի գլոբալ փոփոխություններով պայմանավորված՝ փոփոխության են ենթարկվում նաև ժամանակակից կրթության որակական հատկանիշները (նպատակային, բովանդակային, գործընթացային):

60-ական թվականներին սկսված բարձրագույն կրթության ուսումնասիրությունները հիմնականում կենտրոնացած են եղել բարձրագույն կրթության զարգացման և արագ փոփոխվող քաղաքական ու սոցիալ-տնտեսական պայմաններին վերջինիս ադապտացման համար որոշիչ ազդեցություն ունեցող արտաքին գործոնների վերլուծության վրա:

Էլիտարից զանգվածային բարձրագույն կրթություն անցման հետ մեկտեղ և, որպես հետևանք, բարձրագույն կրթության բինար համակարգի հայտնվելուն զուգահեռ առաջ եկան բուհերի կառավարման, պետության և արդյունաբերության հետ վերջիններիս կապի, ինչպես նաև ֆինանսավորման հիմնախնդիրները: Այդ համատեքստում առավել արդիական է դառնում զանգվածային բարձրագույն կրթության և բարձր ակադեմիական չափանիշների միջև փոխզիջման պահպանման հիմնախնդիրը: Հետագա ուսումնասիրությունները թույլ տվեցին առանձնացնել հետևյալ երեք խնդիրները.

- պետական կառավարման համակարգում որոշումների մշակման և ընդունման գիտական հիմունքների ապահովումը,
- ներքին (ներբուհական) խնդիրների լուծման ապահովման մոտեցումների ձևավորումը,
- կրթության՝ որպես մասնագիտական ինքնաարտահայտման ձևի, ուսումնասիրությունների իրականացումը:

Մինչև 90-ական թվականներն արտասահմանյան գիտնականների ուշադրությունը հիմնականում բևեռված էր բարձրագույն կրթության առանձին ասպեկտների ուսումնասիրության վրա: Նշված ժամանակահատվածում բարձրագույն կրթության ոլորտում ինտեգրացիոն գործընթացների ուսումնասիրությունները մնում էին ստվերում: Արևմտյան գիտնականներն աշխատում էին բարձրագույն կրթությանն առնչվող մի շարք արդիական հիմնահարցերի տեսական հայեցակարգերի և գործնական առաջարկությունների ձևավորման ուղղությամբ:

Բարձրագույն կրթության ոլորտում ժամանակակից գործընթացները՝ համաշխարհայնացումը, միջազգայնացումը, տարածաշրջանային և համաշխարհային կրթական տարածք ինտեգրման միտումները, այսօր պահանջում են բարձրագույն կրթության համակարգի բովանդակության և

կառավարման վրա այդ գործընթացների ազդեցության համալիր (միջդիսցիպլինար) ուսումնասիրությունների իրականացում: Խնդրի վերաբերյալ հիմնական հետազոտությունների արդյունքները ներկայացվել են Դ. Վան Դամի, Պ. Նիբորգի, Ն. Բաննովայի, Ա. Լեվինսոնի, Ե. Պլեխանովի, Օ. Կորմիլիցինայի և ուրիշների աշխատություններում: Հետազոտություններ և վերլուծություններ են իրականացվել նաև այնպիսի միջազգային կազմակերպությունների կողմից, ինչպիսիք են՝ Համաշխարհային Բանկը, ՅՈւՆԵՍԿՕ-ն, Տնտեսական համագործակցության և զարգացման կազմակերպությունը, Համալսարանների համաշխարհային ասոցիացիան, Բարձրագույն կրթության որակի ապահովման եվրոպական ցանցը, Բարձրագույն կրթության հետազոտողների ռուսաստանյան ասոցիացիան և այլն:

Բարձրագույն կրթության բնույթի և բովանդակության սահմանման, էվոլյուցիայի ընթացքում վերջինիս գործառույթների փոփոխման վերաբերյալ դասական և ժամանակակից մոտեցումները, որոնց ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս բացահայտել բարձրագույն կրթության նշանակությունը ժամանակակից հասարակության մեջ, ինչպես նաև ի հայտ բերել բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգերի առաջնահերթությունները, արտացոլվել են այնպիսի հեղինակների աշխատություններում, ինչպիսիք են՝ Ջ. Ձյուին, Կ. Հյուֆները, Է. Լյախովիչը, Հ. Օրտեգա-ի-Գասետը, Վ. Մայերը, Օ. Կարպենկոն և այլն, ինչպես նաև բարձրագույն կրթության զարգացման ժամանակակից հիմնախնդիրներին նվիրված գիտական աշխատություններում (Վ. Ֆիլիպով, Բ. Ազրանովիչ, Ե. Բանև, Վ. Բայդենկո, Վ. Բորդովսկի, Լ. Գուրյե, Ա. Կլյուև, Մ. Կոլչուգինա, Ի. Մայբուրով, Ջ. Սազոնովա, Ս. Սմիրնով, Մ. Արնոլդ, Բ. Կլարկ, Հ. Դե Ուիտ, Լ. Գրեյ, Ջ. Նայտ, Պ. Սկոտ, Գ. Նիվ և այլն):

Այսօր՝ ժամանակակից վերափոխումների պայմաններում, ուշադրություն է դարձվում բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգերի փիլիսոփայական, մեթոդաբանական և տեսական բովանդակության ուսումնասիրությանը: Այդ հետազոտությունների արդյունքներն արտացոլված են Մ. Վուդհոլի, Ջ. Ֆիլդենի, Ե. Ալցգուլի, Կ. Դենբիի, Ֆ. Բալդերստոնի, ինչպես նաև մի շարք ռուս հետազոտողների (Ա. Սուբետո, Ն. Սելեզնյովա, Ռ. Բայդենկո և այլն) աշխատություններում:

Ներկայացված հիմնախնդիրների արդիականությունն այսօր գրավում է մեծ թվով հետազոտողների ուշադրությունն ինչպես արտասահմանում, այնպես էլ Հայաստանում: Նշված ուղղությամբ ի հայտ եկած հետաքրքրությունը պայմանավորված է ինչպես մեծ նշանակություն ձեռք բերած և բարձր արագություն զարգացրած կրթական բարեփոխումներով, այնպես էլ դրանց իրականացման գործընթացներում առկա բազմաթիվ բացթողումներով և արդյունքում ի հայտ եկած կրթական ոլորտի պաթո-

լոգիաներով: Նշված պայմաններում կրթության զարգացման հիմնական խնդիրներն են հանդիսանում դրա համապատասխանեցումը հասարակության սոցիալ-տնտեսական կառուցվածքին և պահանջներին, ինչպես նաև արդյունավետ կառավարման, ֆինանսավորման, միջոցների օգտագործման ժամանակակից մեխանիզմների մշակումն ու ներդրումը: Էլ ավելի են կարևորվում նշված հիմնախնդիրները կրթական ոլորտի համաշխարհայնացման և միջազգայնացման շրջանակներում տեղի ունեցող ինտեգրացիոն գործընթացների լույսի ներքո, ինչն առաջ է բերում կառավարման համապատասխան կառույցների, ձևաչափերի, ենթակառուցվածքների ստեղծման և բարելավման, ինչպես նաև կրթության կազմակերպման ու կրթական ծառայությունների տրամադրման փոխհամաձայնեցված մեխանիզմների, սկզբունքների, քաղաքականության մշակման հիմնախնդիրները [1, 110–128]:

Ընդհանուր առմամբ, բարձրագույն կրթության կառավարման հիմնահարցերին և տարբեր ասպեկտներին նվիրված ուսումնասիրությունների թիվը կայուն կերպով աճում է, ինչը պայմանավորված է վերջիններիս նկատմամբ առանձին հետազոտողների, գիտական և կրթական հաստատությունների, պետական մարմինների և միջազգային կազմակերպությունների կողմից աճող հետաքրքրությամբ: Սակայն ներկայումս դեռ ոչ բավարար ուսումնասիրված են անցումային տնտեսությամբ երկրներում բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգերի ձևավորման համալիր միջդիսցիպլինար հիմնախնդիրները: Ոչ բավարար հետազոտված է նաև նոր պայմաններում բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգի ձևավորման հիմնախնդիրը վերջինիս «նոր» և «հին» մոդելների սինթեզի, դրանց տարրերի համակցման համատեքստում:

Նշված խնդիրների լուծումը, մեր կարծիքով, հնարավոր է գտնել հետևյալ քայլերի և միջոցառումների հետևողական իրականացման միջոցով.

1. Հայաստանում և արտասահմանյան երկրներում բարձրագույն կրթության զարգացման ժամանակակից փուլի փիլիսոփայական-մեթոդաբանական և քաղաքական-տնտեսական ուսումնասիրություն ինտեգրացիոն քաղաքականության համատեքստում, ոլորտի կառավարման ժամանակակից համակարգերի փիլիսոփայական-մեթոդաբանական բովանդակության սահմանում, ինչը ենթադրում է.

ա) բարձրագույն կրթության ոլորտի արդիականացման գործընթացի հիմնական բնութագրիչների և սոցիալ-փիլիսոփայական բնույթի բացահայտում,

բ) ՀՀ-ում և հետխորհրդային այլ պետություններում իրականացվող կրթական քաղաքականության համեմատական վերլուծություն արդիակա-

նացման գործընթացների համատեքստում, պետության ներքին և արտաքին քաղաքականությունում կրթական քաղաքականության դերի ուսումնասիրություն,

գ) Հայաստանի Հանրապետության և մի շարք արտասահմանյան երկրների բարձրագույն կրթության կառավարման ժամանակակից համակարգերի փիլիսոփայական և մեթոդաբանական բովանդակության բացահայտում, վերջիններիս կառուցվածքային և ֆունկցիոնալ, քաղաքական և իրավական, սոցիալ-տնտեսական բովանդակային առանձնահատկությունների սահմանում,

դ) ինտեգրացիոն գործոնների ազդեցությամբ զարգացած և զարգացող երկրներում կրթական մոդելների և բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգերի վերափոխման ժամանակակից գործընթացների հետազոտություն:

2. Ինտեգրացիոն քաղաքականության համատեքստում բարձրագույն կրթության փիլիսոփայական և մեթոդաբանական հայեցակարգի մշակում, բարձրագույն կրթության համակարգային մոդելի ձևավորում ժամանակակից փոփոխությունների լույսի ներքո, որի իրագործումը ներառում է հետևյալ ենթախնդիրների առաջադրում և լուծում.

ա) բարձրագույն կրթության ֆունկցիոնալ նշանակության, նպատակների, սոցիալ-փիլիսոփայական բնույթի և բովանդակության սահմանում ինտեգրացիոն գործընթացների համատեքստում,

բ) գործող կրթական քաղաքականության մոդելների համալիր վերլուծություն և գնահատում, ՀՀ-ում կրթական քաղաքականության զարգացման գերակա ուղղությունների սահմանում բարձրագույն կրթության ինտեգրացիոն և արդիականացման գործընթացների համատեքստում,

գ) բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգի մեթոդաբանական սկզբունքների համակարգում, ժամանակակից վերափոխումների պայմաններում վերջինիս սոցիալ-փիլիսոփայական հայեցակարգի մշակում,

դ) բարձրագույն կրթության կառավարման գործող համակարգերի համեմատական վերլուծություն, վերջիններիս հաջողության և անարդյունավետության հիմնական գործոնների ուսումնասիրություն, բարձրագույն կրթության կառավարման մոդելների տարակարգման հարցում պետության դերի բացահայտում:

Այսպիսով, նշված քայլերի իրականացումը թույլ կտա բացահայտել առկա խնդիրների լուծման հնարավոր ուղիները և հետագայում հիմք կհանդիսանան մեր կողմից նշված ուղղությամբ համալիր ծրագրի առաջարկման համար: Հետազոտության ավարտին ենթադրվում է.

- սահմանել կրթության ոլորտի սոցիալ-փիլիսոփայական էությունը և արդիականացման գործընթացի հիմնական բնութագրումները,
- մշակել և ներկայացնել բարձրագույն կրթության համակարգի բարեփոխումների ընթացքում համապատասխան օրենսդրական փոփոխությունների հանձնարարականներ,
- բացահայտել բարձրագույն կրթության համակարգի վրա ազդող բացասական գործոնների հաղթահարման մեթոդներն ու միջոցները,
- մշակել բարձրագույն կրթության կառավարման համակարգային հայեցակարգային մոդելը՝ գլոբալ մարտահրավերների աճի և կրթական համակարգերի ինտեգրացիոն գործընթացների համատեքստում:

---

1. *Аветисян П.С.* Формирование единого образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально-философская концепция): Монография. Ер.: «Гитутюн», НАН РА, 2007. 376с.
2. *Попков Ю.В.* Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: изд-во ИДМИ, 2000, 199с.
3. «Կրթական վերափոխումները Հայաստանում» ՄԱԶԾ, Եր., 2006, 224 էջ:
4. *Галикян Г.Э.* Образовательная система развивающихся стран перед вызовами глобализации. Третья годичная конференция РАУ// Сборник научных статей. Ер.: изд-во РАУ, 2009. СС. 144–153.
5. *Галстян В.С.* Вопросы формирования и развития системы управления качеством высшего образования (на материалах РА) // Дисс. к.э.н. Ер., 2010, ЕГАУ. 156с.

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В РА

Аннотация

Целью статьи является постановка проблемы философско-методологического и политико-экономического исследования и обоснования возможных направлений формирования и развития системной модели управления высшим образованием в контексте углубления интеграционных процессов и сближения национальных образовательных систем.

Ключевые слова: философия высшего образования, философия и методология управления, образовательная политика, управление высшим образованием, системная модель, интеграционная политика.

THE PROBLEM OF DEVELOPING A SYSTEM MODEL OF HIGHER EDUCATION MANAGEMENT IN ARMENIA

Summary

The aim of the article is philosophical and methodological, political and economic study and substantiation of possible directions of formation and development of a system model of higher education management in the context of deepening of integration processes and convergence of national education systems.

Keywords: philosophy of higher education, philosophy and methodology of management, education policy, higher education management, integration policy, system model.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» И «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»

О.Л. Саркисян, Т.С. Биджоян

В данной статье сделана попытка кристаллизации понятия *стратегическая культура*, углубления знаний о нем путем сравнения со смежным в политической науке понятием *политическая культура*. В статье сформулировано новое определение понятия *стратегическая культура*, в которой нашли свое отражение новые аспекты, выявленные в результате его сравнения с понятием *политическая культура*.

Ключевые слова: стратегическая культура, политическая культура, стратегия, стратегическое мышление, национальная безопасность.

Понятие *стратегическая культура* вошло в обиход политической науки сравнительно недавно. Как понятие новое, оно недостаточно разработано: до сих пор не существует целостного представления о стратегической культуре, о сущности отраженной в данном понятии реальности. Именно этим обусловлены разночтения в осмыслении рассматриваемого концепта. Это делает необходимым дальнейшие исследования феномена стратегической культуры. Следует отметить, что некоторые существенные признаки рассматриваемого феномена могут быть освещены при сравнительном анализе стратегической культуры и смежных политических феноменов. С данной точки зрения, особое значение имеет сопоставление стратегической и политической культур.

Развитие теоретического уровня научного знания вообще, и политической теории, в частности, в определенном смысле состоит в создании новых теоретических моделей, позволяющих адекватно и наиболее полно описывать исследуемую реальность, интерпретировать факты, придавать им определенный смысл. Теоретическая модель, образно говоря, «испускает свои лучи» на объект исследования, освещая те его стороны, которые находились в тени, способствуя созданию наиболее полной, синтетичной картины реальности. Концепция *стратегической культуры* является одной из таких новых теоретических моделей в современной политологии. Хотя сама концепция появилась только в последней четверти XX века, сам феномен стратегической культуры, стратегического мышления и стратегического поведения имеет давнюю исто-

рию. Модель же стратегических культур стала попросту теоретической рефлексией над уже существующей реальностью.

В одной из предыдущих статей нами была сделана попытка обращения к проблеме генезиса концепции стратегических культур, формирования понятия *стратегическая культура* и его определения [1]. На основе анализа имеющихся точек зрения развитие концепции стратегических культур можно условно разделить на четыре этапа.

Первый этап – предыстория – история развития стратегической мысли с древности (от Фукидида и Сунь Цзы) до XIX века (Карл фон Клаузевиц).

Второй этап (40–50-е годы XX века) связан с попытками ученых найти связь между культурой и государственной политикой. Стоит отметить, что именно в это время на арену политической науки выступает понятие политической культуры, которое позднее приобретает более специфичный характер с появлением понятия стратегическая культура.

Третий этап развития связан с возникновением собственно понятия *стратегическая культура*, а также его развитием в контексте «холодной войны» и политики использования ядерного оружия, которые, безусловно, повлияли на подходы к определению понятия. Впервые термин *стратегическая культура* был употреблен в 1977 году американским политологом Джеком Снайдером в его книге «Советская стратегическая культура: последствия для ограниченного применения ядерного оружия» [2]. На этом этапе стратегическая культура трактовалась крайне узко, исключительно в связи с ядерной политикой государства не учитывались остальные аспекты. Может быть, именно из-за этого в конце 80-х годов начался кризис концепции стратегической культуры.

Четвертый этап начинается в начале 90-х годов XX века, когда резко возрастает интерес к понятию в политической науке, и делаются попытки наполнить его новым содержанием. Связывается это с появлением нового методологического подхода в политологии – конструктивизма, который заново оценил влияние культурных факторов на политику. Интересно, что на данном этапе стратегическая культура рассматривается в широком контексте государственной безопасности. Именно данное понимание стратегической культуры на сегодняшний день развивается в политической науке.

Учитывая все вышеуказанные подходы и тенденции развития, а также тот факт, что научные понятия находятся в процессе непрерывного развития, в вышеуказанной статье нами было предложено определение, которое выражает наиболее широкое понимание стратегической культуры, как «совокупность базовых, имеющих стратегическое значение культурных, ментальных, идеологических факторов (установок, принципов, ценностей, норм, мифологем и идеологем, традиций и т.д.), направленных на эффективное использование всего внутреннего потенциала государства (нации) для ответа на вызовы эпохи, на утверждение своего места в изменяющемся и полном противоречий и конфликтов мире, на обеспечение национальной безопасности» [1, с. 223].

Однако, учитывая многоаспектный характер феномена стратегической культуры, следует отметить, что данное определение также не претендует на

исключительную верность, следовательно, нуждается в дальнейших доработках. С целью кристаллизации понятия *стратегическая культура*, раскрытия его новых граней и углубления его понимания в целом, в рамках данной статьи, на основе имеющихся классических трактовок феномена политической культуры, а также данного нами определения понятия стратегической культуры, будет проведен анализ некоторых аспектов соотношения понятий *стратегическая культура* и *политическая культура*.

В политологической литературе до сих пор нет специальных исследований, посвященных этой проблеме (в первую очередь, данное утверждение верно для армянской и российской политической науки, хотя исследования, проведенные в рамках данной статьи, позволили нам сделать вывод, что данная тема не разработана и в западной политической науке).

Необходимость исследования данной проблемы имеет как теоретическое, так и практическое значение. Теоретическая значимость заключается в том, что исследование проблемы может привести, в первую очередь, к углублению самого понятия стратегической культуры, и, возможно, к определенным сдвигам в понимании таких понятий политической теории, как политическая культура, политическая идеология, политическое сознание и др. Практическая же значимость определяется детерминационной зависимостью сферы политических процессов и технологий от политической и стратегической культур, поскольку понятия *политическая* и *стратегическая* культуры содержат в себе пласты не только идеалов и ценностей, но и практического воплощения их на практике – в форме определенных моделей поведения и взаимодействия, принятия решений и т.д.

Особо актуальна исследуемая проблема в реалиях современной Республики Армения, поскольку, находясь перед выбором путей развития, государство должно разработать всеобщую концепцию развития, что невозможно сделать, не имея четко сформулированного концепта собственной стратегической культуры. В свою очередь, для разработки последнего необходимо понять, влияет ли политическая культура того или иного государства на разработку его стратегической культуры, или же наоборот, под воздействием последнего формируется политическая культура. Для реализации поставленной цели, в первую очередь, необходимо понять соотношение содержания и объемов исследуемых понятий.

Термин «политическая культура» был впервые употреблен немецким философом-просветителем Иоганном Гердером еще в XVIII веке [3]. Но систематизированное изучение самого понятия началось только во второй половине XX века, и связывают его с именами таких американских политологов, как Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, С. Верба, которые, в частности, рассматривали понятие в связи с политическими системами, а также гражданской культурой. «Следует отметить, что понятие политической культуры предстало в качестве предмета наиболее интенсивного изучения в 50–60-е годы XXв. не случайно, а как результат осознания ограниченности институционального подхода в социально-политических исследованиях» [4]. Институциональный подход рассматривал политическую систему как совокупность государственных и негосударст-

венных институтов, социальных и правовых норм, посредством которых она функционирует. Однако такой подход оставлял вне рамок исследования внеинституциональные аспекты функционирования политической системы, в первую очередь, влияние субъектов политической системы на институты.

Г. Алмонд, будучи одним из первых ученых, который начал комплексное изучение влияния человеческого фактора на функционирование политической системы, предложил концепцию политической культуры как феномена, объясняющего данное влияние. Он рассматривал политическую систему с позиций анализа двух уровней: институционального, изучающего систему через политические институты, и ориентационного – через специфику политических ориентаций. Г. Алмонд определил совокупность последних как политическую культуру: «Политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение» [5].

Позднее в политической науке сложились некоторые школы, которые поразному трактовали понятие «политическая культура». Одни ученые отождествляли ее с субъективным содержанием политики, подразумевая под ней всю совокупность духовных явлений (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Дивайн, Ю. Краснов и др.) [5, 6]. В трактовке этих ученых термин «политическая культура» обобщенно характеризует субъективный контекст властно-политических отношений. Другая группа ученых, видя в политической культуре проявление нормативных требований (С. Уайт) [7], совокупность типичных образцов поведения (Дж. Плейно) [8], способ политической деятельности (У. Розенбаум) [9], считает, что это особый, специфический субъективный ракурс политики.

Следует отметить, что главным стимулом в изучении феномена политической культуры стало сравнительное изучение различных политических систем, которые, несмотря на наличие одинаковых институтов, тем не менее, функционировали и развивались совершенно разными путями. Результатом данных размышлений стали гипотезы о том, что культурные факторы, тем или иным образом, влияют на политические системы и определяют возможные пути их функционирования. Наиболее полное определение политической культуры было дано российскими политологами – В.И. Жуковым и Б.И. Красновым, которые соединили различные подходы к трактовке данного понятия и пришли к следующему выводу: «политическая культура – это система исторически сложившихся, относительно устойчивых и репрезентативных («образцовых») ориентаций, то есть представлений, убеждений, установок, чувств, оценок и моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования политических институтов и образуемой ими системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, определяющих ее основные направления и формы и тем самым обеспечивающих воспроизводство и дальнейшую эволюцию политической жизни на основе преемственности» [6, с. 922].

Действительно, будучи одним из важнейших компонентов политической системы, политическая культура во многом предопределяет направленность

политического процесса, ролевые и ценностные установки акторов политического процесса, цели развития общества и методы достижения поставленных целей. Таким образом, политическая культура является своеобразным фундаментом, на котором строятся политические отношения, в том или ином обществе и на основе которых имеют место быть наиболее значительные преобразования в политической системе и в обществе в целом. «Став реальным инструментом политических преобразований, политическая культура несет в себе образцы политического поведения и модели действий, во многом определяет устойчивость и целостность развития общества и личности. Без выявления механизмов и технологий воздействия политической культуры на политический процесс невозможно вести эффективное прогнозирование и управление в политической сфере» [10].

В связи с этим возникает вопрос: кем и как формируется политическая культура, кто является ее носителем? Делая выводы из вышесказанного о политической культуре, можно утверждать, что данный феномен есть результат познания объективных политических процессов, их оценки и выработки определенных норм, канонов. Хочется отметить, что данный процесс занимает довольно длительный период времени и происходит на всех уровнях функционирования государства и общества, поэтому носителями политической культуры могут быть как общество в целом, так и классы, социальные слои, конкретные коллективы, отдельная личность. Поэтому, говоря о политической культуре как о целостном явлении, нельзя сказать, что она вырабатывается в определенных кругах и позже распространяется на все общество. Если одни пласты политической культуры, такие как политическая идеология или же политическая социализация, есть результат целенаправленной рациональной деятельности, то формирование других пластов происходит спонтанно и на всех уровнях развития общества.

В отличие от политической культуры, которая формируется в результате длительного процесса на всех уровнях функционирования общества и государства, стратегическая культура вырабатывается определенными социальными группами. В частности, поясняя последнее утверждение, нужно отметить, что речь, в первую очередь, идет о политической элите, которая, аккумулируя общественный опыт и выполняя своего рода селекцию, формирует стратегическую культуру государства. Как выразился Джек Снайдер в своей книге «Советская стратегическая культура: последствия для вариантов ограниченного применения ядерного оружия», «*элиты* артикулируют уникальную стратегическую культуру, относящуюся к вопросам военной безопасности государства, которая, в свою очередь, является широким проявлением общественного мнения, выраженной в особой форме стратегического мышления» [11]. Необходимо отметить, что Снайдер утверждал, что стратегическую культуру разделяют *члены национального стратегического сообщества относительно ядерной политики государства,* тем самым высказывая мысль о том, что носителями стратегической культуры является не общество в целом, а определенные элитные круги.

Делая вывод из вышесказанного, можно утверждать, что понятие «стратегическая культура» по своему объему *уже* понятие «политической культуры»,

и входит в объем последнего. Являясь частью политической культуры, стратегическая культура занимает один из многочисленных пластов политической культуры, наряду с уровнем политической идеологии и другими, которые были сформированы осознанно и с определенной целью. По этой причине функции, которые выполняет политическая культура, гораздо шире функций стратегической культуры. Среди функций, выполняемых политической культурой различают функцию идентификации, посредством которой индивид находит свое место в политической системе того или иного государства и ориентируется в своих возможностях в рамках данной системы. Функция адаптации позволяет человеку приспосабливаться к изменяющейся политической среде, функция социализации дает индивидууму возможность обретения определенных навыков и знаний для выживания и деятельности в той или иной политической среде, и, наконец, функции интеграции и коммуникации позволяют субъектам взаимодействовать на базе разделяемых символов, стереотипов в рамках определенной политической среды.

Благодаря вышеперечисленным функциям, политическая культура активно влияет на политический процесс, определяя его направленность и возможности развития. В отличие от обширных функций, выполняемых политической культурой, стратегическая культура выполняет более конкретные, специфические задачи. Во-первых, если функции, выполняемые политической культурой, имеют «влияние» как на уровне индивидуумов, так и на уровне всего государства, то стратегическая культура, в первую очередь, влияет на государство в целом. Основной функцией стратегической культуры можно назвать функцию адаптации государства к изменяющимся условиям в мире и определения возможного вектора его развития, а также обеспечения национальной безопасности. Таким образом, стратегическая культура затрагивает государство в целом, но не затрагивает его отдельных частей, в отличие от политической культуры.

Ограниченный круг функций, выполняемых стратегической культурой, также свидетельствует об узости понятия «стратегическая культура» в отличие от понятия политической культуры. Таким образом, политическая культура во многом влияет на стратегическую культуру, определяет рамки, в которых она формируется, является своеобразным фундаментом, базисом, на котором она строится. Развитая политическая культура облегчает процесс формирования стратегической культуры, артикулируемой элитами, и обеспечивает необходимые предпосылки для ее выработки. В свою очередь, сформированная стратегическая культура обуславливает дальнейшее направление развития политической культуры общества. Импульсы, передаваемые от политических элит, находят свое отражение в обществе и преломляются в виде моделей поведения, стереотипов, идеологий. Следовательно, устоявшаяся стратегическая культура имеет определяющее влияние на политическую культуру, которая формируется не спонтанно, а целенаправленно. В данной ситуации иррациональные элементы политической культуры во многом сводятся к минимуму, и на первый план выступают рациональные, осознанные элементы политической культуры. Это, в свою очередь, влияет на развитие политического процесса в государстве, который проходит более системно, и, как следствие, процесс развития более эффективен во многих аспектах политической жизни государства и общества.

Нужно отметить, что вышеуказанное возможно лишь при наличии политической государственной (национальной) элиты, которая формирует стратегическую культуру и обеспечивает ее имплементацию в обществе. При отсутствии же этой элиты формирование стратегической культуры становится невозможным, и политическая культура без влияния стратегической культуры развивается в бессистемном и спотанном порядке. Именно поэтому феномены политической и стратегической культуры взаимовлияют и взаимообуславливают друг друга.

Таким образом, сделаем некоторые выводы:

1. Понятие «политическая культура» шире, чем понятие «стратегическая культура». Последнее, по существу, является особым пластом в системе политической культуры.

2. Политическая культура пронизывает всеобщественное сознание, получая массовую материализацию. Стратегическая же культура существует на уровне сознания государственной (национальной) элиты.

3. Формирование политической культуры происходит как спонтанно, так и целенаправленно (например, идеологический пласт), что означает наличие как рациональных, так и иррациональных элементов. Стратегическая же культура есть результат сугубо целенаправленной рациональной деятельности элит.

4. Политическая и стратегическая культура находятся в отношении взаимовлияния, взаимообусловленности. Наличная политическая культура делает возможным формирование стратегической культуры. Стратегическая же культура направляет развитие политической: фундаментальные принципы стратегической культуры преломляются в сознании и моделях поведения масс в виде своеобразных мифологем, идеологем, стереотипов и т.д.

5. При наличии государственно-национальной элиты с определенной степенью стратегического мышления определяющей становится воздействие стратегической культуры на политическую культуру общества, что обеспечивает ее поэтапно-программное и эффективное развитие. При отсутствии подобной элиты политическая культура развивается в основном спонтанно, а стратегическая культура – может вообще отсутствовать.

Рассмотрение некоторых аспектов соотношения политической и стратегической культур позволило нам раскрыть некоторые особенности последней: существование на уровне государственной (национальной) элиты, рационально-целенаправленный характер, значение пласта моделей и технологий поведения. На основе этого мы считаем необходимым подкорректировать данное нами ранее определение: *стратегическая культура – это совокупность базовых, имеющих стратегическое значение ментальных, идеологических факторов (установок, принципов, ценностей, идеалов, норм, мифологем и идеологем и т.д.), существующих на уровне сознания национально-государственной элиты, направленных на эффективное использование всего внутреннего потенциала государства (нации) для утверждения своего места в мире, на обеспечение национальной безопасности, а также совокупность моделей и технологий поведения и принятия решений элитой на пути реализации этих стратегических целей.*

1. *Саркисян О.Л., Биджоян Т.С.* Проблема определения понятия стратегическая культура // Сборник научных статей седьмой научной конференции РАУ. Ч. 1. Ер.: изд-во РАУ, 2013.
2. *Jack Snyder.* The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options, R-2154-AF (Santa Monica: Rand Corporation, 1977).
3. *Гердер И.* Идеи к философии истории человечества. М.: изд-во «Наука», 1977.
4. *Гаман-Голутвина О.В.* Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли // http://www.politex.info/content/view/151/30/
5. *Alrnond G., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1956. P.72.
6. *Жуков В.И., Краснов Б.И.* Общая и прикладная политология. М.: МГСУ; изд-во «Союз», 1997.
7. *White S., Gerdner J., Schoptlit G.* Communist Political System: An Introduction. L., 1982.
8. *Plano J., Greenberg M.* The American political Dictionary. Harcourt College Publishers, 2001, 11 ed.
9. *Rozenbaum W.* Political Culture. New York, 1975.
10. *Пеньков В.Ф.* Политическая культура как фактор развития политического процесса в современной России // http://www.dissercat.com/content/politicheskaya-kultura-kak-faktor-\razvitiya-politicheskogo-protsessa-v-sovremennoi-rossii
11. *Jack Snyder.* The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options, R-2154-AF (Santa Monica: Rand Corporation, 1977). P. 8.

«ՌԱԶՄԱՎԱՐԱԿԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹ» ԵՎ «ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՄՇԱԿՈՒՅԹ» ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՈՐՈՇ ՏԵՍԱՆԿՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Ամփոփում

Հոդվածում փորձ է արվել հստակեցնել *ռազմավարական մշակույթ* հասկացությունը, խորացնել նրա մասին գիտելիքները, համեմատելով այն քաղաքական գիտության մեջ նրա հետ սերտ կերպով առնչվող *քաղաքական մշակույթ* հասկացության հետ: Արդյունքում, հոդվածում ձևակերպվում է *ռազմավարական մշակույթ* հասկացության նոր սահմանում, որտեղ արտացոլվում են այն նրբերանգները, որոնք բացահայտվել են *քաղաքական մշակույթ* հասկացության հետ նրա համեմատության միջոցով:

SOME ASPECTS OF CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF “STRATEGIC CULTURE” AND “POLITICAL CULTURE”

Summary

The paper aims to reveal the concept of ‘strategic culture’, to deepen the knowledge about the concept through its comparison with a closely related phenomenon in political science political culture. As a result, a new definition of the concept of ‘strategic culture’ was worked out. The definition reflects new aspects of the ‘strategic culture’ notion gained in comparison with the concept of ‘political culture’.

МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ СНГ

Г.М. Солахян

Развитие интеграционных процессов на современном этапе занимает центральное место в формировании международных отношений. В последние годы интеграционные процессы в рамках СНГ стали набирать все большую актуальность, хотя они происходили уже с момента ее образования. В реализации интеграционных процессов страны Содружества во многом опирались на существующий международный опыт и на модели, испытавшие свою эффективность временем. С целью выявления наиболее оптимальной модели интеграции для государств Содружества, с перспективой функционирования и реализации на постсоветском пространстве, в работе поочередно, с учетом всех преимуществ и недостатков, проанализирована суть нескольких из них.

Ключевые слова: интеграционные процессы, модели, современные политические процессы, государства СНГ, перспективы.

Современные международные отношения развиваются в условиях быстрого роста числа интеграционных объединений, что обусловлено стремлением государств расширить сотрудничество и стать весомыми геополитическими игроками на международной политической арене.

На постсоветском пространстве активация интеграционных процессов стала наблюдаться уже с момента образования СНГ (1991г.). Это было обусловлено, в первую очередь, необходимостью найти ту формулу, которая помогла бы независимым государствам состояться и развиваться по отдельности, не теряя при этом тесные связи, сложившиеся в годы существования Советского Союза. То есть модель интеграции, выбранная постсоветскими государствами сразу после обретения независимости, условно можно назвать *«интеграцией по инерции»* [1].

На фоне инерционной интеграции, в начале 90-ых гг., начинают развиваться другие интеграционные механизмы. Например, западный механизм (ЕС), по утверждению многих авторов, создавался с целью объединения государств, в отличие от СНГ, который создавался для обеспечения «мирного развода» постсоветских стран [2].

Хотя существует также и обратное мнение, согласно которому Содружество является стержнем для нового объединения и дальнейшего углубления интеграционных процессов стран-участников, но уже на качественно новом уровне и на новой основе (эти авторы повторяют принцип объединения стран

Евросоюза), а для этого нужно было разработать наиболее перспективную модель интеграции.

Период 90-ых гг. являлся временем поиска именно этой идеальной модели методом «проб и ошибок», на основе собственной практики и примера других интеграционных объединений. Модель интеграции этого периода можно назвать *«поисковой»* [1, сс. 89–92]. Поиск оптимальной модели для дальнейшей интеграции начал складываться на фоне как центростремительных, так и центробежных тенденций, которые во многом предопределяют как политическую обстановку в регионе, так и дальнейшее развитие интеграционных процессов в рамках СНГ.

Однако поисковая модель, как и инерционная, за короткое время проявила свою неэффективность и безрезультативность, став лишь основой для дальнейшей выработки механизмов и разработки новой стратегии для более перспективной интеграции.

В реализации интеграционных процессов страны Содружества во многом опирались на существующий международный опыт и на модели, испытавшие свою эффективность временем. Исследователи разделяют модели интеграции на несколько групп: модели, которые испробовали себя на постсоветском пространстве, сценарии возможной интеграции, и модели, реализация которых не представляется возможным и целесообразным. Например, И. Бурганова выделяет: 1. *модель «полномасштабной» интеграции;* 2. *модель «разноскоростной» и «многоуровневой» интеграции;* 3. *модель воссоединения СССР;* 4. *модель превращения СНГ в «зонтичную организацию»;* 5. *модель ликвидации СНГ* [3], а Т. Ушакова предлагает модель *«варьируемой геометрии»*, которая в свою очередь, включает две модели: модель *«твердого ядра»* и модель *«кругов»* [4].

Для того чтобы выявить наиболее оптимальную модель интеграции для государств Содружества, с перспективой функционирования и реализации на постсоветском пространстве, предлагается поочередно, с учетом всех преимуществ и недостатков, проанализировать суть нескольких из них.

Одна из возможных моделей, к которой стремиться большинство стран-членов Содружества – это *интеграция в полном объеме*.

Данная модель предполагает формирование единой валютной системы, а также заключение соглашений в платежной, тарифной, таможенной и др. сферах. Кроме этого, полномасштабная интеграция включает образование наднационального органа, координирующего согласованную стратегию интеграции и успешное осуществление всех уровней интеграции (создание зоны свободной торговли, Таможенный союз, единое экономическое пространство, экономический союз, и, в конце концов, объединение в политический союз).

Основным приоритетом данной модели, несомненно, является равноправное участие всех стран в координации действий, и в разработке стратегии развития всех сфер: начиная от экономической, промышленной, научно-технической, заканчивая политической, военной и т.д. Участие в разработке всех аспектов сотрудничества обеспечивает как равноправие всех государств внутри союза, так и параллельное интегрирование во всех областях.

Другим важным преимуществом является использование ресурсов и потенциалов всех стран-участников объединения. То есть исключается вариант односторонних выгод, все государства имеют равномерный вклад в укреплении основ объединения.

Однако, наряду с преимуществами, модель полной интеграции имеет также и свои недостатки. Например, развитие экономики каждой страны будет во многом зависеть от развития и ситуации в другой. Это довольно невзаимовыгодное условие, особенно, учитывая резкую ассиметричность в развитии экономик стран СНГ, в отличие от западных интеграционных структур (ЕС), где общая картина почти одинакова. По данным 2012г., ВВП на душу населения в Казахстане составлял 13892, в Таджикистане – 2247, в Туркмении – 10583, в Киргизии – 2409, в Армении – 6645, а в странах ЕС, к примеру, в Германии – 41514, в Бельгии – 43413, во Франции – 39772, в Великобритании – 38514 (показатели выражены в долларах США) [5].

Таким образом, можно заметить, что, в отличие от стран СНГ, где наблюдается большая разница показателей, в странах Евросоюза резкой ассиметричности не наблюдается. В связи с этим, необходимо отметить, что симметричная интеграция, с параллельной реализацией всех ее уровней, является одной из предпосылок успешной организации модели полной интеграции, что во многом отсутствует в государствах Содружества. А у стран со схожими механизмами ведения хозяйства, развития экономики, почти равным потенциалом и т.д., процесс полной интеграции во многом упрощается. В связи с этим, реализация данной модели в рамках СНГ представляется маловероятной.

Закономерное стремление государств СНГ найти оптимальные конфигурации сотрудничества, в которую смогут вписаться все страны Содружества, привело к объективному выбору и развитию следующей интеграционной схемы – модели «*многоуровневой» и «разноскоростной» интеграции*.

Данная модель предполагает право выбора государством той области интеграция, которая его интересует, и интегрироваться тем ритмом, который подходит ему.

В многоуровневой интеграции различают несколько основных уровней: 1. Двухстороннее сотрудничество (например, Союзное государство России и Белоруссии). 2. Военно-политическое сотрудничество (например, ОДКБ), 3. создание субрегиональных организаций (например, ЦАС, ЕврАзЭс, ГУАМ).

Таким образом, разноскоростная интеграция находится в конструктивной стадии, что означает возможность продвижения и укрепления интеграционных процессов.

Однако разноскоростная интеграция, наряду с рядом преимуществ, имеет также и свои недостатки.

Поскольку не все государства-члены созданного союза принимали участие в его пошаговом построении, такой союз может быть непрочным, а полная интеграция – маловероятна. Следовательно, при применении разноскоростной интеграции следует учитывать ряд факторов, во избежание последующих препятствий. Например, очень важно учитывать возможности всех интегрирующихся стран, потому что в процессе интеграции могут участвовать как страны

с большим потенциалом (богатые страны), так и бедные страны, для которых симметричная интеграция с богатыми странами невозможна. Это может послужить причиной противоречивости данного процесса, так как бедные страны могут затормаживать интеграционный процесс.

Разноскоростная интеграция, с одной стороны, дает свободу и возможность выбора темпа и степени интеграции для всех государств, находящихся на интеграционной стадии, а с другой – вызывает некую раздробленность и ассиметричность в данном процессе. Все эти недостатки должны быть учтены государствами при выборе данной модели, во избежание замедления интеграционного процесса.

Наряду с разноскоростной интеграцией, как было отмечено выше, была разработана *концепция «варьируемой геометрии»*, которая включает две модели: модель «твердого ядра» и «модель кругов» [4].

Суть модели *«твердого ядра»* заключается в реализации интеграции двумя уровнями. Первый уровень предполагает интеграцию в узком смысле, то есть интегрируются страны-лидеры, инициаторы союза, затем присоединяются остальные.

Сегодня, в рамках СНГ, данная модель вполне реализуема, с учетом предпосылок для этого. Россия, Казахстан и Беларусь претендуют на образование твердого ядра, вокруг которого произойдет консолидация остальных участников политических процессов на постсоветском пространстве, заинтересованных в евразийской интеграции, с учетом того, что эти государства перешли на качественно другой этап интеграции, с наиболее углубленным сотрудничеством, достигли уже определенного уровня интеграционного взаимодействия.

В 2010г. сформировался и на этой базе начал действовать Таможенный союз, закончилась разработка основных документов и соглашений для формирования Единого экономического пространства [6], создание которого было еще одной попыткой придать импульс интеграционным процессам в рамках СНГ.

Однако в государствах-членах Содружества данная модель может вызвать недовольство определенных кругов, которые могут увидеть угрозу неравноправного участия в союзе, тем самым поставить себя под своеобразную зависимость от «ядра». Такая модель может привести к отказу многих стран от интеграции, в силу боязни угрозы суверенитету.

Другой аспект «варьируемой геометрии» предполагает *идею «кругов»*. Модель разработки «кругов» является своеобразным дополнением модели «твердого ядра». Кругами обозначаются сферы интеграции, в участии которых то или иное государство проявляет заинтересованность.

«Круги» предполагают несколько уровней: во-первых, экономическая интеграция, во-вторых, координация остальных сфер: военной, кредитной налоговой, валютной и т.д. (эти два круга предполагают интеграцию «ядра», то есть ограниченного числа государств – инициаторов проекта, в-третьих, и присоединение остальных государств, проявляющих интерес [4]. Таким образом, суть данной модели составляет постепенное приближение кругов до их окончательного слияния.

Еще одной моделью интеграции стран членов СНГ может служить *восстановление СССР*. Данная модель представляется нереализуемой, так как сегодня не существует ни одного государства на постсоветском пространстве, видящее в данной модели перспективу, а что касается общественности, то эта модель поддерживается немногими; коммунистические партии видят перспективу лишь в восстановлении Советского Союза.

Существует и другая возможная модель – *«превращение СНГ в своеобразный клуб двухстороннего сотрудничества»*. В последнее время все чаще можно услышать об СНГ как о клубе по интересам (так называемая зонтичная организация), о площадке для проведения саммитов и встреч на высоком уровне. Есть мнение, что мероприятия, проводимые в рамках СНГ, являются в большей степени формальностью [7].

Данная модель позволяет всем государствам участвовать в любых союзах, организациях и вести многостороннюю политику, что выгодно многим странам сегодня, например, Армении. Это позволит им интегрироваться как в европейские структуры, так и продолжать интеграцию в рамках СНГ. Особенно сегодня, когда Армения ведет динамичный диалог с европейскими в рамках «Восточного партнерства». Вместе с этим, Армения глубоко заинтересована в интеграционных процессах, происходящих в рамках СНГ, и уже предприняла на этом пути конкретные шаги. В частности, президент Армении С. Саркисян, в ходе своего визита в Москву объявил о желании Армении вступить в Таможенных Союз (3 сентября 2013г.). Власти Армении неоднократно заявляли, что во многом заинтересованы в интеграционных процессах и не собираются пренебрегать сотрудничеством с одним «полюсом», приостанавливая диалог с другим. В этой связи данная модель получит поддержку многих постсоветских государств.

Таким образом, согласно данной модели, Содружество будет играть роль своеобразного трамплина для интеграции на качественно новых основах и взаимоотношениях. Следовательно, эта модель вполне предпочтительна для большинства стран Содружества.

Однако, как и в случае остальных моделей, эта модель также имеет свои минусы. Во-первых, нужно разобраться, возможно ли ослабление связей и сотрудничества стран – членов СНГ при свободной интеграции в западные структуры, и может ли это иметь противоположный эффект, то есть, в конечном счете, привести к ликвидации Содружества?

Ликвидация СНГ также является одним из возможных сценариев, однако самым маловероятным. По верному утверждению С. Кизима, «эта организация пережила наиболее сложные времена в 1990-х, сейчас ей ничего не угрожает» [7]. Хотя интеграция в рамках СНГ пока полностью не осуществлена, прекращение ее деятельности представляется невозможным, во всяком случае, в ближайшей перспективе. СНГ должно быть сохранено как мост, связывающий постсоветские государства, поддерживающий политический диалог между ними в сфере военной безопасности, культуры, научно-технической сферы и т.д., а также для дальнейшего углубления интеграционного взаимосотрудни-

чества. В связи с этим, данная модель представляется нереализуемой и нецелесообразной.

Таким образом, анализ возможных моделей интеграционного взаимодействия показывает, что каждая модель, наряду с преимуществами, имеет свои недостатки.

В выборе той или иной модели для интеграции стран-членов Содружества следует брать во внимание ряд объективных и субъективных факторов, например, историческую взаимосвязанность постсоветских стран, роль России в развитии интеграционных процессах и т.д.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что Содружество не только обеспечило «мирный развод» бывших союзных республик, но и стало плацдармом для нового уровня сотрудничества.

«Инерционная» и «поисковая» модели оказались недостаточными для дальнейшей интеграции, т.к. они были основаны лишь на тесных связях, оставшиеся после распада СССР. Однако, со временем, вместе с ослаблением этих связей, возникла необходимость выработки новых механизмов сотрудничества, а это во многом связано с тем фактом, что постсоветские государства имеют разные представления и интересы в интеграционных процессах. В этой связи и в рамках Содружества образовались различные альянсы, с разными ориентировочными векторами, что во многом отдаляет их от модели интеграция в полном объеме. Данная модель предполагает интеграцию сильных, «готовых» для интеграции, государств в экономической, политической и других сферах, что вряд ли относиться ко всем странам Содружества.

Разноскоростная интеграция и модель зонтичной организации наиболее предпочтительны. Они дают определенную свободу каждому государству в выборе области и рамок для интеграции, а также в выборе блоков и организаций, участие в которых их интересует. Однако в таком случае велика вероятность того, что каждое государство будет руководствоваться односторонними выгодами, и вскоре компромиссы будут невозможны, а интеграция будет затормаживаться.

Что же касается модели «воссоединения СССР», то данная модель не может быть осуществлена в рамках СНГ, главным образом из-за незаинтересованности ни одной страны в ее реализации.

И, наконец, модель «ликвидации СНГ», которая также неуместна, как и предыдущая модель, так как после распада СССР Содружество стало связывающим звеном государств, уже связанных историей, культурой, географией и т.д.

Таким образом, принимая во внимание все плюсы и минусы перечисленных моделей, представляется целесообразным учесть преимущества всех моделей и брать лучшее от каждой из них – в зависимости от складывающейся ситуации.

1. *Бирюкова О.* «Содружество Независимых Государств: поиск оптимальной модели интеграции» // Власть 2008, № 8. СС. 89–92.
2. *Стрежнева М.В.* Европейский союз и СНГ: сравнительный анализ институтов. М.: Московский общественный научный фонд, «Издательский центр научных и учебных программ». М., 1999. 266с.
3. *Бурганова И.Н.* «Сценарии межгосударственной интеграции на постсоветском пространстве в рамках СНГ» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, № 22, 2006. СС. 27–31.
4. *Ушакова Т.* К вопросу о многоуровневой интеграции в эволюции Европейского союза // Белорусский журнал международного права, 2001. № 1 // [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение «Развитие» // http://evolutio.info/content/view/405/52/ (дата обращения 01.11.2013г.)
5. Список стран по ВВП (номинал) на душу населения, Материал из Википедии – свободной энциклопедии // [Электронный ресурс] // http://ru.wikipedia.org/wiki/ВВП_на_душу_населения (дата обращения 29.09.2013г.)
6. Единое экономическое пространство// [Электорнный ресурс] // http://ru.wikipedia.org/wiki/Единое_экономическое_пространство (дата обращения 03.09.2013г.)
7. *Пастушенко Т.* «Что сулит СНГ политическая и экономическая интеграция?» // [Электронный ресурс] // 21октября // Новости Белоруссии // (дата обращения: 01.11.2013г.) // http://www.belta.by/ru/person/comments/TatjanaPastushenko_i_514335.html

ԱՊՀ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ԻՆՏԵԳՐԱՑԻՈՆ ՀԱՄԱԳՈՐԾԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՄՈԴԵԼՆԵՐԸ

Ամփոփում

Այսօր միջազգային հարաբերությունների ձևավորման գործընթացում ինտեգրացիոն գործընթացները զբաղեցնում են կենտրոնական դեր: Վերջին տարիներին ինտեգրացիոն գործընթացները ավելի ու ավելի ակտուալ են դառնում նաև ԱՊՀ երկրների շրջանակում, չնայած այդ գործընթացները սկսվել են ԱՊՀ-ի ձևավորման օրվանից: Նրանք հիմնվել են միջազգային փորձի և մոդելների վրա, և հասկանալու համար, թե նրանցից որն է ամենահեռանկարայինը և իրագործելին հետխորհրդային տարածաշրջանում, առաջարկվում է դիտարկել նրանցից մի քանիսը՝ հաշվի առնելով բոլոր առավելությունները և թերությունները:

MODELS OF INTEGRATION COOPERATION BETWEEN THE CIS COUNTRIES SUMMARY

Summary

Today the development of integration processes takes a central place in the formation of international relations. The integration processes within the CIS has begun to become more actual recently, though they started from the moment of its formation. In realization of integration processes the former Soviet Union countries in many respects rely on existing international experience and on the models, which have tested the efficiency within time. To reveal the most optimal model of integration for the countries of Commonwealth Independent States, with functioning and realization prospect, it is necessar to analyse several of them, taking into account all their advantages and disadvantages.

КАНОНИЧЕСКИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВАЧАГАНА И ИХ СВЯЗЬ С КАНОНАМИ ШААПИВАНСКОГО СОБОРА

Р.Д. Курбанов

В настоящей статье автором проведен сравнительный анализ двух уникальных по своей значимости памятников права и выявлена определенная связь между Агуэнскими и Шаапиванскими канонами. Являясь памятниками большой значимости, сохранившимися в армянской средневековой литературе, в них окристаллизовались правовые нормы, посредством которых проводилось регулирование общественных отношений, а также нашли отражение социально-правовые отношения различных слоев населения.

Они остаются важным источником юридической мысли и представляют большую ценность для изучения истории права эпохи феодализма, в то же время выступают основным памятником церковного (канонического) права, так как часть содержащихся в них норм касаются церкви, разработаны и утверждены не только светской знатью, но и представителями духовенства.

Ключевые слова: Шаапиванские каноны, Агуэнские каноны, памятники права, церковный собор, канонические постановления, источники права.

О степени влияния канонов армянской церкви (Аштишатских, Саака Партева, Шаапиванских), предшествующих принятию Агуэнских канонов, в научном сообществе утвердилось неоднозначное мнение. Позиции исследователей по рассматриваемому вопросу совершенно противоположны. Так, проводя сравнительное исследование Агуэнских канонов с канонами Аштишатского собора, С. Securely Ованнесян приходит к выводу, что в основе Агуэнских канонов лежат Аштишатские [18]. С. Ованнесян полагал, что каноны были приняты не при Вачагане III в 488г., а при Вачагане II в 372–387гг., и в связи с этим, автором предпринята попытка выявить связь между Агуэнскими канонами и канонами Аштишатского собора [18, 266–274]. Ш. Смбатян стоит на позиции, что Агуэнские каноны в большей степени основываются на постановлениях Шаапиванского собора, а также на канонах армянского католикоса Саака Партева [17, 190]. Ф. Мамедова высказывает мнение о незначительном влиянии Аштишатских и Шаапиванских канонов на Агуэнские [12, 69].

Нам представляется целесообразным провести сравнительный анализ между Шаапиванскими и Агуэнскими канонами, поскольку, как будет показано

ниже, на основе проведенного сравнительного анализа между этими двумя уникальными по своей значимости памятниками права, установлена определенная связь.

В настоящей статье текст канонов приводится в переводе с древнеармянского языка по изданию С. Аревшатяна (Шаапиванские каноны) [4, 338–348], Ш. Смбатяна (Агуэнские каноны) [17, 57–60].

При Аршаке II (350–368гг.) был созван первый армянский собор в городе Аштишате, на котором впервые были утверждены писаные каноны, вошедшие в историю армянского права как Аштишатские каноны [1, 17]. Относительно дат созыва полагают, что собор состоялся в 354г., 356г. или 365г. [24, 407].

Каноны Шаапиванского собора среди памятников древнеармянского права занимают видное место и являются важным источником для воссоздания картины социально-экономических и правовых отношений периода феодализма. Будучи древнейшим юридическим памятником, важность Шаапиванских канонов, в первую очередь, прослеживается в том, что в них были санкционированы организационные принципы, установленные на Аштишатском соборе, в частности, о порядке созыва национально-церковных соборов. Среди этих организационных принципов Н. Мелик-Танганян выделяет [16, 319–322]: а) собор созывается и на нем председательствует католикос; б) в работе собора участвуют как духовные, так и светские лица. Следует добавить, что собором были приняты, помимо канонических норм, также нормы, имеющие чисто правовой характер (3, 4, 5, 6, 7 канон). Шаапиванский национально-церковный собор был созван 24 июня 444 года в день праздника Навасадра (Нового года) в Шаапиване, область Багреванд [4, 334].

Агуэнские каноны представляют собой памятник большой значимости, в котором отражены социально-правовые отношения общественных слоев, установлен ряд норм в области государственного, гражданского, уголовного и семейного права, содержатся сведения по вопросам христианства, церковной организации, взаимоотношений сословий, которые «скрепили печатями» царь Вачаган и армянская аристократия. Агуэнские каноны были приняты 13-го числа месяца Марери (соответствуют римскому Маю, еврейскому Сивану) в летней резиденции царя Вачагана, местности Агуэн [9, 65–66]. В историографии отсутствует точная дата, как время принятия Агуэнских канонов выдвигают: 372–387гг. [18, 266–274], 485г. [23, 215–217], 487г. [25, 51–60], 488г. [6, 243–258; 13, 78–55]. В связи с тем, что принятие канонов происходило в местности Агуэн, в историографию они вошли под названием «Агуэнские». В науке зачастую можно встретить название Агуэнских канонов как: «Устав царя Вачагана» [24, 420]; «Канонические Законоположения (Конституция Вачагана III)» [2, 37]. Они дошли до нас в составе «Свода канонов армянской церкви» как отдельная группа под заглавием «Каноны царя Алуанка, Вачагана».

Если рассматривать в целом, канонические постановления Шаапиванского собора состоят из Введения и 20 глав, тогда как Агуэнские каноны состоят из 21 канона и Введения. В издании К. Патканова приводится 20 Агуэнских канонов [9, 66]. Автор объединил под одним каноном положения 2 и 3 канона. В обоих случаях Введение к канонам является своего рода преамбулой, в которых приводится перечень лиц, принявших участие в работе собора, говорится о предпосылках созыва, в качестве которых озвучены: упадок нравов,

беззаконие и распространение преступлений, принятия мер по борьбе с еретиками, упрочения устоев церкви, власти духовных и светских феодалов. Важным считаем отметить, что положение, имеющее юридическое значение, отраженное в Шаапиванских канонах, чего мы не находим в Агуэнских канонах. В конце Введения упоминается, что Шаапиванский собор утверждает каноны, принятые ранее, а именно: каноны, принятые тремя вселенскими соборами (Никейского, Константинопольского, Эфесского), а также каноны Григория Просветителя, Нерсеса Великого, Саака Партева, Месропа Маштоца.

Следует отметить, в обоих случаях при обсуждении и принятии канонов принимали участие, помимо церковных, также представители светской власти. Разница заключалась лишь в их количестве. Так, на Шаапиванском соборе приняли участие 40 епископов, а количество иереев и дьяконов не уточняется, тогда как при принятии Агуэнских канонов присутствовало 7 епископов, среди которых: епископ Капалака Иуан, епископ Хашу, епископы Анания и Саак, Фод, епископ Ути, Иовсеп.

Состав Шаапиванского собора был более расширенным и выглядел следующим образом: «Собрались 40 епископов и множество иереев[1] и дьяконов, ревностных служителей, и весь причет святой церкви, все ишханы[2]: областные правители, областные начальники, верховные судьи, казнохранители, военачальники, тысяцкие, предводители местностей, азаты из различных краев. Старшие нахарары[3] страны армянской, кои были ревностными защитниками законов и святости, единодушно говорили так: “Восстановите порядок, установленный святым Григорием, Нерсесом, Сааком и Маштоцем, а также по вашей воле установите другие блага и мы добровольно и охотно их примем.

[1] Иереи и священник представляют собой одинаковый чин, но различаются в достоинствах. Иереи служат в селах, поселках, а священники в городах (Армянский судебник Мхитара Гоша / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. Ред. вступ. статья и примечание Б.М. Арутюняна. Ер., 1954. С. 125). Подтверждение того, что иереи являются сельскими служителями, мы находим в первом каноне Агуэнского собора, где сказано: «Сельские иереи обязаны...»

[2] *Ишхан* (из иран.) – «владетель», «господин», «повелитель», «князь». Термин «ишхан» обозначал главным образом лиц, обладавших политической властью, управлявших феодальным княжеством, областью, страной, вообще представителя феодальной знати (см.: Ованес Драсханакертци, «История Армении» / Пер. с древнеарм., вступл. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликяна. Ер., 1984). Данное положение одно из немногих, где мы находим перечень лиц, носивших титул «ишхан», ибо указано … все ишханы, и далее идет перечисление.

[3] О существующих в иранистике и албанистике этимологий термина «нахарар» см.: *Марр Н.Я.* Этимология двух терминов армянского феодального строя // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. XI. СПб., 1898. СС. 170–173; *Hübschmann H.* Armenische Grammatik. Leipzig, 1897. S. 200; *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. Ер., 1971. СС. 450–452. Слово это является заимствованным из древнеперсидского и представляет из себя сложное образование: первая часть “nah” имеет значение области и произошло из персидского, а вторая половина слова “rar” иранское слово “radh” и имеет смысл начальника, главы. Таким образом, нахарар должно было обозначать главу, начальника области (*Марр Н.Я.* Этимология двух терминов армянского феодального строя … С. 170). Разграничивают старших (аваг) и младших (кртсер) нахараров (см.: *Джавахов И.А.* Государственный строй древней Грузии и древней Армении. Т. I. СПб., 1905. С. 110. *Манандян Я.А.* Феодализм в древней Армении. Ер., 1934. С. 40). Что считалось критерием для возведения данного нахарара в ранг «аваг» или «кртсера» (старшего или младшего)? По этому вопросу среди исследователей нет единого мнения, считают, что критерием такого деления является возраст, родовитость, могущество и значение в иерархии.

Ибо ослабели порядки церкви и люди вернулись к беззаконию. Вы установите законы, угодные Богу и нужные для созидания церкви его, и мы подчинимся и будем соблюдать их твердо. А если кто-либо не будет точно блюсти установленных законов, будь он епископ, либо иерей, либо азат[4], либо шинакан[5], пусть понесет кару и заплатит штраф”».

Таблица 1

Перечень лиц, принявших участие в принятии канонов*

№ п/п	Состав	соц. статус	ШААПИВАНСКИЕ КАНОНЫ (А)		АГУЭНСКИЕ КАНОНЫ (Б)	
				кол-во		кол-во
1	царь		—		+	председат-ль
2	архиепископ	духовная знать	—		+	1
3	епископы		+	40	+	7
4	иереи		+	не уточняется, указано множество	+	8
5	дьяконы		+		—	
6	хорепископ		—		+	1
7	ишханы	светская знать**	+		—	
8	азаты		+		+	
9	нахарары		+		—	
10	нахапеты		—		+	

[4] Термин «азат» заимствовано из пехл. “azat”, перс. “azad” – «благородный», буквально рожденный (в клане), производное от zan – «рождаться» и соответствует латинскому agnatus. (*Лившиц В.А.* Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. Вып. II. / Отв. ред. К.В. Тревер. М., 1962. С. 30). В армянских источниках азаты, как правило, упоминаются после нахараров – крупных феодалов, что дало основание исследователям относить их к мелким феодалам (см.: *Джавахов И.А.* Государственный строй древней Грузии и древней Армении …. СС. 132–133; *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана … СС. 451–452). Высказана также позиция, согласно которой азаты являлись всадниками, получавшие от царя земельные наделы «хостаки» в качестве натурально довольствия. Азаты, владельцы хостаков полагает С.Т. Еремян, являлись основной военной силой страны (Очерки истории СССР III–IXвв.: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1958. СС. 307–308.)

[5] *Шинакан* – живущий в шэне (поселении) и занимающийся земледельческим трудом (Армянский судебник Мхитара Гоша / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна … С. 233). К категории «шинаканов» относили основное податное сословие, противоположное азатам, в числе которых были и ремесленники и торговцы. Зачастую для их обозначения используется термин – «аназат», то есть неазат (*Мовсэс Каланкатуаци*. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ер., 1984. С. 192). Одна их не стоит относить к категории людей, не обладающих правами (рабам), поскольку положения Шаапиванского собора (глава XVI) говорит об обратном. Резюмируя подробный анализ многочисленных свидетельств о шинаканах, Я.А. Манандян приходит к выводу, что по своему правовому положению шинаканы напоминают крестьян Сасанидской Персии, византийских колонов, немецких крестьян, называемых “Hörid”, и определяет их правовое состояние как полусвободные крепостные (см.: *Манандян Я.А.* Феодализм в древней Армении. Ер., 1934. С. 167).

Теперь перейдем к непосредственному сравнительному анализу содержания двух памятников права, а именно, тех канонов, среди которых мы усматриваем определенную связь.

Канон 6 Агуэнского собора гласит: «Если иерей монастыря или инок что-либо унесет из монастыря и если это обнаружится, следует осудить его и прогнать, а хостак[6] его взять в церковь». Определенную схожесть данного канона мы находит во второй главе Шаапиванского собора, который гласит: «Если священник находится в скверне или блуде или в других дурных делах, и дела эти будут выявлены показанием, отстранить его от священничества и оштрафовать на 300 драм[7], раздать бедным и оставить его в сане чтецов. А если он и в должности чтеца будет предаваться той же скверне, лишить его сана и должности чтеца до исправления покаянием, а епископ, увидев его исправление, может вновь вывести его в ряд чтецов (ибо церкви надобен святой, тем более, что господний алтарь таинства приемлет непорочных, дабы не будить гнева божьего на землю через предводителей)». Подобно тому, как, по Шаапиванскому канону, иерей лишается церковного сана, точно так же, по Агуэнскому канону, он лишается земельного надела – хостака, который возвращается церкви. В Шаапиванском каноне, в отличие от Агуэнского, наказание провинившегося церковнослужителя сформулировано более детально, так как иерей не только лишается своего сана и земельного надела, но и платит штраф. Еще

---

* Таблица составлена по следующим источникам:

Колонка **(А)** – *Аревшатян С.* Шаапиванские каноны – древнейший памятник армянского права // Историко-филологический журнал, 1959. № 2–3. СС. 338–348.

Колонка **(Б)** – *Мовсэс Каланкатуаци*. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ер., 1984. СС. 57–60.

Примечание:

а) Перечень лиц, представленный в таблице, не носит исчерпывающего характера, поскольку в тексте канонов, как Шаапиванского, так и Агуэнского собора, содержатся фразы «множество...», «многие другие...», что не позволяет в полной мере раскрыть состав участников. Дополнить содержание таблицы сведениями из иных источников, не представляется возможным, поскольку в них мы не находим интересующие нас данные.

б) Лица, перечисленные во множественном числе в колонке «состав», приводятся в том же виде, как в источниках, что дает основание предполагать, что их было множество, там, где была возможность выявить их количество, мы попытались это сделать.

Представители светской знати, присутствовавшие на Агуэнском соборе, отмечены К.П. Паткановым как люди вольные и родоначальники (старшины). (История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / Пер. с древн. арм. К.П. Патканова. СПб., 1861. С. 66).

[6] Хостак – перс. "Xvasta" – всякое имущество, имение; арм. "Xostak", груз. "Xwastag" – имущество, а в узком смысле – земля или скот (подробнее см.: *Hübschmann H.* Armenische Grammatik … SS. 161–162; *Еремян С.Т.* О рабстве и рабовладении в Древней Армении // Вестник древней истории, 1950. № 1. С. 17). В данном случае о «хостаке» говорится как о земельном наделе, находящемся в пользовании у церковных служителей, соответственно, смысл канона приобретает форму: «Взять у оступившегося служителя земельный надел, находящийся у него в пользовании, право собственности на который принадлежало церкви». В пользу данной трактовки говорит более поздний памятник права «Судебник Мхитара Гоша» (статья 105), согласно которой право полной собственности на землю было закреплено за церковью, а церковные служители лишь владели недвижимым имуществом (земля, вода). (Армянский судебник Мхитара Гоша / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. … С. 105).

[7] Драм – денежная единица, пехл. dram, перс. direm, заимствован из греческого δραχμή (драхма). В рассматриваемый период драм = сасанидская драхма = 3,75-4 грамм серебра.

большую детализацию, в отличие от Агуэнского канона, который распространял свое действие на всех иереев, независимо от их семейного положения, вводил Шаапиванский собор, разграничивая наказание для женатых иереев. Так, согласно положению второй главы Шаапиванского собора: «Если *женатый* иерей будет уличен в скверне и блуде или в других злых делах и это будет доказано свидетелями, лишить его священнического сана и отвести от церковной доли, оштрафовать на 200 драм для раздачи бедным». Причем, исходя из анализа канона, нетрудно заметить, что наказание для женатого иерея было менее тяжким, чем для холостого. Это просматривается в сумме выплачиваемого штрафа, в первом случае штраф подлежал уплате в размере 300 драм, а во втором – 200, т.е. семейное положение являлось смягчающим обстоятельством при назначении наказания. Но на этом текст канона не ограничивается: издатели канона пытались охватить еще больший круг общественных отношений, распространяя действие канона также на жену, дочь, сына иерея. Вторая часть главы второй Шаапиванского собора гласит: «Если жену иерея или дьякона уличат в блуде, то пусть они выбирают – или церковь и священничество, или жену. Если выберут священничество, то жену нужно удалить из дома, а на них наложить строгое покаяние. А если дочь священника будет уличена в блуде – лишить ее доли церкви, удалить из дома священника и назначить строгое покаяние и наказание. Сыну иерея должно быть назначено то же наказание. И если умрет иерей, жена его не должна выходить замуж, а также иерей после смерти жены не должен жениться. И не должно быть служанки-блудницы в доме священника, ибо это святыня у Господа».

Статья 21 Агуэнского собора гласит: «Если кто-либо из азатов захочет в своей церкви поставить алтарь, или принесет мощи для хранения, или отслужит литургию, он это должен делать с разрешения епископа, по мере своих возможностей. Тот, кто это сделает с согласия, да будет он благословен. А тот, кто это сделает без согласия епископа, да будет он отстранен от церкви и пусть принесет епископу пеню по возможности. Лишь после того как он принесет пеню, установленную канонами, да получит он благословение». Этот канон имеет аналогию с главой 17 Шаапиванского собора. В 17 главе Шаапиванского собора говорится: «Если кто-либо желает установить мощи мучеников, то без разрешения епископа страны не смеет устанавливать. Без разрешения епископа никто не смеет отмечать память мучеников и созывать соборы. И если кто-либо из святых мест принесет мощи мучеников, пусть принесет к епископу со свидетельствами и бумагами тех епископов, откуда принес, и по велению своего епископа установит там, где достойно. Если кто-либо желает воздвигнуть алтарь таинства Господа, то без разрешения епископа не посмеет воздвигнуть. Но во имя принесенных мощей пусть ежегодно устраивают большие празднества в день приношения, и следует быть осторожным в чествовании и почитании во избежание гнева святых отшельников». Отличительным моментом Агуэнского канона от Шаапиванского является то, что в первом случае речь идет исключительно об азате, а во втором значится «кто-либо». Есть все основания предполагать, что в Шаапиванском каноне под словом «кто-либо» подразумевается кто-то из азатского сословия, так как азат в силу своего экономического и политического положения располагал большими возможностями, нежели чем кто-то другой, чтоб «воздвигать алтарь», «ставить мощи», «совершать

обедни», «созывать соборы». Как указано в главе 16 Шаапиванского канона, в одном ряду, совместно с епископами, стоят азаты и иереи: «Если епископ, или иерей, или судья из азатов или шинаканов желают назначить предводителей, подготовить пастырей церкви и утвердить народоначальников и установить законодателей: «Да знают народы, что человеки они», и поэтому они берут взятки или проявляют пристрастие и выбирают не истину и достойного, а богатого, будь он даже из самых бесчестных и презренных: но следует выбирать только ревнителей святости и законов». Подтверждение высказанной нами позиции мы находим в более позднем памятнике права, на четвертом Двинском соборе, где в статье 10-й собора осуждаются азаты, которые назначали священников и монахов без согласия клира, лишали духовного сана монахов и изгоняли их из монастырей [24, 425]. Агуэнский канон, в отличие от Шаапиванского, устанавливает наказание. Нарушивший требование данного канона отлучался от церкви и выплачивал по канону пени. Целью этих норм является упрочение авторитета и власти епископов, а также сохранение их доли в «доходе», который получали при совершении обедни, при показе мощей мучеников, при установлении алтаря [24, 425]. Укреплению власти епископов посвящена статья 20 Агуэнского собора: «Азаты не смеют изгнать иерея из своих дастакертов[8] или взять иерея самовольно, без согласия епископов. Епископ, в свою очередь, не должен снимать или назначать иерея без согласия азатов. А иерей без позволения епископа, не должен уходить, если даже ему грозит опасность со стороны азата или прихожан». Канон, как видно, ограничивает своеволие азатов и уравнивает права духовенства с азатами.

Канон 10 Агуэнского собора отражает брачно-семейные отношения. В каноне 10 читаем: «Никто не смеет взять в жены родственницу в третьем колене или жену брату». В соответствии с каноном, брак разрешается с четвертой степени родства. Этот канон полностью восходит к Библии[9], которая запрещала браки между родственниками до третьей степени родства включительно (Книга Левит 18:6-18; 20:11-14). Как и Моисеев закон, христианство считало такие браки кровосмешением, преступлением и жестоко преследовало их. Каноны 12 и 13 Шаапиванского собора также устанавливают запрет до четвертой степени родства. Это естественно, ибо у всех христиан, очевидно, существовал одинаковый порядок по данному вопросу. В 13 главе позиция выражена еще в более жесткой форме, называя близкородственные браки осквернением и омерзением: «Пусть не будет известно и не будет значиться среди вас, ибо никто не должен грязь чрева своего смешивать по обычаю язычников и безбожников». Из вышеприведенных канонов явствует, что в рассматриваемый

---

[8] О значении термина «дастакерт» см: *Еремян С.Т.* О рабстве и рабовладении в древней Армении … СС. 14–15; *Периханян А.Г.* Сасанидский судебник. Книга тысячи судебных решений. Ер., 1973. СС. 458–460; *Луконин В.Г.* Иран в эпоху первых Сасанидов (Очерки по истории культуры). Л., 1961. СС. 17–18; *Саркисян Г.Х.* Дастакерты и агараки в армянских источниках Vв. // ИФЖ Арм. ССР, 1962, № 3. СС. 80–85 (на арм. яз.). Для среднеперсидских текстов “dastkart” обычно переводили как «владения», «земельное владение», «имение». Буквальный анализ 20 канона позволяет заключить, что значение термина «дастакерт» в данном каноне сводится к «земельному владению». Согласно устоявшейся в науке точке зрения, владельцами дастакертов являлся царь, феодальная знать, духовенство.

[9] Библейские цитаты в настоящей работе приводятся по русскому синодальному переводу.

период все еще сохранялись дохристианские обычаи и левират. В связи с этим в канонах значительное внимание отводилось решению этого вопроса, целью которых являлось искоренение древних брачных обычаев и утверждение христианского церковного брака. В отличие от Шаапиванского канона, который за подобные браки устанавливал строгое наказание, – отлучение от церкви, Агуэнский канон ограничивается лишь категорическим запретом. Перечень лиц, подпадающих под действие данного канона, был довольно обширен, сюда входили даже лица, благословившие такой брак. Так, в частности: «Если кто благословит брак таковых или пойдет на свадьбу, то будет соучастником злых дел и должен быть отстранен от службы. И если епископ или иерей окажутся причастными, то следует лишить их престола и сана священнического и не подпускать к отправлению службы. А также предводители церкви, причастные к этому, и тот, кто благословил венец, должны платить штраф в пользу бедных – епископ 500 драм, иерей 200 драм, а также 200 драм тот, кто благословил венец, и затем только могут быть допущены к престолу и священничеству».

Брачно-семейным отношениям посвящена и первая половина 11 Агуэнского канона, которая гласит: «Того, кто бросает жену без причины и берет другую жену без венчания, или того, кто обращается к волхвам, а также убийцу и беззаконника следует связать и привести к царскому двору и осудить на смерть через пытки». Как видно из канона, развод без причины и беззаконный брак, обращение к волхвам приравниваются к убийству и соответственно наказываются. Это единственная статья Агуэнского канона, которая устанавливает смертную казнь. Данный канон имеет некоторую аналогию с главой 4 Шаапиванского собора, который имеет более полный, завершенный вид, так как в нем оговорены все условия и случаи подобного развода. В частности: «Если муж оставит жену – мать детей, не вследствие ее неверности или же какого-либо худого порока телесного, а из-за своего блуда и увлечения другой (женщиной), то суд будет таков: разделить поровну детей и дом, имущество и землю, воду и вообще все – половину отдать жене. Также, если она пожелает, представить ей право свободно ввести к себе в дом мужа. Каждый пусть займет свою долю и внесет целиком государственные налоги. И наложить на мужа, бросившего жену, семилетнюю эпитимию и штраф в пользу церкви: если он азат в размере 300 драм, если он шинакан – подвергнуть его порке и штрафу в пользу церкви в размере 100 драм за пренебрежение к благословенному браку». Агуэнский канон, в отличие от Шаапиванского, предусматривает суровую меру наказания – смертную казнь, причем без социального различия. В Шаапиванском каноне оговорен особый момент, возникающий в том случае, если жена окажется бесплодной и муж бросит ее из-за бесплодия, то она вправе взять имущество, принесенное ею в дом мужа, – прислугу, скот, платье, серебро – и уйти. И если за ней, кроме бесплодия, не будет никакого порока, муж должен еще уплатить ей штраф за оскорбление в размере 1200 драм, – если он азат, и 600 драм, – если он шинакан. Очевидно, данный случай был применим и к Агуэнским канонам, поскольку в 11 каноне сказано: «кто бросает жену без *причины*)».

Вторая половина Агуэнского канона 11 осуждает за убийство. Канон об убийстве восходит к Библии: «Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти» (Книга Левит 24:17). Канон 11 запрещал также обращение к волхвам-колдунам, которое рассматривалось как вероотступничество и за кото-

рое канон предусматривал такое же наказание, как за убийство, т.е. смертную казнь. В основе этого канона лежит библейский закон: «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них (Книга Левит 20:27). Обращение к ворожеям преследовал Шаапиванский собор. В 9 главе сказано, кто обращается к ворожеям или к чародеям, подлежит штрафу в пользу бедных; после трехгодичной епитимии они могут причащаться. Но, в отличие от Агуэнского канона и положения, закрепленного в Библии, в нем установлен денежный штраф – для азата 200 драм в пользу бедных, для шинакана – 100 драм и 15 ударов палками, а также для азата и шинакана – эпитимию в течение трех лет, после чего они могут причащаться. А если к ворожеям обратится епископ или иерей, и это подтвердится показаниями двух или трех свидетелей, епископа лишить сана епископского и иерея сана священнического; оштрафовать епископа на 1000 драм, а иерея – на 500 и раздать бедным. А если к ворожеям пойдут из сана церковнослужителей и иеромонахов или сын иерея, то они подлежат наказанию, штрафу, эпитимии, установленными для мирян, и лишению сана церковнослужителей. Особенность Шаапиванского канона видится в том, что, помимо ответственности за обращение к ворожеям, устанавливалась также ответственность в отношении лиц, занимающихся колдовством (канон 8 Шаапиванского собора), согласно которым устанавливалась жесткая мера наказания, тогда как в Агуэнских канонах прямой ответственности за это не установлено. В каноне 8 Шаапиванского собора сказано: «Если кто-либо, – мужчина или женщина, будет уличен в колдовстве, в вероотступничестве или другом злодеянии и не будет сожалеть и каяться, тот, согласно повелению писания, подлежит побиению камнями. Если же они покаются, то подлежат эпитимии пожизненно: 12 лет должны оставаться у порога церкви со слушателями, а затем только могут быть допущены в церковь, и там три года должны находиться с кающимися; и должны они постоянно помогать бедным милостыней и милосердием, раздавая бедным множество имущества ради спасения своих душ, и усердным покаянием удостоиться перед смертью причащения». Положение данного канона применялось в том случае, если кто-либо был уличен в колдовстве. Однако имеется отдельный канон, применимый к случаю занятия чародейством, то в данном случае наказание предусматривалось в виде 15 двойных ударов, обмазыванию сажей, нарушитель подвергался вывихиванию костей и отдавался в лепрозорий, где он в течение двух лет должен был молоть для прокаженных и исполнять там все, что прикажут. Если виновный из азатов не пойдет в лепрозорий, взыскать с него штраф в размере 500 драм в пользу прокаженных, а еще в течение двух лет он должен каяться в своей церкви и затем причащать и больше не грешить. Думается, что в данном случае высшая мера наказания по Агуэнским канонам, установленная в 11 каноне, применима также в отношении лиц, занимающихся колдовством.

Преследованию пережитков дохристианских религий посвящен и канон 12 Агуэнского собора: «Если где оплакивают покойника, то хозяина дома и

гусанов[10] связать и привести к царскому двору и наказать». Аналогичная норма имеет место в 11 главе Шаапиванского собора. За подобное действие, связанное с оплакиванием покойника, азат или шинакан в течение года не должны были входить в церковь и еще должны были заплатить штраф в пользу бедных – в размере 100 драм для азатов и 50 драм для шинаканов. Если умирающий не велел оплакивать, а семья оплакивала, то оплакивающие и вопящие да будут лишены благословения и отстранены от церкви. Но если умерший при жизни велел оплакивать его, то штраф, установленный канонами, платят в двойном размере, и семья, и оплакивающие подлежат установленному наказанию, а для покойника никто не должен служить литургию, а в его память ничего не следует делать и не поминать его имени из-за безнадежности его.

Исходя из вышеприведенного сравнительного анализа, установлена связь между Агуэнскими и Шаапиванскими канонами. Из общего числа канонов, принятых в Агуэне, а их был 21, определенную связь с Шаапиванскими канонами мы усматриваем в шести случаях. Отличие Агуэнских канонов от Шаапиванских прослеживается в том, что по своей природе последние пытались охватить преимущественно больший круг общественных отношений и наиболее детально урегулировать тот или иной вопрос, тогда как в Агуэнских канонах мы видим наиболее краткое изложение соответствующих норм.

[10] Гусан или Госан (арм. Գուսան, от парф. gōsān) – в Парфии и в Армении обозначение народных певцов (см.: *Boyce M.* The Parthian “Gōsān” and Iranian Minstrel Tradition // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland № 1/2 (Apr., 1957). PP. 10–45) // http://www.jstor.org/stable/25201987 (дата обращения: 12.01.2014). Положение данного канона предусматривает ответственность за языческий обряд – оплакивание умершего, и в данном каноне употреблено в значении музыканта, аккомпанирующего плакальщикам.

Таблица 2

Взаимосвязь Агуэнских канонов с канонами Шаапиванского собора[11]

Агуэнские каноны

канон	ответственность по канону						санкция
	азат	шинакан	епископ	священник	перей	дьякон	
6				+			лишение церковного сана, изъятие хостака
					+		
						+	
21	+						отстранение от церкви, выплата пени (размер пени не установлен)
10	+						категорический запрет (наказание не установлено)
		+					
			+				
				+			
					+		
						+	
11 (первая половина)	+						смертная казнь (через пытки)
		+					
			+				
				+			
					+		
						+	
11 (вторая половина)	+						смерная казнь (через пытки)
		+					
			+				
				+			
					+		
						+	
12	+						связать и привести к царскому двору (наказание не установлено)
		+					
			+				
				+			
					+		
						+	

Шаапиванские каноны

канон	ответственность по канону						санкция
	азат	шинакан	епископ	священник	перей	дьякон	
2				+			отстранение от священничества, штраф 300 драм
					+		лишение церковного сана, штраф 200 драм
						+	
17	+						не установлено
12 13	+						будет проклят до тех пор пока не отбудет семилетнего покаяния в ряду слушателей и три года - с кающимися, не уплатит штраф - 50 драм в пользу бедных, 50 драм в пользу церкви. Отдельная ответственность для тех кто благославит такой брак: епископ - 500 драм, перей - 200 драм.
		+					
			+				
				+			
					+		
						+	
4	+						семилетняя эпитимия, штраф 200 драм
		+					подвергнуть порке, штраф 100 драм
			+				семилетняя эпитимия (размер штрафа не установлен)
				+			
					+		
						+	
9	+						200 драм в пользу бедных
		+					подвергнуть 15 ударам, штраф 500 драм
			+				лишение сана, штраф 1000 драм
				+			лишение сана, (штраф,эпитимия)
					+		лишение сана, штраф 500 драм
						+	лишение сана, (штраф,эпитимия)
11	+						штраф 100 драм в пользу бедных
		+					штраф 50 драм в пользу бедных
			+				наказание не установлено
				+			
					+		
						+	

[11] Таблица составлена по следующим источникам:
Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ер., 1984. СС. 57–60; *Аревшатян С.* Шаапиванские каноны – древнейший памятник армянского права // Историко-филологический журнал, 1959. № 2–3. СС. 338–348.
Примечание:
В левой части таблицы приведены каноны Агуэнского собора, которые нашли аналогию среди норм Шаапиванского собора (правая часть таблицы).

1. *Авакян Р.О.* Сокровищница армянской правовой мысли (IX век до н.э. – XIX век н.э.). Ер.: «ЕФ МНЮИ – XXI век», 2001. Т. 1. (на арм. яз.).
2. *Авакян Р.О.* Памятники армянского права, их истоки и взаимодействие с правом других народов // Северо-Кавказский юридический вестник, 2013. № 2. СС. 35–48.
3. *Адонц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана (политическое состояние на основе нахарарского строя). СПб.: изд-во Акад. наук, 1908. 526с.
4. *Аревшатян С.К.* Шаапиванские каноны – древнейший памятник армянского права // Историко-филологический журнал, 1959. № 2–3. СС. 334–347.
5. Армянский судебник Мхитара Гоша / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. Ред., вступ. статья и примечание Б.М. Арутюняна. Ер.: изд-во Акад. наук Армянской ССР, 1954. 269с.
6. *Гаджиев М.С.* К изучению права Кавказской Албании // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 2006. № 16/1. СС. 243–258.
7. *Джавахов И.А.* Государственный строй древней Грузии и древней Армении. Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1905. 153с.
8. *Еремян С.Т.* О рабстве и рабовладении в древней Армении // Вестник древней истории. Ер., 1950. № 1. СС. 12–26.
9. История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / Пер. с древн. арм. К.П. Патканова. СПб., 1861.
10. *Лившиц В.А.* Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица / Отв. ред. К.В. Тревер. Вып. II. М.: изд-во Восточной литературы, 1962. 222с.
11. *Луконин В.Г.* Иран в эпоху первых Сасанидов (Очерки по истории культуры). Л.: изд-во Государственного Эрмитажа, 1961. 80с.
12. *Мамедова Ф.Дж.* «История Албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку: изд-во ЭЛМ, 1977. 87с.
13. *Мамедова Ф.Дж.* Еще раз о датировке Агуэнских канонов // Известия Академии наук Азерб. ССР. Серия истории, философии и права, 1973. № 3. СС. 78–85.
14. *Манандян Я.А.* Феодализм в древней Армении. Ер., 1934. (на арм. яз.).
15. *Марр Н.Я.* Этимология двух терминов армянского феодального строя // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. XI. СПб., 1898. СС. 170–173.
16. *Мелик-Тангян Н.* Армянское церковное (каноническое) право. Книга I. Шуши, 1903. 807с. (на арм. яз.).
17. *Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ер.: Института древних рукописей им. Маштоца «Матенадаран», 1984 // http://www.vehi.net/istoriya/armenia/kagantv/index.html дата обращения (12.01.2014).
18. *Ованнесян С.Х.* Каноны Агуэнского учредительного собрания и их связь с канонами Аштишата // Историко-филологический АН Арм. ССР, 1967, № 4. СС. 266–274 (на арм. яз.).
19. *Ованес Драсханакертци.* «История Армении» / Пер. с древнеарм., вступление и коммент. М.О. Дарбинян-Меликяна. Ер., 1984. // http://armenianhouse.org/draskhanakertsi/history-ru/contents.html дата обращения (10.01.2014).

20. Очерки истории СССР III–IXвв.: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1958. 633с.
21. *Периханян А.Г.* Сасанидский судебник. Книга тысячи судебных решений. Ер.: изд-во АН Армянской ССР, 1973. 574с.
22. *Саркисян Г.Х.* Дастакерты и агараки в армянских источниках Vв. // ИФЖ Арм. ССР, 1962, № 3. СС. 80–85. (на арм. яз.).
23. *Свазян Г.С.* История страны Алуанк (с древнейших времен по VII век). Ер., 2008.
24. *Сукиасян А.Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III–IXвв. н.э.). Ер.: изд-во Ереванского университета, 1963. 523с.
25. *Улубабян Б.А.* Еще раз о времени созыва Агуэнского собора // Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1969, № 6. СС. 51–60 (на арм. яз.).
26. *Boyce M.* The Parthian "Gōsān" and Iranian Minstrel Tradition // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland № 1/2 (Apr., 1957). PP. 10–45 // http://www.jstor.org/stable/25201987 (дата обращения: 12.01.2014).
27. *Hübschmann H.* Armenische Grammatik. Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1897. 575s.

CANONICAL PROVISIONS VACHAGAN AND THEIR RELATIONSHIP WITH THE CANONS OF THE CATHEDRAL SHAAPIVAN

Summary

In the same article the author carried out a comparative analysis of two unique sites on the importance of law and found a definite link between Aguen canons and Shaapivan canons. As monuments of great significance, preserved in the Armenian medieval literature, they crystallized legal norms by which conducted the regulation of social relations, and reflected the social and legal relations of the various segments of the population.

They remain an important source of legal thought and represent great value for the study of the history of law the age of feudalism, at the same time is the main monument of ecclesiastical law, as a part of the rules contained therein relating to the church, developed and approved not only the secular nobility, but also representatives of the clergy.

Keywords: Shaapivan canons, Aguen canons, monuments rights, church council, canonical regulations, sources of law.

РОССИЙСКИЙ СУДЕБНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ

Л.А. Тхабисимова

В статье рассматриваются проблемы развития судебного федерализма в России, вопросы организации и деятельности мировых судей и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: судебный федерализм, конституционные (уставные) суды, мировые судьи, главы субъектов Российской Федерации, Конституция РФ, федеральный конституционный закон, судебная система.

В многонациональной и весьма разнородной по субъектному составу, сначала Российской империи, а в новейшее время – Российской Федерации, во все времена остро стоял вопрос о степени централизации власти, что было обусловлено историческими и территориальными причинами: от необходимости обеспечения национальной безопасности до перераспределения финансовых и материальных ресурсов между субъектами федерации. Один из столпов обеспечения крепости власти – функционирование сильной судебной системы, что обусловило бы возникновение концепции судебного федерализма.

Нередко институт судебного федерализма характеризуют как особенности организации судебной власти в федеративном государстве, вытекающие из сочетания принципов централизации и децентрализации, обусловленных формой государственного устройства [1]. Признаки централизации заключаются, по мнению ученых, в требованиях государственной целостности (закреплении основ судебной системы на общефедеральном уровне, единых правилах судопроизводства и т.д.). Проявления децентрализации они связывают с наличием двухуровневой системы судебных органов, конституционным разграничением предметов ведения, применением судами регионального законодательства, формированием судебных органов, территориальными органами субъектов или, непосредственно, населением региона. Таким образом, наряду с такими разновидностями федерализма, как управленческий, бюджетный, федерализм законодательства, можно выделить и судебный федерализм [2].

В юридической и политической науке считается, что в России судебный федерализм существует в форме, близкой к германскому варианту судебного федерализма, смысл которой заключается в том, что суды земель Германии, т.е. ее субъектов входят как составные и нижестоящие в единую судебную систему Германии, и суды земель одновременно являются судами и субъекта Германии

и судами Федерации, в своей работе они применяют федеральные и местные законы.

Однако Конституция РФ закрепляет скорее идею судебного «централизма», нежели федерализма. Об этом свидетельствует тот факт, что из 12 статей, посвященных судебной власти, ни в одной из них не упоминается о судах субъектов Российской Федерации. В то же время в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» [3], в ст.ст. 17, 27 и 28 регламентируются основы создания и организации конституционных (уставных) судов и мировых судей субъектов Российской Федерации.

На практике реализация принципов судебного федерализма затрудняется имеющимися противоречиями в российском законодательстве и, как следствие этого, попытками исполнительных и законодательных органов некоторых субъектов Федерации вмешательства, с одной стороны, в отправление правосудия низовым звеном судов общей юрисдикции, а именно: мировыми судьями, с другой стороны – «отодвинуть» на задворки судебно-властные функции конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, что, несомненно, снижает авторитет судебной власти в лице как мировых судей, так и конституционных (уставных) судов, и влечет умаление роли и места суда вообще в государственной системе государства.

Нельзя не согласиться с мнением О.Х. Качмазова, который отмечает, что применительно к проблеме организации судебной системы субъектов Российской Федерации можно констатировать наличие определенного правового пробела. Так, с одной стороны, законодатель допускает возможность существования судов субъектов РФ и, стало быть, реализацию ими судебной власти, а с другой – не разрешает вопросы судебного строительства в федеративном государстве [4].

Субъекты Российской Федерации, в лице законодательных органов субъектов Российской Федерации, в своих конституциях (уставах), региональных законах о мировых судьях прописывают порядок наделения полномочиями и выдачу удостоверения мировым судьям, отличающийся от мнения Федерального Собрания РФ, выраженного в действующем законодательстве о судебной системе России. Однако данные положения, за редким исключением, не оспариваются Генеральной прокуратурой РФ, а потому существуют параллельно с установленным федеральным законодателем порядком.

Из сложившейся ситуации можно сделать вывод, что двойственность положения мировых судей до нынешнего времени устраивала федеральный центр, исполнительную и законодательную власть в субъектах Российской Федерации.

В настоящее время федеральный центр предпринимает планомерные шаги по усилению вертикали власти, что обусловлено рядом объективных причин, однако этими мерами на сегодняшний день не охвачена ни одна из важнейших составляющих государства – судебная ветвь власти, в частности, режим и порядок функционирования судов субъектов Российской Федерации.

В настоящее время существует наиболее распространенное определение судебного федерализма, как принципа устройства судебной власти в федера-

тивном государстве, связанный с приспособлением институтов судебной власти к федеративному характеру отношений между федеральным центром и составными частями Федерации. Судебный федерализм сочетается с принципом единства судебной власти, который является основой построения системы судебных органов – как в федеративном, так и в унитарном государствах. Судебный федерализм привносит существенное своеобразие в построение судебной системы. Если в унитарном государстве единство судебной власти построено на принципе централизма, то в федеративном – судебная власть организуется на основе сочетания централизации и децентрализации. При этом централизация судебной системы обусловлена необходимостью соблюдения принципов государственного суверенитета, верховенства общенациональной конституции и федеральных законов. Децентрализация же призвана отобразить устройство государственной власти, всей системы органов государства с точки зрения принципов федерализма.

По мнению С.Г. Павликова, судебный федерализм можно охарактеризовать как такую организацию системы судебных органов государства, которая основывается на правовых положениях, обеспечивающих механизм согласованного взаимодействия всех судов – элементов общегосударственной судебной системы, а также необходимую, т.е. адекватную конституционно-правовому статусу субъекта федеративного государства степень самостоятельности судов субъектов.

Стоит ли оглядываться и копировать зарубежные модели судебного федерализма? Представляется, что ни одну из этих моделей судебного федерализма нельзя в полной мере отнести к аналогичному понятию применительно к Российской Федерации.

В Конституции РФ закреплено положение о том, что в Российской Федерации действует конституционный, гражданский, административный и уголовный суд. Помимо этого указания, Конституция РФ не содержит более детального определения функционирования судебной системы в России [5].

Порядок образования судов в Российской Федерации регламентируется Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» [6], в котором четко определена организация федеральных судов, но опять-таки нет однозначного и четкого указания на порядок создания судов субъектов Федерации.

В настоящее время в субъектах Федерации действует два вида судов, которые традиционно в научных кругах относят к местным судам: конституционные (уставные суды) суды и мировые судьи.

Однако из-за некоторого «забвения» федеральным законодателем темы разграничения предметов ведения в судебной системе между федеральным центром и властями регионов страны на сегодняшний день имеет место как отсутствие четкого указания в законодательстве Российской Федерации на пределы допустимого влияния и участия региональных властей, находящихся в субъектах Российской Федерации судов нижнего звена федеральной судебной системы – мировых судей и их судебные участки, так и следствие этого – неа-

декватное восприятие местными политическими силами своей роли и возможности влияния на работу мировых судей в субъектах Российской Федерации.

Суть проблемы судебного федерализма в субъектах Российской Федерации, заключается, на наш взгляд, с одной стороны, в неопределенности положения мировых судей относительно как низового звена общей федеральной судебной системы, так и относительно их положения, непосредственно судов субъектов Российской Федерации. Учитывая, что, кроме мировых судей и судей конституционных (уставных) судов, к субъектам Российской Федерации не относится больше никакой из видов судов – ни апелляционный, ни надзорный. Это создает предпосылки для восприятия мировых судей властями субъектов Российской Федерации как исключительно «местного» суда, который должен руководствоваться политической волей как исполнительной, так и законодательной властей субъекта Российской Федерации. Особенно это характерно для субъектов Северо-Кавказского федерального округа, с их сложившимся «патерналистическим» менталитетом, перекосом баланса сил в сторону исполнительной власти, во главе которой во многих субъектах находятся сильные, «харизматические» личности.

Данная особенность в субъектах Российской Федерации также достаточно негативно сказывается и на работе местных конституционных (уставных) судов, которые в основном малозаметны на политической авансцене, однако и в таком виде не устраивает некоторых глав субъектов.

В своих научных изысканиях мы отмечали, что в контексте глобальной проблемы, формирования правового федерализма в России, зарождение конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации актуально, поскольку они призваны:

- стимулировать законотворчество субъектов Российской Федерации;
- обеспечить надлежащий, с точки зрения юридической техники, уровень законодательной деятельности данных субъектов (путем корректуры законодательства конституционными (уставными) судами);
- предупреждать «накопление» внутренних противоречий в системе законодательства субъектов Российской Федерации; не допускать «разрыва» между законодательством Российской Федерации и ее субъектов, «снимать» противоречия между действующим на территории субъекта Российской Федерации законодательством и федеральной Конституцией;
- обеспечивать максимальную «прозрачность» процессов правотворчества в субъектах Российской Федерации» [7].

Конечно, такая мощная сила, сравнимая по силе с представительным органом, местным властям вряд ли нужна.

Свое видение условий, в которых вынуждены работать конституционные (уставные) суды в субъектах Российской Федерации, отмечает С.А. Авакьян: «Мы видим одну очень нехорошую тенденцию. Она состоит в том, чтобы сделать орган конституционного правосудия, даже со значительными полномочиями, малозаметным. Особенно к этому стремится исполнительная власть. А для того, чтобы такое получалось, конституционным судьям дают зарплату на

уровне заместителей Председателя Правительства, повышенный уровень бытового обслуживания и т.д.» [8].

Даже не вдаваясь в суть материального обеспечения судей конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, а лишь рассуждая об их реальной роли в жизни субъектов Федерации, следует обратиться к их непосредственной деятельности – отправлению конституционного правосудия в субъектах Федерации, полно отраженной на официальных веб-ресурсах, в которых существует интернет-представительства органов конституционного судебного контроля субъектов Российской Федерации. При этом необходимо отметить, что в Ставропольском крае вообще отсутствует Уставный суд, хотя еще в 2007 году Думой Ставропольского края был принят Закон Ставропольского края от 28.09.2007 № 43-кз «Об Уставном суде Ставропольского края» [9].

Изучив интернет-порталы некоторых конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северной Осетии (Алания), Дагестана и Ингушетии (в Чеченской и Карачаево-Черкесской республиках веб-представительства конституционных судов вообще отсутствуют), можно сделать вывод о весьма скромной активности их деятельности.

Даже учитывая, что количество рассмотренных дел в конституционных (уставных) судах субъектов Федерации не может подвергаться никакому сравнению со статистикой обращений в суды общей юрисдикции, необходимо отметить вялость деятельности конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации. Это является, по меньшей мере, следствием недостаточной информированности их деятельности населению субъектов Российской Федерации, а также отсутствием в восприятии людей того, что конституционный (уставной) суд субъекта Российской Федерации не только способен, но и обязан решать возникающие противоречия в применении законов субъектов Федерации в отношении своих жителей.

Реалии таковы, что гражданам проще и привычнее обратиться в федеральный районный (городской) суд и обжаловать действия, либо бездействие должностных лиц и органов субъекта Федерации, чем обращаться в конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации.

Учитывая, что в Ставропольском крае вообще не создан орган конституционного судопроизводства, можно констатировать, что права жителей Ставропольского края потенциально защищены в меньшей степени, чем права жителей других субъектов Российской Федерации, так как они вообще лишены самой возможности обращения в Уставный суд Ставропольского края по причине его отсутствия. Данный факт также крайне негативно сказывается на системе «сдержек и противовесов» в указанном субъекте Российской Федерации.

Далее рассмотрим вопрос о мировых судьях субъектов Российской Федерации. В юридической науке существует разброс в понятиях «мировая юстиция», «мировой суд», «мировой судья», но единого подхода к определению этих терминов до сих пор нет.

Так, С.В. Александров отмечает, что подтверждением незавершенности процесса выработки системы знаний о мировой юстиции служит отсутствие общепринятых дефиниций терминов «мировая юстиция», «мировой суд», «мировой судья», используемых в законодательстве, доктрине и правоприменительной практике [10].

По мнению Н.Л. Марковой, если рассматривать правовой статус мирового судьи с точки зрения российского законодательства, следует подчеркнуть, что, являясь частью единой судебной системы, мировые судьи продолжают оставаться судьями субъекта Российской Федерации. Учитывая, что субъекты Российской Федерации вправе устанавливать порядок избрания (назначения) мировых судей, порядок материально-технического обеспечения деятельности мировых судей, встает вопрос о реальности и границах единства статуса судей в Российской Федерации [11].

По мнению Т.Ф. Арабовой, мировые судьи стали основным звеном судебной системы, это прекрасно осознают и региональные власти, планомерно пытаясь все больше влиять на деятельность и условия работы мировых судей [12].

До настоящего времени проблеме судебного федерализма уделялось неоправданно мало внимания со стороны Государственной Думы Федерального Собрания РФ и даже наблюдалось некоторое незаслуженное забвение вопросов, разграничение ведения предмета судоустройства между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, о чем свидетельствуют крайне размытые определения по судоустройству в законодательных актах Российской Федерации, начиная от Конституции РФ до конституционных федеральных законов и федеральных законов.

Так, согласно ст. 124 Конституции РФ, финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с Федеральным законом.

В силу ч. 3 ст. 9 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» [13], Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации и его органы в субъектах Российской Федерации осуществляют меры по созданию условий, необходимых для судебной деятельности судов общей юрисдикции и военных судов, а также по ее кадровому, организационному и ресурсному обеспечению.

В соответствие со ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [14], устанавливается, что единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается путем законодательного закрепления единства статуса судей.

На основании ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» [15], мировые судьи в Российской Федерации (далее – мировые судьи) являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему Российской Федерации. Полномочия, порядок деятельности мировых судей и порядок создания должностей мировых судей устанавливаются Конституцией Российской Федерации, Феде-

ральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», иными федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, а порядок назначения (избрания) и деятельности мировых судей устанавливается также законами субъектов Российской Федерации.

Однако в ч. 2 этой же статье Закона устанавливается, что мировые судьи осуществляют правосудие от имени Российской Федерации и нет никаких упоминаний о том, что мировой судья также отправляет правосудие от имени субъекта Федерации, в котором исполняет свои полномочия, несмотря на то, что, согласно законам субъектов, мировые судьи отправляют правосудие в помещениях, в которых устанавливаются флаги как Российской Федерации, так и субъекта Российской Федерации.

В силу ст. 6 Закона, мировые судьи назначаются (избираются) на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации, либо избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации.

Однако, несмотря на четко выраженный законодателем в указанной норме Закона порядок назначения мирового судьи, в ряде соответствующих субъектах Российской Федерации, в региональных законах о мировых судьях, в разрез с федеральным законодательством, появляется дополнительное звено в лице главы субъекта Федерации.

Так, например, согласно ч. 1 ст. 6 Закона Чеченской Республики от 20.07.2012г. № 20-РЗ [16], мировые судьи назначаются на должность Парламентом Чеченской Республики по представлению Главы Чеченской Республики, основанному на заключении квалификационной коллегии судей Чеченской Республики.

Согласно ст. 11 Закона Республики Ингушетия «О мировых судьях Республики Ингушетия» [17], мировые судьи назначаются на должность Народным собранием Республики Ингушетия, но опять-таки по представлению Главы Республики Ингушетия, хотя ч. 2 ст. 13 гласит, что удостоверение и отличительный знак мировому судье вручается Председателем Народного Собрания Республики Ингушетия в торжественной обстановке.

Статьей 3 Закона Ставропольского края «О порядке назначения и деятельности мировых судей в Ставропольском крае» [18] установлено, что мировые судьи назначаются на должность Думой Ставропольского края, по представлению Председателя Ставропольского краевого суда, основанному на заключении квалификационной коллегии судей Ставропольского края. В тоже время мы видим несоответствие, так как в ст. 5 названного закона регламентируется, что мировому судье после принесения присяги вручается Губернатором Ставропольского края и Председателем Думы Ставропольского края подписанное ими удостоверение установленного образца и отличительный знак мирового судьи.

Необходимо отметить, что республиканские законы Республики Северной Осетии (Алания) и Карачаево-Черкесской Республики соответствуют федеральному законодательству о мировых судьях.

Так, согласно ч. 3 ст. 8 Закона Карачаево-Черкесской Республики «О мировых судьях в Карачаево-Черкесской Республике» [19], мировому судье выдается соответствующее удостоверение, подписанное Председателем Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики, что является логическим продолжением порядка назначения на должность мирового судьи. Частью 1 ст. 7 Закона Республики Северная Осетия-Алания «О Мировых судьях в Республике Северная Осетия-Алания» [20], мировой судья назначается на должность Парламентом республики по представлению Председателя Верховного Суда Республики Северная Осетия-Алания, а, согласно ч. 6 ст. 7 указанного закона, мировому судье выдается удостоверение, подписанное Председателем Парламента.

Что касается Кабардино-Балкарской Республики, то процедура назначения на должность мирового судьи Кабардино-Балкарской Республики происходила таким же образом, как и в других субъектах Российской Федерации, пока на основании указания Генерального прокурора РФ прокурор КБР не внес представление в Парламент КБР о несоответствии положений Закона КБР «О мировых судьях Кабардино-Балкарской Республики» [21] федеральному законодательству, в части внесения кандидатуры мирового судьи в Парламент КБР Главой КБР, а не председателем Верховного суда КБР. Только в 2013 году из процедуры назначения на должность мировых судей в Кабардино-Балкарской Республике было исключено звено исполнительной власти. К сожалению, данный пример ярко характеризует «ревностное» отношение местных властей в субъектах Российской Федерации к мировым судьям, как к исключительно местному суду.

В настоящее время назревает и другая проблема судебного федерализма, которая еще практически не изучена в силу того, что еще нет практики ее реализации.

В свете изменений в законодательстве Российской Федерации, касающихся организации судебной системы в судах общей юрисдикции Российской Федерации, бесспорно, проявиться в обозримом будущем роль и место конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, с принятием Федерального Закона «Об административных судах Российской Федерации», который уже в первом чтении принят Государственной думой Федерального Собрания РФ.

На наш взгляд, с введением в действие его положений и без того во многом формальная роль конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации вообще будет сведена на «нет», так как в законопроекте никак не регламентировано разграничение подсудности между ними.

Таким образом, полагаем возможным сделать ряд выводов, которые, на наш взгляд, могут быть полезны, как при переосмыслении существующих законодательных норм, касающихся организации судебной деятельности мировых

судей, так и для внесения изменений в соответствующее федеральное законодательство и законодательство субъектов Федерации.

Во-первых. Для устранения назревших противоречий между планомерно отстаиваемой позицией Конституционного Суда РФ об усилении централизации судебной власти и фактически закрепленной в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» децентрализованности судебной системы законодателю следует четко и определенно, посредством внесения изменений в соответствующие федеральные законы определить статус мирового судьи и вывести мировых судей из сферы влияния региональных политических сил.

Во-вторых. Для исполнения положения ст. 124 Конституции РФ о финансировании судов только из федерального бюджета следует полностью передать материально-техническое и кадровое обеспечение судебных участков мировых судей в территориальные управления Судебного департамента при Верховном суде РФ.

В-третьих. Для предупреждения противодействия местных политических элит регионального уровня и укрепления централизации судебной системы Российской Федерации необходимо разработать и принять Федеральный закон о разграничении предметов ведения между субъектами Российской Федерации и федеральной властью, касательно организации и функционирования судебных органов, закрепив исключительное право федеральной власти на организацию Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции (в которые входят также мировые судьи) и арбитражных судов.

---

1. *Нелюбина А.А.* Мировые судьи в Российской Федерации: дисс. к.юр.н. Екатеринбург, 2006. С. 19.
2. *Сенякин И.Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 234; *Чиркин В.Е.* Федерализм и судебные системы // Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 2001. СС. 118–121; *Умнова И.А.* Проблемы судебного федерализма в Российской Федерации // Судебная система России: учеб. пособие. М., 2000. СС. 51–53 и др.
3. Федеральный Конституционный Закон РФ «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996г. № 1-ФКЗ (в ред. от 25.12.2012 № 5-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Качмазов О.Х.* «Проблемы формирования судебного федерализма России» // Материалы 3-й научно-практической конференции. Владикавказ: СОГУ, 2011.
5. *Павликов С.Г.* Конституционно-правовой статус судов субъектов РФ. М., 2004. СС. 35–36.
6. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996г. № 1-ФКЗ (ред. от 25 декабря 2012г. № 5-ФКЗ) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. *Тхабисимова Л.А.* «Региональная система организации институтов государственной власти в России: политико-правовой анализ»: дисс. д.юр.н.: 23.00.02. Ростов-н/Д., 2007. С. 310.

8. *Авакьян С.А.* Юбилей Конституционного Суда Российской Федерации: некоторые итоги и размышления // «Конституционное и муниципальное право», 2011. № 10.
9. Закон Ставропольского края от 28.09.2007 № 43-кз «Об Уставном суде Ставропольского края» (принят Государственной Думой СК 09.08.2007) // СПС «КонсультантПлюс».
10. *Александров С.В.* «Мировые судьи в системе судов общей юрисдикции в Российской Федерации»: дисс. к.юр.н.: 12.00.11. Саранск, 2009. С. 18.
11. *Маркова Н.Л.* «Конституционно-правовые основы института мировых судей»: дисс. к.юр.н.: 12.00.02. Тюмень, 2008. С. 19.
12. *Арабова Т.Ф.* «Теоретические и практические вопросы реформирования судопроизводства по гражданским делам у мирового судьи»: дисс. к.юр.н.: 12.00.15. М., 2011. С. 4.
13. Федеральный Закон «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 года № 3132-1 (ред. от 07.05.2013 № 102-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный Конституционный Закон РФ «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996г. № 1-ФКЗ (ред. от 25.12.2012 № 5-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Федеральный Закон РФ «О мировых судьях Российской Федерации» от 17.12.1998г. № 188-ФЗ (ред. от 04.03.2013 № 20-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Закон Чеченской Республики от 20 июля 2012 года № 20-РЗ «О мировых судьях Чеченской Республики» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Закон Республики Ингушетия от 03.02.1998г. «О мировых судьях Республики Ингушетия» (в ред. от 03.10.2011г. № 29-РЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
18. Закон Ставропольского Края от 10.11.2000г. № 58-кз «О порядке назначения и деятельности мировых судей в Ставропольском крае» (ред. от 12.04.2012 № 35-кз) // СПС «КонсультантПлюс».
19. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 27.11.2000г. № 33-РЗ (в ред. Закон КЧР от 11.01.2012 № 7-РЗ) «О мировых судьях в Карачаево-Черкесской Республике» // СПС «КонсультантПлюс».
20. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 23 августа 2000г. № 18-РЗ «О Мировых судьях в Республике Северная Осетия-Алания» (в ред. от 20.10.2011г.) // СПС «КонсультантПлюс».
21. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 30 ноября 1999 года № 55-РЗ «О мировых судьях Кабардино-Балкарской Республики» (в ред. от 30.05.2013г.) // СПС «КонсультантПлюс».

RUSSIAN JUDICIAL FEDERALISM AND REGIONAL POLICY: ISSUES OF DEVELOPMENT

Summary

The characteristic of judicial federalism is given in this article, problems of development of judicial federalism in Russia, questions of the organization and activity of world judges and the constitutional (authorized) courts of subjects of the Russian Federation are considered.

Keywords: judicial federalism, constitutional courts, magistracy, heads of subjects of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, federal constitutional law, the judicial system.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ АРМЕНИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВИЛЬНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Е.С. Мурадян

В статье рассматриваются два сценария развития внешнеэкономической деятельности Армении. Основная цель исследования – выявить интеграционные приоритеты Армении в долгосрочной перспективе. Актуальность темы обуславливается возрастающей необходимостью вовлечения страны в мировое экономическое и социальное пространство, что в свою очередь обеспечит ее устойчивый экономический рост и конкурентоспособность на внешнем рынке.

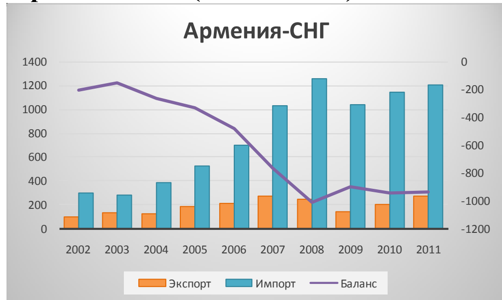
Ключевые слова: интеграция, приоритеты, конкурентоспособность, внешнеэкономическая деятельность.

В современном мире, где происходят активные процессы, ведущие к развитию интеграции стран во всех сферах, все более насущным становятся вопросы самоопределения или нахождения своего ***«места под солнцем»***. В связи с этим, общеизвестный факт, что любая страна должна в какой-то момент своего политического и экономического развития определить свои векторы и приоритеты во внешней политике, становится все более неопровержимым. Некоторые страны воспринимают каждый новый политический и экономический вызов как шанс для построения эффективной модели развития, и тем самым предопределяют вектор направленности внешней и внутренней политики на десятилетия вперед. Таких примеров становится все больше. Ситуация с Арменией, к сожалению, иная. И парадокс не в том, что это страна, к которой на мировой экономической и политической арене принято относиться как к маленькой, слаборазвитой территории в достаточно весомом и важном регионе. Все это, по нашему убеждению, лишь фатальность. За все годы независимости Армения, пожалуй, только сейчас начинает усваивать основные уроки того, что противостоять угрозам, возможно, прежде всего через инновационный путь развития, концентрацию усилий и ресурсов на приоритетные направления прорыва, развития современных технологических укладов и, наконец, на определение интеграционных приоритетов (которые в последнее время ее отнюдь не обходят стороной).

Если проанализировать и вникнуть в суть несостоятельности экономики Армении, то сегодня становится все более очевидным, что одной из проблем на пути самоопределения страны является вопрос интеграции в мировое экономическое, политическое и социальное пространство. В последнее время этому вопросу придается особое значение. И в этой связи среди самых актуальных сценариев внешнеполитического и экономического развития Армении можно выделить два проекта:

1) *Углубление стратегического партнерства с Россией*. Данный сценарий предполагает целенаправленный курс на Евразийский союз, о создании которого все чаще упоминается Россией. Суть, однако, в том, чтобы понять, какие механизмы развития может дать Армении интеграция в потенциальный блок Евразийского союза. Рассматривая Евразийский союз как продолжение совершенных поныне интеграционных шагов (таких, как ЕврАзЭС, Таможенный союз, ЕЭП России, Беларуси и Казахстана), можно сказать, что экономические интересы Армении, по сравнению с остальными потенциальными членами, не дадут столь значимых результатов. В этом можно убедиться, проанализировав эффективность торгово-экономических отношений Армении со странами СНГ.

Рис. 1. Внешнеторговый оборот РА со странами СНГ (в млн. долл.).

Источник: Национальная статистическая служба Армении. www.armstat.am

На протяжении десяти лет во внешнеторговых отношениях Армении со странами СНГ наблюдается отрицательное сальдо торгового баланса, причем пик приходится на 2008 год – импорт из стран СНГ превышает экспорт в 5 раз, составив 1,2 млрд. долларов. Если рассмотреть колебания экспортных показателей, то можно заметить, что с 2002–2007гг. экспорт вырос в 2,8 раза, составив 267, 4 млн. долларов в 2007 году по отношению к 96,3 млн. долларов в 2002г. Период резкого спада экспорта приходится на 2009–2010гг., когда показатель экспортируемых товаров и услуг снизился почти в 1,5 раза, составив 198,7 млн. долларов в 2010г. Что же касается колебаний уровня импорта, то здесь очевидно, что первые 6 лет не отличаются резкими скачками. Так, с 2002–2006гг. показатель импорта вырос в 3,42 раза, составив 696,2 млн. долларов. Интересным здесь, однако, является тот факт, что за два года, а именно с 2006–2008гг., данный показатель увеличился аналогично предыдущим 6 годам. В 2008 году импорт Армении из стран СНГ составил уже 1,2 млрд. долларов. Незначительный спад приходится на 2009 год, однако в 2011 году показатель импорта вновь сравнялся с аналогичным показателем 2008 года (1,2 млрд. долларов).

Проанализируем торгово-экономические отношения Армении по товарным группам со странами-партнерами СНГ за 2011 год. Напомним, что в

октябре 2011 года между 8 странами СНГ (включая Армению) было подписано Соглашение о Зоне свободной торговли [1].

Таблица 1

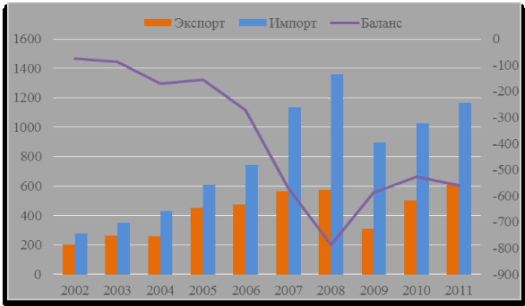
Товарная структура экспорта-импорта Армении со странами СНГ за 2011г. (в тыс. долл.).		
Наименование товара	***Экспорт***	***Импорт***
Живые животные	1.2	232.2
Мясо и пищевые мясные субпродукты	23.8	88465.6
Молоко и молочные продукты	1503.2	16099.4
Рыбы и ракообразные	13059.9	367.7
Овощи	935.0	1547.2
Съедобные плоды и орехи	14227.5	259.2
Кофе, чай и другие пряности	2287.1	1364.4
Хлебные злаки	4.4	98596.7
Жиры и масла животного или растительного происхождения	0.3	41418.5
Сахар и кондитерские изделия из сахара	13.6	6336.1
Алкогольные и безалкогольные напитки	121032.6	28770.3
Табак и промышленные заменители табака	4985.5	43221.4
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки	16673.0	438808.2
Фармацевтические продукты	3434.3	8779.6
Древесина и изделия из нее	283.4	20368.3
Стекло и изделия из него	312.3	2616.9
Драгоценные или полудрагоценные камни	29542.8	43731.5
Медь и изделия из нее	8.7	1815.4
Алюминий и изделия из него	36.9	75345.7
Электрические машины и оборудование, их части	4484.0	25080.4
Источник: Статистический ежегодник Армении 2012г. http://armstat.am/file/doc/99473898.pdf		

Из таблицы видно, что среди основных экспортируемых из Армении товаров наибольший объем приходится на алкогольные и безалкогольные напитки (121 млн. долларов), а также на драгоценные или полудрагоценные камни (29,5 млн. долл.).

Если учитывать тот факт, что Армения могла бы стать ведущей страной СНГ в области развития агропромышленного комплекса, то экспорт овощей и фруктов, по идее, должен был быть намного больше всех остальных товарных групп. Между тем, как видно, показатель экспорта овощей из Армении в страны СНГ занимает лишь мизерную долю – 9 млн. долларов за весь рассматриваемый период.

В списке импортируемых из СНГ товаров топливо и нефтепродукты по объему превышают все остальные (438,8 млн. долл.). На втором месте не менее важная импортная статья, как хлеб и хлебные злаки (98,5 млн. долл.). Далее, товары мясного производства с показателем 88, 4 млн. долларов. По импорту овощных продуктов у Армении тоже небольшой объем (15,4 млн. долл.). Получается, что аграрное производство почти полностью направлено на внутреннее потребление.

Рис. 2. Внешнеторговый оборот Армении и ЕС. млн. долл. США.

Источник: Национальная статистическая служба Армении // www.armstat.am

Немаловажно отметить, что по данным Национальной Статистической Службы Армении из всех стран СНГ Россия занимает доминирующую роль как в экспорте, так и в импорте Армении (см. рис. 3). Круг основных стран-партнеров Армении замыкают Украина и Белоруссия. Что касается остальных стран СНГ, в частности, стран-участниц вышеотмеченного соглашения, то самый большой товарооборот здесь приходится на Казахстан (30,8 млн. по экспорту и 118,9 млн. по импорту), а с остальными странами (Молдова, Таджикистан и Кыргызстан) у Армении почти нет реального товарооборота [2].

Таким образом, на основании вышеприведенных статистических данных, можно отметить, что у Армении нет реального товарооборота со странами СНГ. Более того, вышеприведенные данные показали, что на протяжении десяти лет не наблюдалось резких скачков как по экспорту, так и по импорту. Что же касается внешнеторговых отношений в рамках подписанного соглашения о ЗСТ, то все страны-участницы соглашения, кроме России и в некоторой степени – Белоруссии и Украины, в торговом балансе Армении никак не отображаются и не являются для страны знаковыми с точки зрения развития внешнеэкономической деятельности. Все это наводит на мысль, что данное соглашение скорее носит политический характер, нежели шаг, ведущий к развитию торгово-экономических отношений внутри интеграционного блока СНГ.

Тем не менее, если многие ученые-исследователи ранее относились к проблеме постсоветских интеграционных проектов (СНГ, в частности) весьма скептически, а скорее даже пренебрежительно, то можно сказать, что эта тенденция намного изменилась за последние 3–4 года. Неожиданным в этой связи поворотом событий стал, во-первых, Таможенный союз (ТС) России, Белоруссии и Казахстана, запущенный в 2010г., – единственный постсоветский интеграционный проект, участники которого выполняют все взятые на себя обязательства. И действительно, после распада СССР прошло два десятилетия, за которые между бывшими союзными республиками было подписано большое число соглашений, договоров и инициатив. Однако все они продемонстрировали неспособность «постсоветской интеграции» обеспечить реальное сотрудничество государств региона [3]. Даже такой масштабный, на первый взгляд,

«интеграционный проект» СНГ на деле доказал свою неэффективность с точки зрения программ и инициатив политического, экономического, социального сотрудничества между странами-участниками. Поэтому нет ничего удивительного, что на современном этапе развития каждая из стран СНГ проводит собственную политику, имеет и отстаивает свои интересы, к сожалению, при реальном отсутствии опыта экономической интеграции.

В настоящий момент для каждой страны Содружества более приемлемой и целесообразной стала так называемая разноуровневая и разнонаправленная интеграция, когда каждое государство самостоятельно определяет, в каких из направлений интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях оно согласно принимать участие и в каком объеме. Тем более, что в основополагающих документах Содружества не определены конкретные цели интеграции и на участников не налагаются строгие обязательства [4]. Если к этому добавить также необязательность выполнения достигнутых договоренностей, отсутствие действенных организационно-правовых механизмов контроля и ответственности за выполнение принятых соглашений и решений, то стремление отдельных государств Содружества к более тесному сотрудничеству в более узком по своему составу формате интеграционного взаимодействия – весьма объяснимо [5].

Однако не только особенности организационно-правовой системы СНГ, но и значительные различия в геополитической ориентации его участников, уровни их социально-экономического развития стали главными предпосылками фрагментации Содружества и создания региональных группировок с участием отдельных стран.

Теперь, когда появилась совершенно новая по своему содержанию и намерениям инициатива создать Евразийский союз, интеграционные перспективы представляются намного более реалистичными, чем большинство существующих поныне проектов. Особенность ситуации для Армении, однако, своеобразна как с экономической, так и с политической точки зрения. Как было отмечено выше, Армения уже осуществляет со странами будущего Евразийского союза разные проекты сотрудничества, направленные на углубление и развитие интеграции. Об этом свидетельствует также подписанное соглашение о Зоне свободной торговли СНГ, которое отображает высокий уровень эффективных торгово-экономических отношений Армении – в основном с Россией, с Беларусью и Украиной с одной стороны, а с другой – нерациональность сотрудничества с остальными странами-участниками.

Поэтому, даже если членство Армении в Евразийском союзе не противоречит ее внешнеэкономическим и политическим ориентирам, более того, является одним из приоритетных ориентиров, то на данном этапе развития страны, предоставляемые Евразийским союзом возможности, не смогут обеспечить существенных результатов с точки зрения улучшения социально-экономического положения страны, развития экспортноориентированных и инновационных отраслей экономики.

Между тем, на данном этапе развития событий, связанных с намерением Армении вступить в ТС России, Белоруссии и Казахстана, сложно судить о конкретных экономических выгодах, которые получит страна в результате под-

писания данного договора. Однако ясно и то, что существует ряд определенных факторов, которые делают потенциальное членство Армении в Таможенном Союзе политически выгодным.

Рассмотрим второй сценарий или альтернативу интеграционных ориентиров Армении.

2) *Европейский вектор направленности внешней политики*, что предполагает меры, направленные на интеграцию Армении с ЕС. Как известно, сотрудничество Армения-ЕС началось в 1991 году с программы “TACIS”, которая была нацелена изначально на содействие развитию прочных и эффективных экономических и политических связей между Европейским Союзом и страной-партнером. Особенностью программы сотрудничества стало предоставление субсидий (безвозмездного финансирования) для передачи ноу-хау, а также поддержки процесса перехода к рыночной экономике и демократическому обществу. Приоритетными областями финансирования TACIS были определены следующие:

- реформа в государственном секторе;
- реструктуризация государственных предприятий и развитие частного сектора;
- транспорт и телекоммуникации;
- энергетика, ядерная безопасность;
- защита окружающей среды;
- построение эффективной системы производства, переработки и распространения пищевой продукции;
- развитие социальной службы и образования [6].

Начиная с 1991 года, в рамках финансовой помощи, ЕС выделил Армении более 380 млн. евро. А программа “TACIS” была в основном нацелена на содействие процессу перехода к рыночной экономике, в частности, путем содействия в области законодательных реформ, а также вступления Армении в ВТО.

Немаловажную роль в развитии отношений Армении и ЕС играет также программа «Восточное партнерство» [7], которая, в потенциале, предполагает подписание соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли Армении с Евросоюзом и, как следствие, постепенную интеграцию с ЕС.

Рассмотрим особенности торгово-экономических взаимоотношений Армении с ЕС и проведем параллель с вышеприведенными данными товарооборота со странами СНГ.

На данном графике указаны внешнеторговые отношения Армении-ЕС за период с 2002–2011гг. Рассматривая внешнеторговый оборот Армении с ЕС, можно убедиться, что как по экспорту, так и по импорту, интеграционный блок ЕС занимает в списке торговых партнеров Армении одно из лидирующих мест. Причем видно, что импорт из стран Евросоюза неуклонно рос и достиг наивысшей отметки в 2008г., составив 1,3 млрд. долл. Что касается экспорта, то данный показатель также достиг максимума в 2008г., составив 572 млн. долл. Если провести параллель динамики товарооборота Армении-СНГ и Армении с ЕС, то здесь видно, что по импорту оба партнера отображаются в торговом балансе

одинаково. Причем, по темпу роста импорт из стран СНГ (см. рис. 1) опережает аналогичный показатель импорта из стран ЕС. Так, в 2011 году импорт из стран ЕС составил 1 млрд. долл., а импорт из стран СНГ – 1,2 млрд. долл.

Что же касается показателя экспорта, то здесь можно заметить, что данный показатель за 5 лет (период с 2002 по 2007гг.) вырос в 2,8 раза, достигнув отметкив 562,8 млн. долл. по сравнению с 200 млн. долларам 2002 года. Так, за два года, а именно: с 2009–2011гг., показатель экспорта увеличился почти в два раза, составив 607 млн. долл. по сравнению с 310 млн. долл. 2009 года.

Для того чтобы глубже понять степень эффективности торгово-экономических отношений Армении с ЕС, рассмотрим внешнеторговый оборот Армении с отдельно взятыми странами ЕС (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Товарооборот Армении со странами ЕС за 2007–2011гг. (в млн. долл.).

	2007		***2008***		***2009***		***2010***		***2011***	
Страны ЕС	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.
Бельгия	100,2	116,4	89,5	94,6	46,7	58,5	72,4	71,4	70,5	64,5
Германия	169,6	221,1	183,7	255,2	114,9	176,1	132,6	210,7	157,9	245,0
Испания	15,5	20,5	11,1	36,4	7,5	18,9	15,2	24,6	82,5	40,2
Италия	30,1	113,9	27,6	157,2	6,9	113,6	4,8	122,1	4,5	169,6
Нидерланды	156,1	21,1	130,9	22,5	52,1	26,6	98,6	23,4	117,2	37,0
Франция	9,4	150,2	10,5	127,3	5,6	73,5	7,4	76,7	9,6	82,4
Чехия	2,3	15,9	1,5	22,5	1,5	14,5	1,1	18,5	1,9	24,0
Польша	7,1	17,6	5,5	31,3	0,6	33,8	2,1	30,3	0,9	35,5
Болгария	46,9	87,4	59,5	118,6	60,1	86,2	156,5	112,3	152,2	102,2

Источник: Статистический ежегодник Армении 2012г. // http://armstat.am/file/doc/99473898.pdf

В таблице указаны те страны ЕС, которые больше всех отображаются в торговом балансе Армении.

Итак, анализируя торгово-экономические отношения Армении с вышеприведенными в таблице странами ЕС, отметим, что самыми существенными партнерами Армении как по экспорту, так и по импорту, являются Германия и Бельгия. Так, экспорт Армении в Германию достиг наивысшего показателя в 2008г., составив 183,7 млн. долл. Аналогичная ситуация и по импорту (255,2 млн. долл.). Следующим торговым партнером Армении из стран ЕС является Бельгия, однако необходимо отметить, что, в отличие от торгово-экономических отношений Армения-Германия, которые динамично развиваются, экспорт Армении в Бельгию постоянно сокращается, и, по данным 2011 года, составил 70,5 млн. по отношению к показателю 100,2 млн. 2007 года.

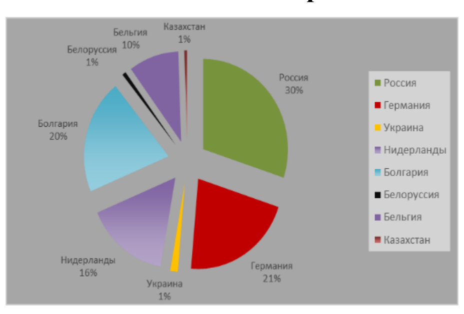
Так, если рассмотреть товарную структуру экспорта Армении в страны ЕС в 2011г. (см. таб. 3), то здесь можно заметить, что основной статьей экспорта Армении являются руды и шлак (24,3 млн. долл.), железо и сталь (12,1 млн. долл.), а на третьем месте – медь и изделия из нее (14,4 млн. долл.). Если провести параллель товарной структуры экспорта Армении в страны ЕС и СНГ (см. таб. 1), то примечательным здесь является тот факт, что готовые продукты и изделия в основном экспортируются из Армении в страны СНГ. Так, из нижеприведенной таблицы видно, что продукты пищевой промышленности и вовсе отсутствуют в товарном потоке Армения-ЕС. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и по импортным статьям. Основными импортируемыми товарами из стран ЕС являются минеральное топливо, масла (21,7 млн. долл.), машины, ядерные реакторы (14,4 млн. долл.), а также драгоценные камни и изделия из них (6,7 млн. долл.). По последнему товару показатели экспорта и импорта почти совпадают (экспорт драгоценных камней из Армении в ЕС составил 7,2 млн. долл.). Немаловажной импортной статьей для Армении являются также средства наземного транспорта (3,9 млн. долл.) и, конечно же, фармацевтические товары (6,2 млн. долл. из стран ЕС и 8,7 млн. долл. из стран СНГ).

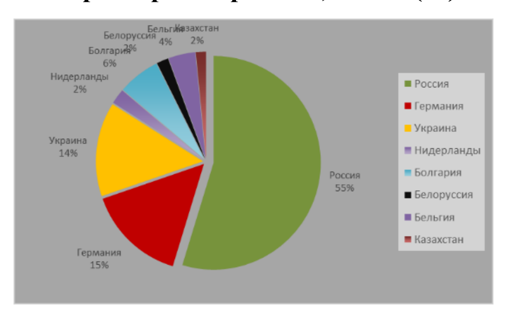
Таблица 3

Товарная структура экспорта-импорта Армении со странами ЕС за 2011г. (в тыс. долл.).

Наименование товара	***Экспорт***	***Наименование товара***	***Импорт***
Руды, шлак	243.144	Минеральное топливо, масла, продукты перегонки	217.068
Железо и сталь	121.655	Фармацевтические товары	62.183
Медь и изделия из нее	144.580	Средства наземного транспорта	39.510
Драгоценные камни и изделия из них	72.181	-	67.514
Прочие недрагоценные металлы, изделия	15.364	Бумага и картон, изделия из них	31.252
Табак и промышленные заменители табака	2.601	-	9.012
Машины, ядерные реакторы, котлы и т.д.	4.943	-	144.455
Алкогольные и безалкогольные напитки, уксус	4.999	-	13.524
Алюминий и изделия из него	2.813	-	8.889
Электрическое оборудование	7.836	-	69.193
Рыба, ракообразные, моллюски, вводные беспозвоночные	2.378	Мебель, сборные строительные	19.840
Изделия из кожи	1.553	Эфирные масла, парфюмерия, косметика	34.712
-	-	Пластмасса и изделия из нее	21.589
-	-	Стекло и изделия из стекла	11.404
-	-	Мясо и пищевые субпродукты	11.498
-	-	Керамические изделия	11.045
-	-	Оптическое, медицинское устройство	22.234
Источник: International Trade Center // http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx			

Рис. 3. Удельный вес стран СНГ и ЕС в товарообороте Армении, 2011г. (%).

Источник: Статистический ежегодник Армении 2012г. //
http://armstat.am/file/doc/99473898.pdf

Итак, подытоживая аналитическую картину товарооборота Армении с ЕС и СНГ, видно, что в удельном весе товарооборота Армении с вышеотмеченными странами, Россия занимает доминирующую позицию (30% от экспорта и 55% от импорта). На втором месте Германия (21% от экспорта и 15% от импорта). Примечательным является тот факт, что такие страны СНГ, как Украина, Казахстан и Белоруссия, почти не отображаются в удельном весе экспорта страны. На каждую из них приходится 1%. И наоборот, страны ЕС такие, как Болгария, Бельгия и Нидерланды, в удельном весе экспорта занимают гораздо бóльшую долю. В удельном весе импорта, однако, видно, что Украина занимает 3-е место (14%), а Белоруссия и Казахстан вновь равнозначно занимают 2% от общего импорта.

Отметим, что, согласно проведенному ООН статистическому анализу в 2012 году, промышленные товары были основной статьей экспорта Армении в 2012г. и занимали 30% от общего объема. В другую крупную товарную группу по экспорту были включены пищевые продукты, живые животные, напитки, табачные изделия (22%), сырые материалы (за исключением топлива минеральных), растительные масла и жиры (21,8%, соответственно). Тройку лидеров из стран-партнеров по экспорту Армении занимают Россия, Германия и Болгария. Самая значительная доля приходится на Россию (78,2%), куда в основном экспортировались готовые продукты пищевой промышленности, напитки и табачные изделия. Основные товарные группы по импорту в 2012г. включают минеральные топлива, смазочные материалы и сопутствующие вещества (21,2%), машины и транспортное оборудование (18,3%), живые животные, напитки и табачные изделия (17,5%) [8].

Таким образом, Армения сегодня чувствует острую необходимость в определении приоритетов во внешнеполитической и экономической стратегии. Оба течения интеграции, проанализированные выше, предполагают, прежде всего, экономическую интеграцию. Экономическая интеграция невозможна без создания конкурентоспособных отраслей и прочной законодательной базы. Армения имеет потенциал выхода на качественно новый уровень экономического развития, и на данном этапе развития мировой экономики просто обязана шагать в ногу, хотя бы с соседними странами, по уровню развития своей эконо-

мики. И поэтому интеграция в тот или иной блок должна изначально восприниматься как шанс к построению здоровой социально-экономической жизни.

Исходя из вышесказанного, отметим, что исключительно важно взять курс на правильные интеграционные ориентиры для построения эффективной экономики и динамично развивающего общества.

1. Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ: «Договор о зоне свободной торговли» // http://cis.minsk.by/reestr/ru/printPreview/text?id=3183&serverUrl=http://cis.minsk.by/reestr/ru
2. Национальная статистическая служба Армении // www. armstat.am
3. «Постсоветский интеграционный прорыв: почему Таможенный союз имеет больше шансов, чем его предшественники». Е. Винокуров, А. Либман. Ж. Россия в глобальной политике, № 2, март-апрель 2012г. СС. 33–34.
4. Устав СНГ (Совет глав государств СНГ, 22.01.1993. Минск): Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ: Минск, 1993. № 1(9). С. 24.
5. *Шумский Н.* «Региональные экономические объединения государств Содружества». Ж. Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3. С. 52.
6. “European Neighborhood and Partnership Instrument. Armenia” Country strategy paper, 2007–2013 // http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/enpi_csp_armenia_en.pdf
7. Официальный сайт программы «Восточного партнерства» // http://www.easternpartnership.org/content/about-us
8. Официальный сайт статистической базы по торговле при ООН // http://comtrade.un.org

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԻՆՏԵԳՐԱՑԻՈՆ ԳԵՐԱԿԱՅՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ. ՃԻՇՏ ԸՆՏՐՈՒԹՅԱՆ ԱՆՀՐԱԺԵՇՏՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ամփոփում

Սույն հոդվածում ուսումնասիրվում են Հայաստանի արտաքին տնտեսական գործունեության երկու հնարավոր ուղի: Ուսումնասիրության գլխավոր նպատակն է բացահայտել Հայաստանի երկարաժամկետ ինտեգրացիոն գերակայությունները: Ընտրված թեմայի արդիականությունը պայմանավորված է երկրի համաշխարհային տնտեսական և սոցիալական տարածությունում ներգրավված լինելու աճող անհրաժեշտությամբ, որն իր հերթին կապահովի Հայաստանի կայուն տնտեսական աճը և մրցունակությունը միջազգային շուկայում:

INTEGRATION PRIORITIES OF ARMENIA: THE NECESSITY OF RIGHT CHOICE

Summary

The article describes two possible scenarios for the development of Armenia’s foreign economic relations. The main objective of this study is to identify the long-term priorities of Armenia’s integration. Relevance of the topic is connected with the increasing necessity of country’s involvement in global economic and social processes, which in its turn will ensure its sustainable economic growth and competitiveness in international market.

УЧЕНИЕ Ю.Н. ТЫНЯНОВА О ПАРОДИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Н.Л. Абрамян, А.О. Иерусалимская

В статье подробно исследуется работа русского советского писателя и литературоведа Ю.Н. Тыньянова (1894–1943) «О пародии», раскрываются ее ключевые моменты. Авторы проводят параллели между идеями Ю.Н. Тынянова и появившейся полвека позже теорией интертекстуальности, «переводя» используемые Тыняновым термины на язык современных филологов. В настоящей статье продемонстрирована та глубина, с которой Ю.Н. Тынянов исследует, по сути, явление интертекстуальности. Авторы доказывают, что термины «пародийность» и «пародичность» эквивалентны термину «интертекстуальность», а «пародия» – термину «метатекст».

Ключевые слова: пародия, интертекстуальность, прецедентный текст, метатекст, интертекст, метатекст, пародийность, пародичность.

Получивший широкое распространение в арсенале современного литературоведения (а позднее – и в теориях текста) термин «интертекстуальность» связывают с именем Юлии Кристевой и с французским постмодернизмом. Однако, по мнению российских учёных, он глубоко укоренён в русской филологической традиции. Вспомним, что и Кристева всегда называет себя ученицей М.М. Бахтина. Но, помимо него, есть еще один крупнейший филолог России, в трудах которого очевидно просматриваются предпосылки и, отчасти, разработки некоторых аспектов будущей интертекстуальности. Это – русский советский писатель и литературовед Юрий Николаевич Тынянов (1894–1943гг.).

Его статья «О пародии» написана в 1929 году – почти за полвека до появления понятия «интертекстуальности». Однако, как мы продемонстрируем далее, Тынянов по существу исследовал явление интертекстуальности, только пользовался он термином «пародия».

«Пародия есть сочинение, в стихах или прозе, сделанное на какое-нибудь серьезное произведение, с обращением его в смешную сторону, посредством каких-либо изменений или совращения от существенного его назначения к предмету забавному» [1, с. 284]. Этим определением из словаря Буйе начинает

свою статью «О пародии» Юрий Николаевич Тынянов, чтобы доказать узость и, следовательно, неправомерность данного определения.

На примере «Песни Киевлян» Аксакова Тынянов показывает, как произведение, задуманное, как пародия, часто не оказывает комического эффекта [1, с. 286]. Более того, зачастую пародии воспринимались как серьезные произведения.

Анализируя художественные произведения XIX века, автор приходит к следующим выводам. Пародируемый текст (прецедентный текст – в современной терминологии) принадлежит к более высокому жанру, чем пародия (метатекст). Последний создается для более массового употребления. Для пародии характерна чрезмерность некоторых черт прецедентного текста. Автор пародии словно выводит их «с нажимом».

Привлекая материал произведений Н.А. Полевого и И.И. Панаева, чьи пародии были начисто лишены даже небольшого элемента комизма, Тынянов ставит вопрос о том, следует ли признать, что пародии Полевого и Панаева на самом деле пародиями не являются, или же надо окончательно отбросить комичность как один из признаков пародии.

Сам автор придерживается второй позиции, характеризуя комичность как свойство производное, трудноуловимое, зависящее от ситуации. Но дело даже не в этом: в комических пародиях, утверждает Тынянов, суть вовсе не в комичности. Цель пародии – не комизм, а обманчивость, факт неузнания. Таким образом, Ю.Н. Тынянов, фактически, называет пародией аллюзию.

Обращаясь к определению из словаря Буйе, Тынянов отмечает, что наиболее существенна его первая часть, в которой говорится о таком свойстве пародии, как ее направленность. Говоря современным языком, пародия интертекстуальна, она всегда направлена на некий прецедентный текст. Так же, как и аллюзия, – это частный случай интертекста, при котором метатекст «намекает» на прецедентный текст, вызывает отсылающие к прецедентному тексту ассоциации.

Для того чтобы пародия имела успех, прецедентный текст должен быть актуальным. Пародировать полузабытые произведения бессмысленно, так как посыл не будет понят. Если мы проведем аналогию с механизмом диалога Юрия Михайловича Лотмана, то здесь соблюдается условие высокой ценности «чужой» культуры (в данном случае – чужого текста) – этап II в диалоге культур. Напомним, что хотя, описывая механизмы диалога, Ю.М. Лотман, прежде всего, имел в виду диалог культур [2, сс. 194–205], нам представляется правомерным распространить его и на диалог между текстами.

Однако возможна и более сложная интертекстуальность, когда пародируется некий старый текст, но направленность этой пародии иная. В действительности эта пародия направлена на другой современный текст, для которого тот же старый текст является прецедентным. Можно сказать, что пародийный выпад осуществляется рикошетом. В таких пародиях текст и адресат не совпадают. Происходит диалог двух метатекстов на платформе одного и того же прецедентного текста. Точнее, мы имеем дело уже не с диалогом, а полилогом между тремя текстами.

Тынянов подчеркивает значение интертекстуальности: «...Под направленностью мы будем понимать не только соотнесенность им, но и особый упор на эту соотнесенность...» [1, с. 289] (думаем, здесь под выражением «соотнесенность какого-либо произведения с другим» следует понимать именно связь текстов через интертекстуальность – *Н.А., А.И.*). В то же время он продолжает расширять определение пародии: «...Направленность может относиться не только к определенному произведению, но и к определенному ряду произведений, причем их объединяющим признаком может быть – жанр, автор, даже то или иное литературное направление» [1, с. 289].

В своей статье автор разделяет понятия ***пародичности***, т.е. пародической формы, и ***пародийности***, т.е. пародийной функции. Оба эти явления интертекстуальны, однако соотношение между прецедентным текстом и метатекстом в каждом случае различно. Пародичность – это лишь использование формы одного текста для создания другого. В ней нет направленности. Тогда как пародийность имеет дело со смыслом. «...Пародийность и пародичность – понятия системные и вне системы литературы не мыслятся: применение одних и тех же пародических средств имеет различную функцию в зависимости от системного (или внесистемного) положения обоих произведений – пародирующего и пародируемого...» [1, с. 290].

Как отмечает Плешкова, «согласно теории Тынянова, каждое произведение и вся литература – система, а литературная эволюция мыслится как “смена систем”. При этом происходит “отталкивание” каждого “нового” произведения от предыдущего, “старого”, что обусловлено требованием постоянной новизны, внутренне присущей искусству. Под “старым” понимаются различные источники (литературные, документальные и пр.), которые использует автор при создании “нового” произведения» [3].

Тынянов замечает, что при пародическом оперировании вещью происходит не только изъятие произведения из литературной системы, но и разъятие самого произведения как системы [1, с. 292]. Происходит вскрытие формул, находящихся в основе пародируемого произведения, обнаружение скрытых в нем связей и закономерностей – отделение некого содержания от его носителя, отрицание высокой ценности кода, языка, самих текстов (по Лотману, это – этап III диалога культур). Данный этап наиболее идеологический – происходит смещение смыслов.

И чем богаче, чем сложнее структура прецедентного текста, тем более интенсивной оказывается продуктивная деятельность по созданию на основе его метатекстов, тем большее количество пародий, если использовать терминологию Тынянова, он может породить. Это – стадия продуктивной активности в механизме диалога Лотмана (этап IV). Полученные метатексты, в свою очередь, могут стать прецедентными для других пародий (этап V), в процессе чего, как отмечено выше, может раскрыться их интертекстуальная история.

Ю.Н. Тынянов называет пародией практически любую вариацию текста, в том числе авторскую. В начале XIX века существовал русский перевод слова «пародия» – «перепеснь». Слово это не прижилось в языке, однако оно лучше

отражает тот смысл, который вкладывает в слово «пародия» Тынянов – перепев.

Автор статьи включает в свое определение пародии и хаотическое распределение материала, поскольку это – тоже нарушение системы, разъятие произведения.

По мнению современного сербского исследователя, «для Тынянова литература – это перерабатывающее устройство: как в смысле переработки старых, сломанных форм в новые, так и в ницшеанском смысле "вечного возвращения", которое позволяет старой литературе вернуться обновленной благодаря маскараду пародии. Именно эта двойная пародическая связь служит главной движущей силой литературной эволюции...» [4].

Согласно самому Тынянову, «...эволюция литературы… совершается не только путем изобретения новых форм, но и, главным образом, путем применения старых форм в новой функции. Здесь играет свою роль, так сказать, учебную, экспериментальную и подражательную, и пародия. Напр., роль пародий в творчестве Некрасова – в переводе старых форм на новые функции, и в этом смысле его пародическая школа близка к усвоению им же старых форм путем подражания в первом его сборнике, является как бы второй степенью изучения – экспериментом. Это вовсе не исключает пародийного значения этих произведений, их направленности не только *на* старые явления, но, частично, и *против*» [1, с. 293].

Питательной средой для пародий являлась, в частности, дружеская переписка поэтов XIX века. Цитаты из стихотворений, оказавшись в обиходной среде, приобретали совсем иное значение. Происходило смещение системы. К средствам пародии относилась и такая обработка текста, как каламбур. Порою пародисты доходили до мелочности, пародическим средством считалась перемена даже одной буквы. Тынянов выделяет А.С. Пушкина, который пользовался своего рода тайным языком. Пушкин писал лаконично именно за счет этой многокодовости, его сочинения были рассчитаны на образованного читателя, способного эти коды расшифровать.

Герцен и другие пародируют такие элементы текста, как орфография, словообразование, графические особенности письменной речи. Эта тайнопись имела и политическое значение, позволяя шифровать в тексте информацию «для своих» в обход цензуры.

Ю.Н. Тынянов продолжает расширять определение пародии, вводя в качестве прецедентного текста литературные жанры. Пародия всегда связана с определенным насилием, с силой, которая смещает привычный жанр текста и придает ему новое значение или форму: «Эволюция жанров состоит и в изменении соотношения между членами системы (например, "борьба" оды и элегии, "победа" элегии)» [1, с. 301].

Более того, согласно Тынянову, объектом пародии выступает не только текст, но и речь. Речевую пародию обычно называют передразниванием. Это воспроизведение произношения, интонации речи. Впрочем, пародировать можно не только речь, но и любые звуковые сигналы. Перепев (ср. «перепеснь») известной песни с новыми словами – это тоже пародия. Прецедентные слова

песни будут «звучать в уме», произойдет наложение смыслов – и в результате мы получаем метатекст в виде «метапесни»[1].

При пародировании происходит еще одно любопытное явление. «*Авторская речь*, будучи нарушена, смещена, становится *речью автора*. Обнажается условность системы – и вместо авторского речеведения появляется *речевое поведение* автора, вместо *речевой* позиции – речевая поза» [1, с. 302]. Иными словами говоря, меняется ракурс восприятия текста, автор перестает быть хозяином положения, читатель оказывается «за кулисами».

Самый, пожалуй, наглядный пример здесь – это использование в качестве афоризмов отдельных фраз, вырванных из произведения, с указанием автора исходного произведения. При этом происходят некоторые сложные явления – ведь тем самым обрываются все связи фразы с тем контекстом, в котором она была употреблена по замыслу автора. А иной раз эта фраза берется из уст героя, точку зрения которого автор вполне может не разделять (ср. с тем, сколько копий, и совершенно напрасно, в нашей прессе и литературе было переломано из-за фразы пушкинского героя-мусульманина «Ты раб, ты трус, ты армянин...»). Воспроизводясь в отрыве от исходного произведения, афоризм с подписью писателя воспринимается как выражение мировоззрения самого писателя.

Разрабатывая эти проблемы в более поздний период, Ю.М. Лотман коротко формулировал: всякая цитата (в широком смысле слова) принадлежит обоим контекстам, и, тем самым, возникает поле для порождения новых смыслов. «Весьма существенно при этом, что, переходя в другую сферу, та или иная значимая структура сохраняет связь со своим естественным контекстом. … Именно такая двойная отнесённость к различным семиотическим системам создаёт ту риторическую ситуацию, в которой заключается мощный источник выработки новых значений» [5, с. 400].

«Подобно тому, как в театрально-драматической пародии вместо *героя* выступает *актер* – в стиховой пародии вместо авторского лица выступает авторская личность с бытовыми жестами» [5, с. 302]. Таким образом, пародия может быть направлена не только на текст, но и на саму личность. Тынянов отмечает, что существует пародическая личность, на которую нанизываются ряд аморфных, не окристаллизовавшихся литературных явлений. Прецедентной, в данном случае, личностью (или прототипом) для пародической личности, как правило, служит конкретный литератор (один или как, например, Козьма Прутков – несколько человек), который, согласно Тынянову, «...либо деформируется слегка, либо искажается до полного несходства, либо – в случаях, правда, редких – может и вовсе отсутствовать» [5, с. 303]. В последнем случае, если прецедентная личность – вымышленный персонаж, плод воображения некоего автора, созданный художественными средствами образ, думаем, можно предположить существование прецедентного текста. И тонка та грань, когда можно говорить именно о пародической личности, когда герой выходит из

[1] Отсюда, к примеру, столько споров касательно сохранения мелодии советского гимна.

плоскости литературы, становится «объемным» и начинает восприниматься как реальный исторический персонаж.

Законы создания литературной личности те же, что и основные пародические приемы: выведение из своей системы и введение в другую.

Таким образом, практически все влияния, имеющие место при создании нового произведения, перевод конструктивного элемента текста из прецедентного текста, из быта в литературное произведение, согласно Тынянову, называются пародированием – изменением конструктивной функции данного элемента. Сильно расширив словарное определение пародии, Тынянов вплотную приблизился к тому, что в 1974 году в своей книге «Революция поэтического языка» Юлия Кристева назовет интертекстуальностью: «...интертекстуальность – это транспозиция одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему» [6, с. 52].

---

1. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: «Наука», 1977.
2. *Лотман Ю.М.* Механизмы диалога // Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1996.
3. *Плешкова О.И.* Теория пародии Ю.Н. Тынянова и современная школа постмодернизма. Вестник Новгородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011. // http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_6/117.pdf
4. *Драган Куюнжич.* Пародия как повторная переработка (литературной) истории. «Русский журнал», 2001г. Интернет-ресурс. Режим доступа // http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/ku6.html
5. *Лотман Ю.М.* Театральный язык и живопись. Статьи по семиотике искусства. СПб., 2002.
6. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. яз. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: изд-во ЛКИ, 2008. 240с.

ՅՈՒ.Ն. ՏԻՆՅԱՆՈՎԻ «ԾԱՂՐԵՐԳՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ» ՀՈԴՎԱԾԸ ԻՆՏԵՐՏԵՔՍՏՈՒԱԼՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Ամփոփում

Հոդվածում մանրամասնորեն ուսումնասիրվում է խորհրդային ռուս գրող ու գրականագետ Յու.Ն. Տինյանովի (1894–1943) «Ծաղրեգրության մասին» աշխատությունը, բացահայտվում դրա առանցքային պահերը: Հեղինակները զուգահեռներ են անցկացնում Յու.Ն. Տինյանովի և կեսդար ավելի ուշ իհայտ եկած ինտերտեքստուալության տեսության միջև, «թարգմանելով» Տինյանովի կողմից օգտագործած եզրույթները ժամանակակից բանասերների լեզվին: Սույն հոդվածում ցույց է տրված այն խորությունը, որով Յու.Ն. Տինյանովը հետազոտում է, ըստ էության, ինտերտեքստուալության երևույթը: Հեղինակներն ապացուցում են, որ «պարոդիականություն» և «ծաղրանմանականություն» եզրույթները համարժեք են «ինտերտեքստուալություն» եզրույթին, իսկ «ծաղրեգրություն» եզրույթը՝ «մետատեքստ» եզրույթին:

Հիմնաբառեր՝ ծաղրեգրություն, ինտերտեքստուալություն, նախադեպային տեքստ, մետատեքստ, ինտերտեքստ, պարոդիականություն, ծաղրանմանականություն:

Yu. TYNYANOV’S ARTICLE
“ON PARODY” IN THE CONTEXT OF INTERTEXTUALITY

Summary

The article explores in detail the work of the Soviet Russian writer and literary critic Yu. Tynyanov (1894–1943) “On the parody”, reveals its key points. The authors have drawn parallels between Yu. Tynyanov’s ideas and the theory of intertextuality, which have appeared half a century later, “translating” the terms used by Tynyanov into the language of modern philologists. In this paper the authors have demonstrated the depth of Yu. Tynyanov’s exploration of the phenomenon, which now is called intertextuality. The authors prove that Russian words “parodiynost” and “parodichnost”, the former of which means “function of parody” and the second one – “form of parody” are equivalents to the term “intertextuality”, and the term “parody” itself is equivalent to “metatext”.

Keywords: parody, intertextuality, precedent text, metatext, intertext, function of parody, form of parody.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ШВЕЙЦАРИИ

М.Э. Буюклян

В швейцарском литературноязыковом узусе встречаются лексические единицы, факт употребления которых является дифференциальным признаком швейцарского литературного языка. Это, прежде всего, диалектная алеманская лексика, имеющая четкие соответствия в литературном языке, встречающаяся в швейцарском литературном языке, иногда в виде целых фраз или предложений.

Кроме специфического употребления в швейцарском литературном языке упомянутых в статье слов германского происхождения и полностью отмеченных заимствований, швейцарский литературноязыковой узус характеризуется также своеобразным использованием иноязычных элементов, которые либо полностью сохранились в форме языка-оригинала, либо подверглись частичным изменениям.

Ключевые слова: дифференциальный признак, узус, нормативный, алеманская лексика, коммуникативный, специфика, частотность, местные реалии, лексема, гельвецизмы, исключение, общность, речь, цитата, синоним, исследование, лексический инвентарь.

В швейцарском литературноязыковом узусе встречаются лексические единицы, уже сам факт употребления которых является дифференциальным признаком швейцарского литературного языка.

Это, прежде всего, явно диалектная алеманская лексика, имеющая четкие соответствия в литературном языке (далее – HD) и встречающаяся в швейцарском литературном языке (далее – SHD), иногда в виде целых фраз или предложений:

Wie kann man so sein? Schon mit fünfzehn oder sechzehn Jahren so zurückhaltend, so vorsichtig abwägend und abwartend, so sicher sii, nud rede, ruhig bliibe. Es sind alles Schweizer, die sich ihrem Temperament und ihrer Begabung entsprechend engagieren, aber keiner nu vo wiitem (Schweiz heute, 7–8).

Такие диалектные вкрапления, как отмечает Ш. Кайзер, особенно характерны для местных малотиражных газет. Иногда репортер цитирует диалектное высказывание и сам продолжает на диалекте: “Mer brüchid enand und hälfid enand”, mit dene Worte hed Dr. Tobler gschlosse. Und er hed vollkomme rächt!

(цит. по: Kaiser, 1969, 48). («Мы нуждаемся друг в друге и помогаем друг другу», – этими словами доктор Тоблер закончил. И он совершенно прав!).

От явно диалектной лексики незначительно отличаются некоторые другие лексические единицы SHD, в которых можно легко различить диалектное алеманское происхождение или влияние. Они также имеют четкие общеизвестные лексические соответствия в HD, но, в отличие от явно диалектной лексики, являются составной частью HD и преимущественно зафиксированы в нормативных словарях. Регулярность употребления этих лексических единиц в письменной речи свидетельствует о том, что они принадлежат уже не к диалекту, а к SHD, а сам факт их употребления является его дифференциальным признаком. Вот примеры из нормативного словаря: **äufnen** (schweiz für [einen Geldvorrat] vermehren) | **Äufnung**, die, - (schweiz) (Duden, 34); **träf** (schweiz für treffend); -er, -st (Duden, 479); **urchig** (schweiz für urwüchsig, echt); -er, -ste; vgl. auch urig (Duden, 505); **wäg** (veraltet, aber noch schweiz für tüchtig, gut); -st; die Wägsten und Besten (schweiz für die Tüchtigsten, die Elite) (Duden, 529). Пример из текста: Als wir allein waren, gestand mir Neeracher, er habe das Mädchen als verhudeltes Bettelkind von derStraße aufgelesen und seiner Mutter gebracht (Bestand und Versuch, 101). Ср.: **verhudeln** (schweiz für verlumpen, verkommen) (Duden, 512).

Как видно из примеров, такие лексические единицы SHD можно рассматривать как синонимы к своим общеизвестным соответствиям HD. Это значит, что общеизвестные соответствия могут употребляться и в SHD, в то время как подобные швейцарские литературноязыковые лексические единицы употребляются в других коммуникативных общностях только с намеком на их швейцарскую «природу», то есть как цитация. Некоторые из швейцарских лексем имеют в HD омонимы. Ср., напр., **Spitz,** der, -es, -e (Hund einer fuchsähnl. gedrungenen Rasse; umg für leichter Rausch; schweiz für Spitze)… (Duden, 446), то есть общеизвестное литературное der Spitz обозначает "собаку определенной породы", а der Spitz, употребляемое в SHD, обозначает также "вершину (горы)". Другой пример: **Helge, Helgen** Helling (Dudån, 184,) → **Helling,** die, -, Pl –en bzw … lligen od der, -s, -e, auch Hellge, die, -, -n od Helgen, der, -s, - (niederdt für Schiffbauplatz) (Duden, 185).

Таким образом, в «Дудене» der Helgen зафиксировано в значении «судостроительная площадка» (правда, с отметкой «нижнемецкое»), а его омоним в SHD der Helgen имеет значение «картина, рисунок, фото». Эта лексическая единица SHD-кодифицированной нормой (пока?) не отмечена. Вот примеры, подтверждающие ее принадлежность к SHD: Auf allen Helgen sah man Jubelnde, und heute will es keiner mehr gewesen sein; Inmitten dicker Folianten und staubiger Helgen haust der Staatsarchivar; …oberflächliche Zeitungsleser, die keinenArtikel mehr ohne 'Helgeli' lesen können". (Все три примера цит. по: Kaiser, 1969, 57).

Особое место среди этой лексики занимают слова (главным образом существительные), связанные со спецификой быта, деятельности, общественной жизни швейцарцев, со спецификой природы и климата страны. Эти слова отличаются высокой частотностью, прежде всего, в местной прессе и, в основном, могут передаваться на общепринятом литературном языке только описа-

тельно. Поскольку нормативные словари, как правило, не фиксируют названий местных реалий, неизвестных за пределами определенной коммуникативной общности, и так называемых слов-имен (feste Sachbezeichnungen), являющихся названиями, например, отдельных блюд, сортов вина, сыра и др., то значительное число подобных швейцарских слов в «Дудене» не отмечены. Это, в частности, такие слова, как die Milke – «молоко от телки» (см. Kaiser, 1969, 49) или das Rдf – «ноша, подвязываемая за плечами»; «вид кошелки» (ср. Kaiser, 1969, 64). Например: Wie wenig hatte doch so ein Obstweib, das sein großes, kreisrundes, zweistöckiges Räf balancierte – vielleicht hatte sie es stundenlang hergetragen – mit dem süßen Trachtenbildchen zu tun, das man in den Kramläden bewundern konnte (Bestand und Versuch, 108).

Если в упомянутых значениях названные лексемы все же встречаются в других изданиях «Дудена» (ср. Kaiser, 1969, 49, 64) с отметкой «швейцарское», то совсем не учтены в них типично швейцарские значения этих лексем: die Milke – «молочная, грудная, зобная железа» (Kaiser, 1969, 49) и das Rдf – «(вредная) старая женщина» (Kaiser, 1969, 64).

Примеры лексических гельвецизмов, отмеченных в словаре “Дуден”: **Amman**, Pl …männer (schweiz für Amtmann) (Duden, 17) – собственно, обозначение для швейцарского исполнительного служащего (Beatme) разных рангов; **Finken,** der, -s, - (schweiz für Hausschuh) <lat> (Duden, 138) – то есть: теплые шлепанцы, изготовленные из суконных лоскутов (см. Kaiser, 1969, 53); **Klus**, die, … usen (schweiz für Engpaß, Quertal) <lat> (Duden, 239); **Mulchen,** das, -s, - (schweiz Ertrag an Milch od Milcherzeugnissen) (Duden, 311) – то есть количество надоя и молочных изделий за определенный период; **Zvieri** der od das, -s (schweiz für Nachmittagsimbiss) <, zu vier [Uhr]> (Duden, 557) – то есть полдник, который едят примерно в четыре часа после обеда. К Zvieri приводим примеры из проанализированных текстов: Meine Schwester und ich fahren jede Woche einmal nach Rheinfelden mit dem Schiff. Dort hat es eine feine Patisserieund eine große Gartenwirtschaft. Dort gehen wir hin und nehmen Zvieri (S. h., 125); Wir gehen jede Woche einen Nachmittag auf den Friedhof Hörnli den Blumen Wasser geben, nicht, und dann ist vis-à-vis das Restaurant, wo man das Zvieri nimmt (S. h., 128); Ich hatte immer ein Tellerchen übrig für das Zvieri, und an jenem Tag leckte er den Teller aus (S. h., 129).

От этой группы лексических единиц SHD, фактические употребления которых являются лексическими гельвецизмами, мы хотим отмежевать, с одной стороны, такие многозначные лексические единицы HD, которые последовательно используются в SHD в более узком (то есть специфически швейцарском) значении, например, **Welschland**, das, -[e]s (Italien u. angrenzendes italien. Sprachgebiet; schweiz für französ. Schweiz) (Duden, 535) (подобные употребления называем лексико-семантическими гельвецизмами). С другой стороны, выделяем названия неповторных швейцарских реалий, которые не могут иметь других адекватных соответствий в HD, кроме описаний, и неизбежно – не как цитация – употребляются за пределами швейцарской коммуникативной общности, например: административные названия (Eidgenossenschaft, Kanton), названия национальных видов спорта ((Hosen)-lupf, Schwingen,

Schwingfest), названия денежных единиц (Franken, Rappen) и др. Особые употребления этих слов в SHD относим к лексико-ситуативным гельвецизмам.

Кроме специфического употребления в SHD упомянутых слов германского происхождения и полностью онемеченных заимствований (Lehnwörter), например, из латинского языка, швейцарский литературно-языковой узус характеризуется также своеобразным использованием иноязычных лексических элементов, которые либо полностью сохранились в форме языка-оригинала (fremde Wörter), либо подверглись частичным изменениям (Fremdwörter). В конкретных случаях бывает трудно выяснить принадлежность определенной единицы к одной из трех групп: fremde Wörter, Fremdwörter, Lehnwörter. Нам важно отметить, что эти лексические элементы встречаются в SHD, как правило, и только как исключение – в виде цитаты (часто ссоответствующими объяснениями), могут употребляться согласно кодифицированной норме, то есть в HD, не соотнесенном с конкретной коммуникативной общностью. С другой стороны, все они, как правило, отмечаются в диалектной швейцарской речи, в SHD же как и упомянутые выше элементы германского происхождения, встречается, наряду с такими лексическими элементами, употребление в нормативных словарях и не связывается с какой-то определенной коммуникативной общностью. Ср.: **Autobus**, der, …busses, …busse (Kurzw für Autoomnibus) <grch + lat>; vgl. auch Bus (Duden, 40); **Autocar**, der, -s, -s (schweiz für Gesellschaftskraftwagen) <grch+engl> (Duden, 40).Und vorne bei der Brücke verunglüchten wir beinahe wegen einem Autocar mit vierzig Personen (S. h., 130); Es waren 18 Personen, es war ein langes Break, wie heute ein Bus, es war dreispännig, es war ein Buswagen, wie man jetzt den Autobus hat (S. h., 131).

Rock, der, -[e]s, Pl Röcke (Duden, 394); **Jupe** [ʒy:p], der, -s, -s (schweiz für Frauenrock) (Duden, 218). Und dahinter hingen an langen Stangen die Kleider der Damenbekleidungsabteilung, Röcke, Blusen und Mäntel in allen Farben und Stoffmustern… (S. h., 240); Sie trug eine rote Bluse und einen kurzen Lederjupe (S. h., 241).

Все фактические употребления в SHD лексических единиц германского и иноязычного происхождения, отмеченные в нормативных словарях как «употребляемые в Швейцарии» (schweiz[erisch] für или подобным образом) и/или вообще не зафиксированные, можно считать, на наш взгляд, дифференциальными признаками SHD или лексическими гельвецизмами.

Это означает, что соответствующие лексические единицы употребляются в SHD фактически, а в HD, не связанном с конкретной коммуникативной общностью, – только как исключение (как цитата), причем их фиксированность в нормативном словаре свидетельствует, на наш взгляд, о регулярном употреблении, то есть, что соответствующие лексические единицы встречаются в SHD, как правило. С другой стороны, нельзя считать, что в SHD употребляются только (исключительно) соответствующие лексические единицы, то есть без синонимов из HD, использование которых не связано с конкретной коммуникативной общностью.

Вопрос о том, как соотносятся в SHD фактические употребления – лексические гельвецизмы и фактические употребления – не гельвецизмы, является

отдельным вопросом, который предполагает внутреннее исследование SHD. Например, иллюстрации к употреблению Rock/Jupe предполагают выяснения: имеет ли какое-то значение тот факт, что юбки на вешалках называются Röcke, а модная кожаная юбка на продавщице называется Jupe, важно ли то, что от Rock удобно образуется форма множественного числа Röcke, а от Jupe, относящегося к категории fremde Wörter, ее пришлось бы образовывать с помощью необычного форманта -s, отсутствующего в швейцарских диалектах (ср. Baur, 1974, 38).

Задача состояла, прежде всего, в том, чтобы выяснить, соотносится ли лексический инвентарь SHD с отдельной лексической системой и отдельной ее реализацией. С этой целью проанализированы также случаи, когда лексические единицы в одинаковой мере употребляются в SHD и HD, то есть когда сам факт их употребления не является дифференциальным признаком SHD, а характерным для SHD есть лишь способ их употребления.

---

1. *Baur A.* Schwyzertüütsch: Praktische Sprachlehre des Schweizerdeutsehen. Winterthur: Gemsberg-Verl., 1974.
2. *Kaiser S.* Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in der Schweiz. Mannheim: Duden-Verl., 1969–1970. Bd. 1–2 (Duden-Beitr. Sonderreihe; Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache im Ausland/Hrsg. von H. Moser; H. 30a-30b).
3. *Müller E.E.* Zur Stellung des Schweizerdeutschen im Alemannischen. In: Sprachleben der Schweiz: Sprachwissenschaft, Namenforschung, Volkskunde; Bern: Francke, 1963.
4. *Schwarzenbach R.* DieStellung der Mundart in der deutschsprachigen Schweiz. Frauenfeld: Huber, 1969.
5. *Siebenhaar B., Wyler A.* Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz. Pro Helvetia, Zürich 1997, 1998 (5. Aufl.).

ԳԵՄԱՆԵՐԵՆ ԳՐԱԿԱՆ ԼԵԶՎԻ ԲԱՌԱՊԱՇԱՐԱՅԻՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՇՎԵՅՑԱՐԻԱՅՈՒՄ

Ամփոփում

Շվեյցարիայի գերմաներեն գրական լեզվում հանդիպում են բառապաշարային միավորներ, որոնց օգտագործման փաստը ինքնին արդեն համարվում է գրական լեզվի տարբերակիչ հատկանիշ: Դա նախ և առաջ ալեմանական բարբառային բառապաշարն է, որն ունի հստակ համապատասխանություններ գրական լեզվում և հանդիպում է Շվեյցարիայի գերմաներեն գրական լեզվում երբեմն ամբողջ ֆրազների կամ նախադասությունների տեսքով:

Բացի հիշատակված գերմանական ծագում ունեցող բառերի և լրիվ գերմանացված փոխառությունների (օր. լատիներեն լեզվից) յուրահատուկ կիրառումից, Շվեյցարիայի գերմաներեն գրական լեզվին բնութագրական է նաև օտարալեզու բառապաշարային էլեմենտների օգտագործումը, որոնք կամ լրիվ պահպանվել են օրիգինալ լեզվի ձևով, կամ էլ ենթարկվել են մասնակի փոփոխությունների:

LEXICAL PECULIARITIES OF THE ANNOFATION LITERARY GERMAN LANGUAGE IN SWITZERLAND

Summary

In the German language used in Switzerland there are certain lexical units which in itself is evidence of a distinguishing feature of a literary language.

In is first of all the dialectal vocabulary of alleman which has a definite correspondence whit the literary language and is sometimes met in the Swiss literary language in the form of whole phrases or sentences.

Besides the specific usage of the words of German origin and completely Germanized borrowings in the Swiss language, the Swiss literary usage is also characterized by a peculiar use of foreign lexical elements which are either completely preserved in the form of the original language or have been subjected to partial alterations.

Образование

ԿՐԹԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆ ՃԳՆԱԺԱՄԸ ԵՎ ՀՀ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ԱՐԴԻ ՓՈԽԱԿԵՐՊՈՒՄՆԵՐԸ

Մ.Ս. Մովսիսյան

Հոդվածում ներկայացվում է ՀՀ բարձրագույն կրթական համակարգի փոխակերպումները երկու կրթական ճգնաժամերի՝ ճգնաժամ-1 և ճգնաժամ-2 համատեքստում: Ճգնաժամ-1-ը կրթական համակարգի համաշխարհային ճգնաժամն է, որն առաջացել է այն պատճառով, որ կրթական համակարգը չկարողացավ ադեկվատ արձագանքել XX դարի կեսերին տեղի ունեցած գիտատեխնիկական առաջընթացի կտրուկ արագացմանը, ինչն էլ դարձավ գիտատեխնիկական հեղաշրջման պատճառ: Ճգնաժամ-2, որը բնորոշ է անցումային վիճակում գտնվող որոշ հասարակություններին, օրինակ՝ հետխորհրդային երկրներին, այդ թվում ՀՀ-ին, առաջացել է այն պատճառով, որ այդ երկրներում օբյեկտիվորեն նվազեց պահանջը մեծ քանակությամբ բարձրորակ մասնագետների և անհրաժեշտություն առաջացավ «պարզեցնել» համակարգը: Հեղինակի կարծիքով, բարեփոխումները, որոնք տեղի են ունենում ՀՀ բարձրագույն կրթության համակարգում, հնարավորություն չեն տալիս պայքարել ճգնաժամ-1-ի դեմ, դեռ ավելին, նրանք խորացնում են ճգնաժամ-2-ը, ինչն էլ կարող է լուրջ վտանգ ներկայացնել պետության և ազգի ապագայի համար, քանի որ կարող են բերել համակարգի քայքայմանը: Հեղինակը ամփոփման մեջ, հիմնվելով Ռ. Դարենդորֆի կոնֆլիկտի լուծման տեսության վրա, առաջարկում է ներքին կոնֆլիկտի լուծման համար ապահովել բյուրեղացման գործընթաց, որը հնարավորություն կտա կոնֆլիկտի կողմերին գիտակցել իրենց շահերը, լուծել ներքին կոնֆլիկտը, վերականգնել կրթական համակարգի գործառնության հարմոնիան, ինչպես նաև ինքնառեֆլեքսիայի միջոցով պայքարել ճգնաժամ-2-ի դեմ: Հեղինակը պնդում է, որ բյուրեղացման գործընթացը և ինքնառեֆլեքսիան կնպաստի, որ ազգային կրթական համակարգը զարգանա համաձայն սոցիալական համակարգի դինամիկայի օրենքների և այլ ազգային կրթական համակարգերի հետ միասին պայքարի ճգնաժամ-1-ի դեմ:

Հիմնաբառեր՝ ճգնաժամ, բարձրագույն կրթության համակարգ, նորարարություն, բարեփոխում, փոխակերպում, կրթական նոր պարադիգմա, բյուրեղացում (կրիստալիզացիա):

Հետարդյունաբերական հասարակության ամենաարդիական խնդիրներից մեկը XX դարում առաջ եկած կրթական համաշխարհային ճգնաժամի հաղթահարումն ու XXI դարի կրթական համակարգի համար նոր պարադիգմայի սահմանումն է: Այս համատեքստում մեծ նշանակություն ունի 1998թ.-ին Փարիզում տեղի ունեցած ՅՈՒՆԵՍԿՕ-ի համաշխարհային գիտաժողովը, որտեղ ընդունվեց «Համաշխարհային հռչակագիր բարձրագույն կրթության մասին XXI դարի համար. մոտեցումները և կիրառման միջոցները» [1]:

Հռչակագրի բովանդակության մեջ առկա «նորացում…», «խորքային վերափոխում…», «մինչև այժմ երբեք…» արտահայտությունները, ըստ Ի.Մ. Իլյինսկու, խոսում են այն մասին, որ բարձրագույն կրթության համակարգում անհրաժեշտություն կա իրականացնել հեղափոխություն: Հեղափոխության տակ նա հասկանում է կրթության նոր պարադիգմայի ի հայտ գալն ինքնին [2]:

Կրթական նոր պարադիգման, ըստ Իլյինսկու, ընդհանուր առմամբ իր մեջ պետք է պարունակի նոր հայացք XXI դարի կրթության առաքելության, կրթության առարկայի և նրա հեռահար նպատակների, կրթական մակարդակների, սոցիալ-հումանիտար գիտելիքի դերի, կրթական խնդիրների և այդ խնդիրների լուծման միջոցների վերաբերյալ [2, էջ 227]: Նոր կրթական պարադիգման հանդիսանում է նոր հասարակության հիմքը, իսկ ինչպես նշում է Իլյինսկին. «…«զարգացման կայուն տիպի» նոր հասարակությունը պետք է կառուցի «նոր մարդը» նոր արժեքային համակարգով, նոր բարոյականությամբ: Այսպիսի մարդուն պետք է կրթել: Այսպիսով, փոխվում է կրթության գլոբալ նպատակների նկատմամբ վերաբերմունքը՝ կրթությունը պետք է դիտարկել ոչ թե հետևանք տնտեսական հաջողությունների, այլ այդ հաջողությունների պատճառը, նախահիմքը… այն պետք է կրի առաջնորդող բնույթ և ճանապարհ ստեղծի ապագայի համար…» [2, էջ 5]: Նա նաև նշում է, որ «…տնտեսական մարդն իր տեղը պետք է զիջի մարդկային մարդուն, իսկ «սպառողական հասարակությունը»՝ «հաճույքների քաղաքակրթությանը», «վիրտուալ իրականությունն» ու իռացիոնալության հավաքույթն (шабаш иррациональности) արժեքային տեսանկյունից կողմնորոշված պատմական կամքին, որը կոչված է վերակողմնորոշել այժմյան իրադարձությունների ընթացքը, որպեսզի խուսափի համաշխարհային աղետից» [2, էջ 177]:

Հետևաբար, *նոր պարադիգման իր հետ բերելու է նոր մարդ, նոր հասարակություն, նոր մտածողություն*, հետևաբար նոր հասարակության բուհերի շրջանավարտները, աշխատաշուկա մուտք գործելիս կունենան ոչ միայն բավարար գիտելիքներ, կարողություններ ու հմտություններ, այլև կլինեն *ստեղծագործող, նախաձեռնող ու ակտիվ,* արդյունքում կհաղթա-

հարվի լարվածությունը կրթական համակարգի և աշխատաշուկայի միջև, ինչն էլ կնպաստի, որ հաղթահարվի այսօր առկա կրթական համակարգի համաշխարհային ճգնաժամը:

Ճգնաժամի դեմ պայքարելու ելքը նոր կրթական պարադիգմայի շրջանակներում կրթական համակարգի բովանդակության կատարելագործումն է, ինչն անմիջականորեն ենթադրում է կտրուկ և խորքային փոփոխություն:

Կրթական համակարգի համաշխարհային ճգնաժամն ակնհայտ դարձավ արդեն XX դարի կեսերին: Այդ մասին առաջին անգամ բարձրաձայնեց ամերիկյան հետազոտող, կրթության պլանավորման միջազգային ինստիտուտի տնօրեն Ֆ.Հ. Կումբսը՝ 1967թ.-ին ՅՈՒՆԵՍԿՕ-ի Ուիլյամսբուրգյան գիտաժողովին հանդես գալով «Համաշխարհային կրթական ճգնաժամը» զեկույցով առաջին անգամ բարձրաձայն հայտարարեց, որ առկա է կրթական համակարգի համաշխարհային ճգնաժամ: Այդ ճգնաժամի առաջացման պատճառը Կումբսը տեսնում էր կրթական համակարգի՝ XX դարի գիտատեխնիկական առաջընթացի կտրուկ արագացմանը ոչ ադեկվատ արձագանքման մեջ, ինչն էլ դարձավ գիտատեխնիկական հեղաշրջման պատճառ: Արդյունքում առաջ էր եկել անջրպետ կրթության բովանդակության և գիտատեխնիկական զարգացման միջև, որն էլ գնալով մեծանում է: Այս հանգամանքը, ինչպես նաև այն, որ առաջ էր եկել հասարակության կյանքի պայմանների փոփոխության անհամապատասխանություն ժամանակի հետ հանգեցրել էին բարձրագույն կրթության արժեզրկման [3]: Հետևաբար, կար անհրաժեշտություն իրականացնել կրթական համակարգի բարեփոխում և հաղթահարել առաջ եկած ճգնաժամը:

Հարկ է նշել, որ կրթության բովանդակության և գիտատեխնիկական զարգացման միջև առաջ եկած անջրպետի պատճառն այն էր, որ համաշխարհային երկու հզորագույն կայսրությունները՝ ԱՄՆ-ն ու ԽՍՀՄ-ը, գտնվելով սառը պատերազմի մեջ, ձգտելով հզորանալ և ձեռք բերել առաջնայնություն բոլորի նկատմամբ, օր օրի մեծացնում էին կրթության ծավալները և ներդրումները գիտատեխնիկական ոլորտում: Արդյունքում, տեղի ունեցավ գիտատեխնիկական ոլորտի անսպասելի կտրուկ զարգացում, սակայն կրթական համակարգը չկարողացավ գիտատեխնիկական զարգացմանը համահունչ փոխակերպվել: Եվ առաջ եկած ճգնաժամը, ինչպես նշում է Կումբսը իր «Համաշխարհային կրթական ճգնաժամը – Համակարգային վերլուծություն» գրքում, առկա է բոլոր երկրներում, սակայն «…կախված պայմաններից, որոնք առկա են տարբեր երկրներում, ճգնաժամն արտահայտվում է տարբեր կերպ՝ ուժեղ կամ թույլ: Բայց նրա ներքին էլեմենտները նույն չափով են թափանցում բոլոր երկրներ զարգացած, թե զարգացող, հարուստ, թե աղքատ, հնուց իր կրթահամալիրներով հայտնի,

թե մեծ դժվարություններով այսօր կրթական հաստատություն ստեղծող…» [4]:

Կրթական համակարգի համաշխարհային ճգնաժամի կողքին, որը պայմանականորեն կանվանենք Ճգնաժամ-1, առկա է նաև Ճգնաժամ-2-ը, որը դուրս է կրթական նոր պարադիգմաների ձևավորման անհրաժեշտության տրամաբանությունից: Այն պայմանավորված է տնտեսության հետընթացով, որի արդյունքում երկրի հասարակական համակարգը, գտնվելով խորքային փոփոխությունների փուլում, անցումային վիճակում, քաոսային զարգացման հետևանքով հանգեցնում է առկա կրթական համակարգի քայքայմանը, հետընթացին: Նման ճգնաժամ բնորոշ է հետխորհրդային երկրներին: Ճգնաժամ-2-ը առաջ եկավ Խորհրդային միության փլուզումից հետո, երբ նրա կազմում գտնվող երկրների անկախացումից հետո նրանց նոր իշխանությունների կողմից վարած քաղաքականության արդյունքում քայքայվեց առկա տնտեսական համակարգը՝ փակվեցին գործարանները, հետազոտական ինստիտուտները և այլն, որի արդյունքում, ինչպես նշում է Դ.Բ. Սադակովը, օբյեկտիվորեն զգալի նվազեց (և գնալով նվազում է) կարիքը մեծ քանակությամբ բարձրորակ մասնագետների, ինչն էլ պատճառ հանդիսացավ, որ կրթական համակարգը գնալով պարզեցվի: Այսպիսով, խորհրդային համակարգից ժառանգած հզոր կրթական համակարգը հետխորհրդային երկրներից պահանջում էր մեծ ներդրումներ այն պայմաններում, որ ստացված կադրերի կարիքը չկար: Արդյունքում համակարգի ներսում առաջ եկան հակասություններ, որոնք էլ հանգեցրեց ճգնաժամի: Վերջինս բնորոշ է միայն հետխորհրդային երկրներին [5]: Այսպիսով, իրականում գոյություն ունի երկու տիպի կրթական համակարգի ճգնաժամ: Եվ ՀՀ կրթական համակարգին, որպես հետխորհրդային երկրի, բնորոշ են երկուսն էլ:

ԽՍՀՄ-ի փլուզումից հետո, ՀՀ կրթական համակարգը մուտք գործեց բարեփոխումների անվերջանալի շղթայի մեջ: Փոփոխությունները տեղի են ունենում շատ արագ և իրավիճակային, արդյունքում ուշադրությունից հաճախ դուրս է մնում վերոնշյալ փոփոխությունների հետևանքները հասարակական հետագա զարգացման վրա: Այսպիսով, իրականացվող բարեփոխումներն ընթանում էին ոչ համակարգված ձևով: Մյուս կողմից ԽՍՀՄ-ի փլուզումից հետո, ինչպես շատ հետխորհրդային երկրներում, տեղի ունեցավ խորհրդային միությունից ժառանգած տնտեսության քայքայում: Այդ կապակցությամբ Գ. Պողոսյանը նշում է. «…այժմ պարզ է դառնում, հայկական բարեփոխումների ճարտարապետները չունեին հստակ հիմնական պլան և հատուկ մշակված հասարակության զարգացման ազգային կոնցեպցիա…» [6]:

Այսպիսով, տնտեսական կտրուկ փոփոխություններն անմիջականորեն սկսեցին ազդել երկրի բոլոր ոլորտների՝ մասնավորի կրթական համակարգի վրա: Նվազեց կարիքը մեծ քանակությամբ բարձրորակ մասնագետների, ՀՀ կրթական համակարգը պարզեցվեց և առաջ եկավ կրթական ճգնաժամ-2:

ՀՀ կրթական համակարգի բարեփոխումների հաջողությունների հիմնական խոչընդոտ եղել և մնում է այն, որ դրանք հիմնականում տեղի էին ունենում միջազգային տարբեր կառույցներին, կազմակերպություններին ու գործընթացներին ինտեգրման համատեքստում: Իսկ ինտեգրացիոն գործընթացները տեղի են ունենում շատ արագ, և պետական կառույցները ստիպված են արագ արձագանքել և անցկացնել համապատասխան փոփոխությունները պետական կրթական համակարգում, որպեսզի համապատասխանեն եվրոպական չափանիշներին և մոդելներին: Նրա համար, որպեսզի վերլուծվեն ընդունվող որոշումները և դուրս բերվեն դրանից բխող հնարավոր հետևանքները, նրանց չի բավականացնում ոչ ժամանակը, ոչ էլ փորձը: Արդյունքում պետությունը, նպատակ ունենալով հաղթահարել ճգնաժամ-1-ը, իրականում խորացնում է ճգնաժամ-2-ը, քանի որ հաճախ ընտրում է ոչ այն, ինչը բխում է իր երկրի պահանջներից, մշակույթի առանձնահատկություններից և կրթական սովորույթներից, այլ այն ինչ «թելադրվում է կա՛մ Բոլոնյան պայմանագրի գործընթացով», կա՛մ այլ արտաքին գործոնով, իսկ որոշ փոփոխություններ արվում են հասարակության համար, որ նրանք արագ և հեշտ հարմարվեն նոր իրականությանը: Շատ տեղին է Բողրովայի և Նիկիտինայի այն նկատառումը, որ «…կրթական քաղաքականության արդյունքները, նորարարությունների ներդրումը հաճախ զգացնել են տալիս 10–15 տարի հետո: Դրանից էլ օգտվում են կրթության որոշ բարեփոխողներ և «նորարարներ», շատ լավ հասկանալով, որ իրենք դժվար պատասխան տան այդ չմտածված փորձի համար» [7]:

Իրականացվող բարեփոխումների շրջանակներում ՀՀ-ում բարձրագույն ուսումնական հաստատությունները ձեռք բերեցին ինքնավարություն, սակայն մինչ օրս համալսարանների մեծ մասը բարեփոխումներն անում են ոչ թե իրենց կարիքներից և խնդիրներից ելնելով, այլ նախարարության կողմից «պարտադրվող» ծրագրերի շրջանակում, որը բխում է, որևէ միջազգային ծրագրից և/կամ պայմանագրից, հիմնականում պայմանավորված է Բոլոնիայի գործընթացի որևէ կետն իրականության կոչելու անհրաժեշտությունից: Առաջանում է հակասություն. համալսարնները դառնալով ինքնուրույն միավորներ չեն կարողանում դրսևորել իրենց ինքնուրույնությունը, առաջ են գնում իրավիճակային լուծումներով, որպեսզի հասնեն իրենցից պահանջվող միանման չափանիշների: Ժամանակի ընթացքում փոխում են ամբողջ կրթական համակարգն առանց վերլուծության, երբեմն

գերագնահատելով պահանջվող փոփոխության կարևորությունը: Շարժվում են «ասված է, պետք է իրականացվի» սկզբունքով:

Իսկ ինչ վերաբերում է բուհերի ինստիտուցիոնալ ինքնավարության հարցի իրավական կողմին, ապա Կրթության մասին օրենքի 28 հոդվածը (ընդունված 14.04.1999թ.) և Բարձրագույն և հետբուհական մասնագիտության կրթության օրենքի 6-րդ և 15-րդ հոդվածները (ընդունված 14.12.2004թ.) «բուհերի համար նախատեսում են ինստիտուցիոնալ ինքնավարություն, սակայն այլ հակասական օրենքները թույլ են տալիս ԿԳՆ-ին միջամտել նրանց գործերին» [8]: Այսպիսով, չնայած ՀՀ պետական բուհերին 2002թ.-ից շնորհվել է ինքնավարություն, սակայն նրանք պետական ուսումնական հաստատություններից վերածվելով Պետական ոչ առևտրային կազմակերպությունների (ՊՈԱԿ) սկսեցին ենթարկվել 2001թ.-ին ընդունված ՊՈԱԿ-ի մասին օրենքին, որը հակասում է կրթությանը վերաբերվող օրենքներին և ժխտում է ինքնավարությունը և ինքնակառավարման սկզբունքները: «Նշված օրենքներում ամենախնդրահարույց հակասությունն այն է, որ ըստ կրթության մասին օրենքների բուհերն առանձին առանձին իրավաբանական անձիք են և ոչ ԿԳՆ-ն, և ոչ էլ հիմնադիրը (կառավարությունը) չեն կարող խոչընդոտել նրանց ինքնավարությանը, մինչդեռ, համաձայն ՊՈԱԿ-ի[1] օրենքի՝ հիմնադիրը կարող է ՊՈԱԿ-ի գործունեության և կառավարման վերաբերյալ կայացնել ցանկացած վերջնական որոշում (Մաս 1, հոդված 13)»[2]:

Դեռ ավելին, պետական կառավարման մարմինների մասին 2001թ.-ի օրենքը, որը սահմանում է գրեթե բոլոր պետական մարմինների, այդ թվում պետական բուհերի, հիմնական գործունեության շրջանակները և կառավարությանը՝ որպես պետական բուհերի հիմնադրի, լիազորում է պետական բուհերի վերաբերյալ կայացնել ցանկացած որոշում: Այսպիսով, այս օրենքը նույնպես հակասում է կրթության մասին օրենքներին, ինչպես նաև 2005թ.-ին ընդունված Սահմանադրության փոփոխություններին: Նույն հակասություններն առկա է նաև 2002թ.-ին ընդունած ԿԳՆ-ի կանոնադրության մեջ, որի համաձայն պետական բուհերը գտնվում են ԿԳՆ-ի ենթակայության տակ[3]:

[1] Հարկ ենք համարում նշել նաև, որ այս օրենքը համապատասխանեցված է 1995թ.-ի Սահմանադրությանը և այժմ հակասության մեջ է 2005թ.-ին ընդունված Սահմանադրության փոփոխություններին, ըստ որի «պետական մարմինները և պաշտոնական անձինք իրավասու են իրականացնել միայն Սահմանադրությամբ կամ Օրենքներով լիազորված գործառույթներ» (Հաղված 5 մաս 2), էջ 9:

[2] Նույն տեղում:

[3] Նույն տեղում:

Իրականում կրթության ոլորտի այսօր առկա խնդիրները չեն սահմանափակվում օրենսդրական անհամապատասխանություններով: Դրանցից են՝ բարձրագույն կրթության ֆինանսավորումը, բուհերի ինստիտուցիոնալ կարողությունների թույլ լինելը, կրթական հաստատություններում մատուցվող կրթության որակը, բուհերի տեխնիկապես թույլ լինելը, որն անմիջականորեն պայմանավորված է ֆինանսների բացակայությամբ և անմիջականորեն ազդում է կրթության որակի վրա, գիտության և կրթության թույլ կապը, կրթության և գործատուների միջև թույլ կապը, կրթական համակարգին հաճախ վերևից ներքև պարտադրվող արհեստածին բարեփոխումները, որոնք գուցե արժեքավոր են, սակայն չեն բխում կրթական համակարգի արդի կարիքներից և ժամանակավրեպ են, որի արդյունքում բարեփոխումների իրականացումը կրում է ձևական բնույթ համակարգի ներսում, սակայն փաստաթղթային առումով՝ հաջողված է:

2013թ.-ին Համաշխարհային բանկի և ԵԱՀԿ ՀՀ ԿԳՆ-ի հետ համատեղ կազմակերպած միջոցառումներին [9] ԿԳՆ փոխնախարար Կ. Հարությունյանը, ներկայացնելով «Բարձրագույն կրթության զարգացման միտումներ ՀՀ-ում» զեկույցը նշեց, որ 2012թ. Բուխարեստի նախարարական համաժողովին ԵԲԿՏ-ի 47 երկրների նախարարները և Եվրոպական կազմակերպությունների ներկայացուցիչները համատեղ Հայաստանն ընտրեցին որպես հաջորդ՝ 2015թ.-ի, նախարարական համաժողովը հյուրընկալող երկիր: Եվ 2012 թվականի հուլիսի 1-ից Հայաստանը ստանձնել է Բոլոնիայի քարտուղարությունը 3 տարի ժամկետով: Վերոնշյալ փաստը պայմանավորելով ՀՀ-ի Բոլոնյայի գործընթացի իրականացման ուղղությամբ ունեցած ձեռքբերումներով [10]: Սակայն այն հարցին, թե որքանով են այդ առաջընթացը զգալի և արդյունավետ ՀՀ պրոֆեսորադասախոսական կազմի և ուսանողների համար, որքանով են դրանք նպաստել, որ ՀՀ բուհերի շրջանավարտների հմտությունները, կարողություններն ու գիտելիքները բավարարեն այսօրվա աշխատաշուկային, ոչ մի տեղեկություն չտրամադրվեց: Դրան զուգահեռ առկա է Հայաստանի բարձրագույն կրթության բարեփոխումների առկա վիճակը և հեռանկարները Բոլոնիայի գործընթացի համատեքստում զեկույցը [11], որը հնարավորություն է տալիս ռեալ գնահատել ՀՀ պետական բուհերում Բոլոնիայի գործընթացի՝ մասնավորապես որակի ներքին ապահովման համակարգի, կրեդիտային համակարգի, որակավորումների եռաստիճան համակարգի, ծրագրային ռեֆորմի, շրջանավարտների զբաղվածության, ակադեմիական շարժունության, ուսման արդյունքների ճանաչման և դիպլոմի հավելվածի իրականացմանը: Վերոնշյալ ուսումնասիրության եզրակացություններում հիմնականում հնչում է «բուհերը չունեն…», «ընդգրկված չեն…», «ձևական առումով ներդրված է…», «չի գործում» և այլ բացասական գնահատականներ, որոնք խոսում են այն

մասին, որ բարեփոխումը հաջող իրականացված է միայն թղթի վրա: Իսկ կրթական համակարգում այն առաջ է բերել քաոս և խանգարում է համակարգի ներքին գործառնությանը, ինչը պայմանավորված է նախ այն հանգամանքով, որ բարեփոխումը համակարգի պահանջներից չի բխել, չի գնահատվել համակարգի կարիքները, հնարավորությունները: **Նորարարությունը ոչ թե կատարվում է հնի հենքի վրա՝ համակարգի բարելավման նպատակով, այլ նորը ներխուժում է հին համակարգ՝ հաճախ առաջ բերելով քաոս, նույն համակարգի մեջ սկսում են գործել իրարամերժ երկու մոտեցումներ, գործընթացներ և այլն:**

Կրթական համակարգը՝ որպես հիմնարար արժեքներ փոխանցող և ազգային հարատևումն ապահովող համակարգ, հանդես է գալիս որպես **հասարակական միջավայրը զարգացնող և փոփոխող մեխանիզմ:** Հետևաբար, համակարգում իրականացվող նորարարությունները չպետք է տեղի ունենան այլ երկրներում առկա մեխանիզմների արտատպման եղանակով, այլ դրանք պետք է տեղայնացվեն, այսինքն՝ փոխակերպվեն ու հարմարացվեն տվյալ երկրի ավանդույթներին, պատմությանը, անհրաժեշտ է իրականացնել միավորում հին, ավանդական համակարգի և նորարարությունների, ինչպես տեղի է ունեցել Սինգապուրում, Ճապոնիայում [12]: Այսպիսով, կրթական համակարգի բարեփոխումներում **ավանդույթի և նորարարության ճշգրիտ համադրությունն այսօր ամենաարդիական և կարևորագույն հիմնախնդիրներից է:** Վերջիններիս ճիշտ համադրությունը հանդիսանում է յուրահատուկ մեխանիզմ զարգացնել ինքնին զարգացման և փոփոխման մեխանիզմը, այն նաև մեխանիզմ է, որը **հնարավորություն է տալիս մշակել, ձևավորել հասարակական զարգացման արդյունավետ մոդել:**

Մեր կարծիքով, յուրաքանչյուր հասարակության բարեփոխողները.

- պետք է հստակ ուրվագծեն հասարակության տվյալ ոլորտում ազգային առանձնահատկությունները,
- զարգացման հեռանկարները,
- որոշեն թույլատրելի փոփոխության աստիճանը,
- առանձնացնեն, թե տվյալ համակարգում, կոնկրետ որ տիրույթում է թույլատրելի կատարել փոփոխություն և ինչպիսին պետք է լինի այդ փոփոխությունը, որպեսզի համակարգը դրական զարգացում ապրի և ստացված մոդելի գործառնության արդյունքում բավարարվի հասարակության անդամների պահանջմունքները:

Նորարարության և ավանդույթի համադրման սկզբունքը հանդիսանում է անցումային փուլում փոխակերպման արդյունավետությունն ապահովող մեխանիզմ, որը նաև նպաստում է նոր արժեքներին ավելի արագ յուրացվելուն և ընդունվելուն հասարակության անդամների կողմից,

հետևաբար՝ **սոցիալական լեգիտիմացմանը: Իսկ նորարարության հետագա գործառնությունը և ավանդույթի վերածման գործընթացն անմիջականորեն պայմանավորված է նրա օգտակարության գործակցի հետ սոցիալական այն միջավայրի համար, որի զարգացման համար այն առաջացել է:**

Նորարարությունը կազմում է սոցիալական համակարգի զարգացման հիմքն ու նախապայմանը, որպեսզի **այն լեգիտիմացվի, պետք է բխի հասարակական պահանջմունքներից, հակառակ պարագայում այն երբեք չի յուրացվի և տարածվի, առավել ևս, չի ինտեգրվի մշակույթի մեջ:** Հիմնականում նորարարությունները հասարակության կողմից ընկալվում են սուր ձևով և բողոք է առաջ գալիս, սակայն հետագայում, եթե այդ փոփոխությունը սկսում է բավարարել հասարակական պահանջմունքները, տեղի են ունենում բարդույթների, սովորույթի և սոցիալական իներցիայի հաղթահարում և այդ նորարարությունն ինտեգրվում է տվյալ հասարակության մշակույթի մեջ՝ դառնալով նրա մի մասը:

ՀՀ կրթական համակարգի բարեփոխումների ժամանակ մեծ ուշադրություն չի արժանացել տեղայնացման խնդիրը, չի պահպանվել ավանդույթի և նորարաության համադրման սկզբունքը, որի հետևանքով բարեփոխումների արդյունքները ոչ միայն չեն նպաստում համակարգի կողմից իր առջև ծառացած մարտահրավերների՝ ճգնաժամ-1-ի և ճգնաժամ-2-ի հաղթահարմանը, այլև ավելի են խորացնում առկա խնդիրները: Ժամանակն է, որ ՀՀ բարձրագույն կրթության բարեփոխողները գիտակցեն, որ մինչ օրս իրականացվող կրթական նորարարությունները կարող են բերել համակարգի քայքայմանը, ինչն էլ իր հերթին կարող է լուրջ վտանգ հանդիսանալ պետության և ազգի ապագայի համար:

Ամփոփելով վերոնշյալը կարելի է պնդել, որ ՀՀ կրթական համակարգի շահագրգիռ կողմերի մոտ առկա է դերային կոնֆլիկտ: Պետությունը, որպես շահագրգիռ կողմ ակնկալում է որակյալ մասնագետների պատրաստում, սակայն իր գործունեությամբ այն չի նպաստում իր նպատակի իրականացմանը: Բուհը պետք է ձգտի պատրաստել բարձրորակ մասնագետներ, սակայն բուհը զբաղված է գոյատևման պայքարով, ուսանողը, որը պետք է լինի մոտիվացված և շահագրգիռ մասնակիցը կրթական գործընթացի, հիմնականում անտարբեր է: Չնայած նրան, որ առկա է կոնֆլիկտ, և շահագրգիռ կողմերը դժգոհ են առկա վիճակից, այնուամենայնիվ կողմերից յուրաքանչյուրը ցուցաբերում է հարմարվողականություն: Բոլորը խուսափում են կոնֆլիկտի գիտակցումից՝ ցուցաբերելով կոնֆորմիստական մոտեցում հարցին: Արդյունքում կրթական համակարգն իր ներսում ապրում է հետընթաց (ճգնաժամ-2), իսկ արտաքնապես այն ձգտում է դինամիկա ապահովել ինտեգրացիոն գործընթացների համատեքստում, ինչը թվացյալ

է և, ինչպես վերլուծությունն ի ցույց դրեց, չի կարող ապահովել իրական զարգացում և ճգնաժամ-1-ի հաղթահարում:

Մեր կարծիքով, որպեսզի ՀՀ ազգային կրթական համակարգը զարգանա համաձայն հասարակական զարգացման ստատիստիկայի և դինամիկայի օրենքների, նախ և առաջ անհրաժեշտ է կրիստալիզացիայի ենթարկել (կոնֆլիկտի լուծման երկրորդ փուլ, որտեղ ըստ Ռ. Դարենդորֆի ընկալվում են կոնֆլիկտի կողմերի իրական շահերը [13]) ազգային կրթական համակարգը, որպեսզի շահագրգիռ կողմերը հնարավորություն ունենան գիտակցել իրենց ներսում առկա կոնֆլիկտը, կայունացնեն համակարգի ներքին գործառնությունը, այսինքն՝ վերացնեն դերային շեղումը, հաղթահարելով ներհամակարգային կոնֆլիկտը, հաստատեն ստատիկայի կանոններ և վերականգնեն հարմոնիան համակարգի ներսում՝ ապահովելով համակարգի արդյունավետ գործառնությունը: Վերջինս կհանդիսանա ճգնաժամ-2-ի հաղթահարման ելք:

Կրիստալիզացման գործընթացը նաև հնարավորություն կտա մասամբ փակվել արտաքին ինտեգրացիոն գործընթացներից ինքնառեֆլեքսիայի ենթարկվելու նպատակով՝ չդառնալով փակ համակարգ: Իսկ ինքնառեֆլեքսիան և ներհամակարգային կոնֆլիկտի հաղթահարումը հնարավորություն կտան արտաքին ինտեգրացիոն գործընթացների ազդակների հիման վրա զարգացնել կրթական համակարգը՝ հասարակական զարգացման դինամիկայի օրենքների համաձայն, ինչը հնարավորություն կտա հաղթահարել ճգնաժամ-1:

---

1. «Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры » // Всемирная конференция «Организации объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)». «Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры» 9 октября 1998г., г. Париж // http://www.anoitt.ru/students/deklaracia.php
2. *Ильинский И.М.* Образовательная революция. М., 2002. СС. 223–225.
3. *Philip H. Coombs.* The World Educational Crisis-a System Analyze, Oxford University Press, 1968. PP. 56–112.
4. *Кумбс Г.Ф.* Кризис образования в современном мире: Системный анализ / Пер. с англ. С.Л. Володиной, А.В. Кузнецова, С.П. Романовой. Под ред. Г.Е. Скорова. М., 1970. С. 10.
5. *Сандаков Д.Б.* Разрушение образования: кризис или антикризисная программа? // http://www.obrazovanie.by/sandakov/krizis-ili-ne-krizis.html
6. *Погосян Г.А.* Социальные трансформации в Армении // Социологические исследования, № 12, 2005. СС. 77–86.
7. *Бодрова Е.В., Никитина С.Б.* Кризис системы образования. Поиск новой парадигмы образования на рубеже XX–XXI веков. С. 6. // http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Bodrova&Nikitina.pdf

8. Addressing Governance at the Center of Higher Education Reforms in Armenia, World Bank, January, Yerevan, 2013. P. 24 // http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2013/05/23/000442464_20130523175510/Rendered/PDF/776690WP0P127300governance000final.pdf
9. Բարձրագույն կրթության բարեփոխումները, գիտաժողով, Համաշխարհային բանկը՝ ՀՀ Կրթության և գիտության նախարարության հետ համատեղ, մայիսի 7, Եր., 2013: Հայաստանում բարձրագույն կրթության կարիքներն ու մարտահրավերները, Սեմինար-քննարկում, ԵԱՀԿ Երևանի գրասենյակ՝ ՀՀ Կրթության և գիտության նախարարության հետ համատեղ, 24–25 հունիսի, Եր., 2013:
10. The European Higher Education Area in 2012. Bologna Process Implementation Report // http://www.bmwf.gv.at/fileadmin/user_upload/europa/bologna/ministerinnenkonferenz/The_European_Higher_Education_Area_in_2012-Bologna_Process_Implementation_Report_FINAL.pdf
11. Հայաստանի բարձրագույն կրթության բարեփոխումների առկա վիճակը և հեռանկարները՝ Բոլոնիայի գործընթացի համատեքստում, զեկույց, Բարձրագույն կրթության ռազմավարական հետազոտությունների ազգային կենտրոն, Եր., 2012 // http://edu.am/index.php?id=-5215&topMenu=17&menu1=-1&menu2=17&arch=0
12. *Аветисян П.С.* Проблема сочетания традиции и инновации в процессе модернизации в сфере высшего образования в странах постсоветского пространства. К постаноске проблемы. Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки) № 1 (10). Ер., 2012. СС. 100–104.
13. *Аветисян П.С., Айрапетян А.Г.* Образование в свете политики государственного строительства (state-building): к постановке проблемы сочетания традиций и инноваций в процессе модернизации. Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки), № 2 (13). Ер., 2012. СС. 20–28.

ВСЕМИРНЫЙ КРИЗИС ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РА

Аннотация

В статье рассматривается трансформация высшей системы образования РА в контексте двух образовательных кризисов: кризис-1 и кризис-2. Кризис-1 – это кризис всемирной образовательной системы, сущность которого сводилась к тому, что система образования не смогла адекватно отреагировать на резкое ускорение научно-технического прогресса с середины XX века, которое стало результатом научно-технической революции. А также кризис-2, который присущ только постсоветским странам. Последний был вызван тем, что в постсоветских странах, в частности в РА, объективно уменьшилась потребность в большом количестве высококвалифицированных кадров и пришлось «упростить» образовательную систему. По мнению автора, реформы, которые сегодня имеют место в высшей образовательной системе РА, не позволяют бороться с кризисом-1, даже более, они углубляют кризис-2, т.е. могут разрушить систему и представить собой серьезную опасность для будущего страны и нации. Автор в заключении, ссылаясь на теорию разрешения конфликта Р. Дарендорфа, предлагает для разрешения внутреннего конфликта создать условия для процесса кристаллизации, который даст возможность не только осознать латентные интересы участников, разрешить внутренний конфликт, восстановить гармонию

функционирования системы образования, но и с помощью саморефлексии бороться с кризисом-2. Автор утверждает, что процесс кристаллизации и саморефлексии поможет национальной образовательной системе развиваться согласно законам социальной динамики и вместе с другими образовательными системами бороться с кризисом-1.

Ключевые слова: кризис, высшая образовательная система, новация, реформа, трансформация, новая образовательная парадигма, кристаллизация.

THE WORLD EDUCATIONAL CRISIS AND MODERN TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATIONAL SYSTEM OF RA

Summary

In the article the issues of the transformation of higher education system of RA in the context of two educational crises (crisis-1 and crisis-2) are addressed. Crisis-1 is the world educational system crisis, the essence of which was to ensure that the education system couldn't have responded adequately to the rapid acceleration of technological progress since the mid twentieth century, which was the result of scientific and technological revolution. Crisis-2, which is unique for post-Soviet countries, was due to the fact that in post Soviet Union countries, particularly in RA, the need for a large number of highly qualified personnel has been objectively reduced and educational system of countries has to be “simplified”. According to the author, the reforms, which have been taking place in the higher education system of RA, don’t allow to deal with the crisis-1, even more they deepen the crisis-2 and can destroy the system. The modern reforms can represent a serious threat to the future of the country and the nation. In her conclusion the author, referring to the theory of conflict resolution Ralf Dahrendorf, proposes to create conditions for the process of freezing for resolving of the internal conflict. The process of freezing provide an opportunity not only to realize the latent interests of conflict's participants, resolve internal conflict and restore harmony in the education system, but at the same time with a process of self-reflection deal with the crisis-2. The author argues that the processes of freezing and self-reflection allow to the national education system together with other national education systems to deal with crisis-1, too.

Keywords: crises, higher education system, innovation, reform, transformation, new educational paradigm, process of freezing.

ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ АРМЯНО-ТУРЕЦКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

С.В. Чалабян

Статья посвящена изучению основных проблем в двусторонних отношениях между Арменией и Турцией, выявлению причин их охлаждения и необходимых условий урегулирования. В статье обосновывается важность преодоления существующих исторических противоречий с целью установления добрососедских экономических, политических и дипломатических отношений, что имеет важное значение также для регионального развития в целом.

Ключевые слова: армяно-турецкие отношения, армянский вопрос, армяно-турецкие протоколы, урегулирование карабахского конфликта, региональное развитие.

Отношения между Арменией и Турцией имеют фундаментальное значение в контексте будущего политического и экономического устройства региона «Южный Кавказ». Напряженность, которая сохраняется в армяно-турецких отношениях порождает вызовы не только интересам национальной безопасности Армении и Турции, но и региональной стабильности в целом. Кроме того, решение армяно-турецкой проблемы является неотложным требованием современных региональных геополитических реалий. Безусловно, в данном процессе не обойтись без помощи ведущих государств мира, которые стремятся создать здесь безопасные условия существования, исходя из собственных внешнеполитических интересов.

Первопричиной сложных взаимоотношений между Арменией и Турцией являются события первой четверти XX века. Как известно, Геноцид армян был организован и осуществлен в 1915 году на территории Западной Армении, находящейся под контролем властей Османской империи, что продолжалось с 1915 по 1918гг. Однако армянские погромы и локальные этнические чистки имели место до 1923г.

Удивительно, что после трагических событий первой четверти XXв. Турция и ее официальная историография страны не признают преднамеренность уничтожения армянского населения в Османской империи. Кроме непризнания Турцией факта Геноцида армян, охлаждению двухсторонних отношений способствует также ряд других факторов – таких, как: 1) отсутствие дипломатических отношений между странами; 2) полностью закрытая армяно-турецкая граница; 3)

продолжение деятельности армянской диаспоры и Армении по поводу признания геноцида в различных странах мира; 4) поддержка Турцией Азербайджана в Карабахском конфликте; 6) отсутствие экономических связей между странами.

Однако следует отметить, что внешнеполитические интересы как Турции, так и Армении, требуют разрешения «Армянского вопроса». Обе стороны осознают зависимость от исторических событий, которые не только мешают установлению двусторонних отношений, но и создают безвыходную ситуацию для большего круга субъектов. Конечно, всеобъемлющее справедливое урегулирование данной проблемы во многом зависит от политики ведущих стран мира, которые имеют собственные интересы в данном регионе. В частности, Запад после распада СССР определил новую геополитическую роль Турции, «рассматривая ее как проводника своих геополитических интересов в региональной политике» [2, с. 6].

Несмотря на всю важность преодоления существующих противоречий между Арменией и Турцией, все попытки урегулирования отношений между странами не привели ни к каким результатам, а, начиная уже с 1992 года, в связи с эскалацией конфликта в Нагорном Карабахе, процесс урегулирования противоречий между Арменией и Турцией все более усложнился. После карабахской войны определяющим фактором развития турецко-армянских отношений стало условие признание территориальной целостности Азербайджана со стороны Армении.

Самым важным шагом в деле урегулировании двусторонних отношений следует считать подписание в Цюрихе 10 октября 2009 года главами МИД Армении и Турции Эдвардом Налбандяном и Ахметом Давутоглу «Протокола об установлении дипломатических отношений» и «Протокола о развитии двусторонних отношений». Процесс нормализации двусторонних отношений между странами начался по инициативе президента Армении Сержа Саркисяна.

Еще 9 июля 2008 года, до того как пригласить президента Турции Абдуллу Гюля на футбольный матч в Ереван, в авторитетном “Wall Street Journal” в разделе “Opinions” появилась статья Сержа Саркисяна под названием “We are ready to talk to Turkey” («Мы готовы говорить с Турцией») [9], в которой он пишет, что «проблемы новых независимых государств, которые пытаются строить новый демократический уклад жизни, не закончились с распадом Советского Союза. Армения, расположенная между Турцией, Россией, Ираном и энергетически богатым Каспийским регионом, представляет из себя яркий пример такого рода. Потенциал мирного развития независимой Армении не был реализован наилучшим образом. Во время Нагорно-Карабахского конфликта Турция закрыла свою границу с Арменией, как проявление этнической солидарности. Прискорбным результатом этого стало то, что почти 15 лет геополитически важная граница между Арменией и Турцией превратилась в барьер для дипломатического и экономического сотрудничества». Дальше, в своей речи он отмечает, что такие стратегические проекты, как нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, железная дорога Баку-Тбилиси-Карс, осуществляются в обход Армении, в то время как существующая железная дорога между Арменией и Турцией остается закрытой. Не только армяне и турки страдают от этих неестественных ограничений торговли, прогресса и международного сотрудничества, но и все страны региона, а также

более обширное сообщество Европейского союза. И теперь, по словам президента, пришло время для новых усилий, чтобы преодолеть преграду. Воспользуясь этой возможностью, он предлагает новое начало, новую фазу переговоров с правительством и народом Турции с целью нормализации отношений и открытия общей границы.

Эта инициатива армянского президента вызвала неоднозначную реакцию как внутри страны, так и за ее пределами. Например, второй президент Республики Армении Роберт Кочарян заявил, что в его президентский срок «...уж точно президент Турции не был бы приглашен на футбольный матч в Ереван» [5].

В Азербайджане же многие политологи полагали, что визит турецкого президента в Армению невозможен, поскольку армяно-турецкие отношения этому не благоприятствовали. В Баку также считали, что фактор азербайджано-турецкой солидарности также сработает, а поэтому до того, пока Ереван не пойдет на уступки Баку по Нагорному Карабаху, глава турецкого государства не появится в Армении. Однако эти ожидания Азербайджана не оправдались.

Начатая президентом Армении «футбольная дипломатия» привела к ощутимым результатам в деле урегулирования и установления армяно-турецких отношений, а именно – к подписанию Цюрихских протоколов.

После подписания Протоколов США, в лице Хилари Клинтон, многие выразили свою готовность всячески поддерживать процесс нормализации армяно-турецких отношений. Предсказуемо теплой оказалась и реакция Российской Федерации в лице главы МИД-а Сергея Лаврова, присутствовавшего на заседании: «Россия поздравляет примирение Турции и Армении, двух дружественных России стран» [3].

Каждая из сторон, подписывая эти Протоколы, преследовала свои цели и исходила из своих личных интересов. Ереван рассматривал протоколы как способ прекращения блокады со стороны Турции, что позволило бы развивать экономику страны, увеличить экспорт, в частности, поставки электроэнергии в Турцию. Пропуская в тексте Протоколов вопрос о переговорах с Азербайджаном по Карабахскому конфликту, Ереван надеялся, что подписание этих протоколов придаст новую динамику и чувство неотложности Минской группе ОБСЕ, а историческая комиссия докажет действительность Геноцида, способствуя его международному признанию.

Анкара, со своей стороны, рассматривала Протоколы как способ замедления международных попыток признания Геноцида армян, и, в отличие от Еревана, надеялась, что историческая комиссия опровергнет тот факт, что события начала XX века были геноцидом. Турция также ожидала, что Протоколы будут стимулировать процесс возврата освобожденных территорий Азербайджану и, таким образом, приведут к урегулированию Карабахского конфликта, кроме этого, урегулирование отношений с Арменией будет способствовать также укреплению позиции Турции во взаимоотношениях с ЕС.

Для Азербайджана же армяно-турецкие протоколы стали еще одной трагической главой в своей истории. Власти этой страны полагали, что Турция пошла на этот шаг для облегчения своего вступления в Евросоюз, пренебрегая интересами Азербайджана в отношении Карабахского конфликта. Президент Азер-

байджана Ильхам Алиев осудил Протоколы. В знак протеста азербайджанцы сняли турецкий флаг с общественных мест, запретили азербайджанским телеканалам транслировать турецкие фильмы и песни, а в Баку закрыли некоторые мечети, которые финансировались Турцией. Кроме этого, Азербайджан сделал ряд заявлений о пересмотре энергетической политики в отношении Турции, которая получает из Азербайджана газ и нефть. Алиев угрожал прекратить поставки газа в Турцию и искать альтернативные пути через Россию, Грузию или Иран. Через четыре дня после подписания Протоколов Азербайджан согласился ежегодно продать России 500 млн. кубометров газа, начиная с 2010 года. Вопреки стремлениям Европы диверсифицировать поставки энергоресурсов, Азербайджан заявил о своей поддержке российского энергетического проекта «Южный Поток» и, в качестве препятствия проекту «Набукко», отложил разработку месторождения Шахдениз до 2017 года. Помимо этого, Азербайджан поднял цены на газ, поставляемый в Турцию. По этому поводу Эрдоган сказал, что Азербайджан и Турция разделяют долгую историю сотрудничества в секторе газа и, что по условиям контракта, цена газа может периодически пересматриваться в соответствии с изменениями цен на нефть. При этом, он особо подчеркнул, что никакой связи этого вопроса с возможными геополитическими изменениями в регионе не может быть. Алиев предупредил, что открытая граница устранит азербайджанский рычаг воздействия и сделает разрешение нагорно-карабахского конфликта невозможным [8, сс. 61–62].

Однако, по мнению Турции, никакого предательства интересов не было. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган в Баку заявил о том, что Турция не откроет границ с Арменией до разрешения Карабахского конфликта. Он также отметил, что «Карабахский конфликт и оккупация азербайджанских территорий – причина, а закрытие границ Турции с Арменией – следствие. Пока не будет ликвидирована причина, последствия не будут устранены» [7].

Именно этим обусловлен тот факт, что Турция до сих пор не ратифицировала Протоколы. Армения, со своей стороны, также не спешила с ратификацией протоколов. 22 апреля 2010 года президент Армении заявил, что наша страна приняла решение пока не выходить из процесса нормализации армяно-турецких отношений, а только приостановить процесс ратификации Протоколов. Этот шаг он объяснил тем, что Турция не готова продолжать диалог на основе достигнутых ранее договоренностей, в то время как Армения показала всему миру свою «решительность в этом вопросе». Процесс ратификации Протоколов завела в тупик именно политика Анкары, которая начала прямо увязывать вопрос налаживания отношений без предварительных условий с урегулированием конфликта в Нагорном Карабахе и с требованием к Армении прекратить усилия по международному признанию Геноцида армян в Османской Турции в начале XX века [1].

Таким образом, если Республика Армения всегда была согласна установить с Турцией дипломатические и экономические отношения без всяких предусловий, то последняя заявляла, что готова открыть границу с Арменией лишь в том случае, если Ереван прекратит процесс преследования международного признания Геноцида армян и согласится принять такой вариант урегулирования карабахской проблемы, который будет соответствовать интересам Азербайджана.

Касательно первого условия Анкары, следует отметить, что, скорее всего, турецкие власти осознавали тот факт, что блокада Армении не является тем рычагом, посредством которого можно оказать давление на Ереван в вопросе Геноцида. О безрезультатности такой политики свидетельствует то, что за весь период блокады Армении процесс международного признания Геноцида армян не только не прекратился, но и получил новый размах.

Дело в том, что Анкара отлично понимала, что с деблокадой Армении и установлением с последней взаимовыгодных экономических отношений, ей удастся, если не в армянской Диаспоре, то в Армении отодвинуть вопрос международного признания Геноцида на второй план. Дело в том, что после того, как для граждан Армении откроется кратчайшая сухопутная дорога, ведущая в Европу, когда за счет приграничной торговли начнет улучшаться их социально-экономическое положение, когда государственная казна начнет пополняться за счет товарооборота с Турцией и другими европейскими странами, то в этих условиях следует ожидать смягчения позиции не только властей, но и общественности Армении по вопросу признания Геноцида.

Деблокада Армении до урегулирования карабахской проблемы позволила бы Анкаре, помимо важного для себя вопроса Геноцида, одновременно решить и следующие задачи:

а) в определенной мере включив Армению в сферу своего экономического, а, следовательно, и политического влияния, приобрести новые возможности для активизации своей роли в урегулировании карабахской проблемы,

б) ослабить зависимость Армении от России и со временем понизить значение российской военной базы, расположенной в Армении, как это произошло с российскими базами в Аджарии и Джавахке,

в) укрепить свои позиции в переговорном процессе по вступлению в Европейский Союз [6, с. 10].

В связи с вышеизложенным, может возникнуть закономерный вопрос: почему же Турция, принимая во внимание все положительные для себя стороны открытия границ, не спешит установить экономические отношения с Арменией? Ответ на этот вопрос непосредственным образом связан с турецко-азербайджанскими отношениями. Дело в том, что если Турция установит экономические отношения с Арменией до урегулирования карабахской проблемы, то это сведет на нет политику Азербайджана по изоляции Армении, а поскольку Азербайджан реагирует весьма болезненно на любую информацию, касающуюся возможного открытия турецко-армянской границы, подобный шаг Анкары может вызвать негативные настроения азербайджанцев по отношению к своему, как они называют Турцию, «старшему брату». Неслучайно, что еще в свое время в интервью телеканалу “CNN Turk” премьер-министр Турции Эрдоган заявил: «Существует вопрос Нагорного Карабаха... Открытие нами границ до того, как будут предприняты шаги в этом направлении, заденет азербайджанцев» [6, с. 13].

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод о том, что основной причиной блокады Армении со стороны Турции является неурегулированность Карабахского конфликта, и лишь после разрешения этого конфликта (что подразумевает открытие армянско-азербайджанской границы), деблокада Армении со стороны Турции потеряет свой смысл и значение.

И, наконец, можно говорить об урегулировании проблемы, если на двустороннем уровне будут согласованы следующие составляющие: 1) любые отношения с Турцией не могут поставить под сомнение факт геноцида и изгнания армянского народа. Это известный факт, и он должен быть признан и осужден со стороны мирового сообщества. В этом контексте можем говорить о ведущих игроках современных международных отношений – именно от них зависит мирное урегулирование по данному вопросу. США, ЕС, Россия являются ключевыми. Интеграция Турции в ЕС имеет перспективу уже не одного десятилетия, поэтому уместно допустить, что именно решительное содействие ЕС может служить причиной налаживания армянского вопрос во внешней политике Турции, 2) вопросы границ между Арменией и Турцией подлежат решению, согласно международному праву, 3) эти отношения не могут касаться урегулированию Нагорно-карабахского конфликта, который является независимым и самостоятельным процессом.

Безусловно, нормализация отношений Еревана и Анкары способствовала бы укреплению стабильности в Закавказском регионе. Поэтому жизненно важно для Турции и Армении найти точку бифуркации в решении данной проблемы, если не на двустороннем уровне, то с помощью мирового сообщества.

Принимая во внимание официальные заявления со стороны руководств государств, становится понятно, что перспектива двустороннего взаимодействия пока остается сомнительной. Но если искать положительные сдвиги, тогда стоит сослаться на слова президента Турции Абдуллы Гюля: «Процесс нормализации армяно-турецких отношений не прекращен, нынешний этап можно охарактеризовать как бесшумную дипломатию между Турцией и Арменией». «Вопрос Кавказа – наш вопрос, и мы, как часть этого региона, сделаем все возможное для установления здесь мира и стабильности» [4].

В целом, можно констатировать, что проблема урегулирования армяно-турецких отношений является одной из наиболее сложных в наше время, и ее решение не может быть быстрым или простым. Для этого нужно время, но многое будет зависеть от политической воли лидеров двух стран, ряда внутренних и внешних обстоятельств. Конечно, история «сделала свое дело», оставив в наследство Армении и Турции ряд нерешенных проблем, которые сегодня влияют на взаимоотношения двух соседних государств. Но следует понимать, что для реализации своих внешнеполитических задач, для нормализации армяно-турецких отношений как Турции, так и Армении, нужно найти компромисс, направленный на преодоление существующих противоречий, не привязываясь к историческому прошлому, сдерживающему фактору для налаживания двусторонних отношений между Арменией и Турцией.

1. *Газазян А.* Армения – Турция: конец «футбольной дипломатии». Deutsche Welle (22.04. 2010г.) // http://www.dw.de/dw/article/0,,5496680,00.html
2. *Демоян Г.* Турция и карабахский конфликт в конце XX – начале XXI веков. Историко-сравнительный анализ. Ер.: Авторское издание, 2006. 255с.
3. «МИД РФ приветствует нормализации отношений между Турцией и Арменией» / BaltInfo – Балтийское информационное агентство» // http: // www.baltinfo.ru/news/MID-RF-privetstvuet-normalizatciyu-otnoshenii-mezhdu-Turtciei-i-Armeniei – 109081
4. Президент Турции: «Процесс нормализации армяно-турецких отношений НЕ остановлен» / Еркрамас (16.03.2010г.) // http://www.yerkramas.org/2010/03/16/prezident-turcii-process-normalizacii-armyano-tureckix-otnoshenij-ne-ostanovlen /
5. *Маркедонов С.* Армения-Турция: в ожидании большого футбола (14.07.2008г.) Информационный сайт политических комментариев // http://politcom.ru/6495.html
6. Тенденции и возможные варианты развития геополитической ситуации на Южном Кавказе в контексте региональной геостратегии США. Грант № 032. Фонд «"Государственный Клуб". Ереван–2007г.».
7. Турция не хочет открывать границу с Арменией до урегулирования вопроса Карабаха. «Кавказский узел» (13.05.2009г.) // http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/154102/
8. Diplomatic History: The Turkey-Armenia Protocols, David L. Fillips, March 2012, New York.
9. "Wall Street Journal". "We are ready to talk to Turkey" («Мы готовы говорить с Турцией») (09.07.2008г.) // http://online.wsj.com/news/articles/SB121555668872637291

ՀԱՅ-ԹՈՒՐՔԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ ՀԻՄՆԱՀԱՐՑԸ

Ամփոփում

Հոդվածը նվիրված է հայ-թուրքական երկկողմանի հարաբերություններում առկա հիմնական խնդիրների ուսումնասիրությանը, դրանց սառեցման պատճառների և կարգավորման անհրաժեշտ պայմանների լուսաբանմանը: Հոդվածում հիմնավորվում է առկա պատմական հակասությունների հաղթահարման կարևորությունը բարիդրացիական տնտեսական, քաղաքական, դիվանագիտական հարաբերություններ հաստատելու նպատակով, ինչը մեծ նշանակություն ունի նաև տարածաշրջանային զարգացման հարցում:

Հիմնաբառեր՝ հայ-թուրքական հարաբերություններ, հայկական հարց, հայ-թուրքական արձանագրություններ, ղարաբաղյան հիմնախնդրի կարգավորում, տարածաշրջանային զարգացում:

THE PROBLEM OF ARMENIAN-TURKISH RELATIONS' SETTLEMENT

Summary

The article examines the main problems in the bilateral relations between Armenia and Turkey, reveals the causes of their cooling and the necessary conditions for settlement. The article substantiates the importance of overcoming the existing historical contradictions in order to establish good neighborly economic, political and diplomatic relations, which is also important for regional development in general.

Keywords: Armenian-Turkish relations, Armenian Question, Armenian-Turkish protocols, Karabakh conflict settlement, regional development.

САМОПОНИМАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ОПЫТ ДИАСПОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ КУБАНИ)

О.Р. Тучина

Статья посвящена эмпирическому исследованию особенностей самопонимания этнокультурной идентичности в условиях диаспоры. Автор предлагает рассматривать диаспорную идентичность через призму индивидуального сознания представителей диаспоры, в контексте самопонимания субъекта. Самопонимание этнической идентичности рассматривается как субъективная сторона этнокультурного диалога. Самопонимание субъекта в условиях диаспоры представляет собой диалог культур на уровне индивидуального сознания представителя диаспоральной общности. Следствием такого диалога является успешная социальная адаптация представителей диаспоры без потери этнокультурной самобытности, что ведет к расширению границ бытийного пространства личности, осмыслению новых аспектов социокультурной реальности.

Ключевые слова: диаспора, этнокультурная идентичность, самопонимание, толерантность, этнокультурный диалог.

Все возрастающий интерес к феномену идентичности вообще и этнокультурной идентичности в частности, связывается с процессами глобализации, в контексте которых проблематизируются традиционные основания идентификации личности, среди которых центральными являются *этнос*, *гендер*, *религия*, *государство*. Особую актуальность в последние годы приобретает изучение особенностей этнического самосознания в условиях диаспоры.

Многие исследователи отмечают факт множественной идентичности членов диаспоры: диаспора предполагает смешение различных культурных, социальных, политических, экономических установок, характерных одновременно как для страны проживания, так и для страны происхождения. Для диаспоры важным является не проблема выбора альтернативного направления в формировании идентичности и самоопределения, а проблема синтеза выбранных культурных ориентиров и создания особого типа диаспорной идентичности. Диаспорная идентичность, как отмечает М.А. Аствацатурова, является более динамичной, ситуативной и масштабной по сравнению с идентичностью коренных (автохтонных) меньшинств. По ее мнению, переселенческое этническое меньшинство способно в большей степени варьировать этнокультурные характеристики, чем

материнский этнос [1]. Таким образом, диаспорной идентичностью является многогранная (или множественная) идентичность, которая обусловлена структурой диаспоры, отличается динамизмом и отражает региональные особенности.

Несмотря на значительное количество как теоретических, так и эмпирических исследований диаспоры, среди них практически отсутствуют исследования, рассматривающие этническую идентичность и, соответственно, диаспорную идентичность через призму индивидуального сознания представителей диаспоры, в контексте самопонимания субъекта. Этнокультурная идентичность «является одним из ракурсов самотождественности человека, ответом на бытийный вопрос «Кто Я?», позволяющим увидеть за множественностью изменений «себя как себя». Поэтому принадлежность к этносу рассматривается как «основание, придающее бытийную устойчивость собственному существованию, определяющее личностную уникальность, неповторимость человека» [2, с. 11].

Исследование самопонимания этнокультурной идентичности в условиях диаспоры представляет особый интерес, поскольку диаспора является уникальным социально-этническим явлением с двойственной природой, в которой переплетается национально-исконное и инонациональное, со сложной, противоречивой сущностью, особой социальной ролью, которая служит своего рода живым связующим звеном разных национальных культур.

Армянская диаспора является одной из самых больших в постсоветской России и самой большой в Краснодарском крае, где по данным переписи населения 2010 года, проживает 281680 представителей армянского этноса, что составляет 5,4% населения края [3]. Как показали результаты социологических исследований, кубанские армяне рассматривают свою этническую идентичность как важнейшую из социальных идентичностей, при этом подавляющее большинство респондентов считают российских армян целостной диаспорой – 72,3%. Весьма любопытным и неоднозначным нам представляется основной признак, выделяемый автором исследования в качестве этнодифференцирующего: «ощущение себя армянином». С нашей точки зрения, именно он должен стать отправной точкой в исследовании самопонимания этнокультурной идентичности, т.е. тех ценностных оснований своего бытия, которые лежат в основе «ощущения себя армянином».

Целью выполнения научно-исследовательской работы является исследование ценностно-смыслового содержания этнического самосознания представителей армянской диаспоры Юга России. В качестве метода изучения самопонимания этнической идентичности была использована модифицированная методика «граф-схем» Б.В. Кайгородова. Испытуемых просили ответить на вопрос «Что для вас значит быть представителем вашей этнической группы?». Ответы респондентов были обработаны методом контент-анализа.

Как показали результаты исследования, для армянской молодежи наиболее значимым является фактор «этнокультурные традиции» (59,2% ответов мужчин и 46,2% ответов женщин), среди которых главными являются родной язык (10% и 5%), соблюдение обычаев и одобряемых правил поведения (10% и 4,4%), особенности воспитания в семье (4,8% и 3,6%), а также знание и активное использование фольклорных традиций (свадебных обрядов, музыки, танцев) (20,1% и

18,4%). Как отмечает один из респондентов, быть армянином – «…это значит следовать традициям семьи, передающимися из поколения в поколение. Уважать и ценить старших, не перечить им, прислушиваться к их советам и мнению. Поддерживать родственные связи и помогать в трудную минуту. Самое главное – не забывать свои корни и гордиться предками».

Армянские респонденты большое значение придают этнической солидарности, поддержке соотечественников и формированию позитивного образа представителей этноса (11% ответов мужчин и 19,9% ответов женщин). Для армянских респондентов очень важна положительная этническая самопрезентация прежде всего потому, что они осознают свою «инаковость». У армянской молодежи осознание своих культурных отличий вызывает желание быть достойными представителями своей этнической группы, они осознают свою ответственность в формировании образа представителей этнокультурной общности в глазах этнического большинства. Вместе с тем, армянские респонденты осознают и свою принадлежность к России, к ее народу. Таким образом, этнокультурная идентичность в условиях диаспоры не противопоставляется гражданской, а осознается как ее составляющая, что ведет к осознанию двойной ответственности за свои поступки – перед этнокультурной общностью и страной в целом.

Происходящие в мире процессы усложнения и интенсификации взаимодействия людей различных культур предполагают толерантность как системообразующую ценность социального бытия. Вместе с тем, актуализируется рассмотрение сущности толерантности, позволяющей найти меру сохранения «своего» при принятии «иного» и связанная с этим проблема границ толерантности. На внутриличностном уровне это оборачивается напряжением самопонимания собственной самобытности, открытием личностной значимости своей принадлежности к определенному социуму в общекультурном горизонте, ценности культурных особенностей в контексте собственно человеческого уровня бытия. «Вопрос о толерантности – это, прежде всего, вопрос о том, как при глубоких различиях в положении, интересах, воззрениях люди могут наладить совместную жизнь» [4, с. 64]. В данном аспекте суть толерантности – это терпимость к «иному», «чужому»; к различиям в языке, идеях, обычаях, поведенческих нормах [5, с. 54]. С другой стороны, толерантность представляет собой важную внутриличностную ценность, позволяющую выходить за рамки привычного, устойчивого, стереотипного, являясь, тем самым, важным фактором личностного роста. Толерантность как мировоззренческая ценность, таким образом, является мерой общего и различного, предполагающей уважение «иного», но не преклонение перед ним; признание «чужого» без потери «своего». Подобная мера представляет собой признание равенства всего различного, но не ради самоценности самого равенства, а ради стремления к лучшему, прежде всего, лучшему в самом себе. С этой позицией связана подлинная толерантность, она не противостоит этничности, а, наоборот, вырастает из рефлексии этнокультурных ценностей. И это прекрасно иллюстрирует исследование самопонимания этнокультурной идентичности и армянских студентов Кубани.

Для армянских студентов характерно достаточно четкое разграничение и даже противопоставление гражданской и этнической идентичности: «Быть армя-

нином в России – не посрамить честь своей национальности и страны, постараться убедить представителей других национальностей в том, что мы ничем не хуже», – рассуждает одна из респондентов. При этом респонденты подчеркивают необходимость положительной самопрезентации, ответственность за тот образ армянина, который складывается у представителей других этнических групп: «Это ответственность, потому что я хотела бы быть достойным представителем своей национальности, я стараюсь соблюдать традиции, которые чтят мои родители и близкие. Так получилось, что мы живем не в своей стране, и мы обязаны вести себя достойно и быть благодарными стране, в которой мы живем, ведь Россия стала для нас второй Родиной».

При этом принятие и уважение других национальностей не умаляет, а наоборот, подчеркивает этническое самоуважение: «Я горжусь тем, что я армянка, горжусь своим народом. Армяне – дружелюбный, честный и боголюбивый народ. Быть армянкой – выполнять миссию по продолжению истории армянского народа. Воспитывать в наших детях характеры наших предков, уважение к нашим обычаям», – отмечает студентка Кубанского технологического университета. Соответственно, осознание своей национальной идентичности, восприятия ее как ценности позволяет вести диалог в полиэтничном мультикультурном пространстве. Национальная гордость, таким образом, направлена не на культурную изоляцию или превосходство, а наоборот, предполагает открытость и принятие иных культур, что отчетливо звучит в ответе армянского студента: «уважительное отношение к другим народам и их истории».

Межэтническая толерантность, рассматриваемая как открытость и принятие иноэтничных культур, интерпретируются респондентами как консолидирующая основа, а не размывающая фундамент собственной идентичности. При этом ориентирование на гражданскую идентичность, значимость принадлежности к большой и сильной стране предполагает именно межкультурные формы взаимодействия, с резко отрицательной реакцией на проявления межнационального противостояния.

Таким образом, в своих основаниях межэтническая толерантность не противостоит национальной идентичности, как это кажется на первый взгляд. Ксенофобия, скорее, свидетельствует о неразвитости в человеке осознанности собственной этнокультурной составляющей. Наоборот, принятие представителей других национальностей возможно через напряжение понимания ценностного потенциала собственной этнокультуры. Предельно национальное при этом оборачивается предельно человеческим, что отметил наш респондент: «Каждый из нас должен относиться к ближнему как к себе, работать над собой и представлять свою нацию с честью и достоинством».

Исходя из результатов проведенного исследования, мы можем утверждать, что самопонимание субъекта в условиях диаспоры представляет собой диалог культур на уровне индивидуального сознания представителя диаспоральной общности. Следствием такого диалога является успешная социальная адаптация представителей диаспоры без потери этнокультурной самобытности, что ведет к расширению границ бытийного пространства личности, осмыслению новых аспектов социокультурной реальности.

1. *Аствацатурова М.А.* Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические модели) // Диаспора, 2003. № 2. СС. 185–189.
2. *Аполлонов И.А., Оганесян С.Г.* Проблема толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности // Материалы Международной научно-практической конференции «Современная этничность и диалог культур». Набережные Челны, 2013. СС. 9–18.
3. Армяне Юга России: опыт социологического исследования // Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д-М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. 176с.
4. *Соколов В.М.* Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования, № 8, 2003. СС. 54–63.
5. Глобализация и мультикультурализм. М.: изд-во РУДН, 2005. 332с.

THE UNDERSTANDING OF ETHNIC AND CULTURAL IDENTITY AND TOLERANCE: THE EXPERIENCE OF DIASPORA (ON MATERIALS OF RESEARCH OF THE ARMENIAN YOUTH OF KUBAN)

Summary

The article is devoted to the empirical study of the singularities of self-understanding ethno-cultural identity in the Diaspora. The author proposes to consider diasporic identity through the prism of the individual consciousness of the Diaspora, in the context of self-understanding of the subject. Self-understanding of ethnic identity is seen as a subjective aspect of ethno-cultural dialogue: the self-understanding of the subject in the Diaspora is a cultural dialogue at the level of individual consciousness representative of the community of diaspora. The consequence of such a dialogue is a successful social integration of the Diaspora without loss of ethnocultural identity, which leads to the expansion of the boundaries of existential space of personality, understanding new aspects of social and cultural reality.

Keywords: diaspora, ethnocultural identity, self-understanding, ethnocultural dialogue.

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В АРМЕНИИ

Открытие Ереванской Международной конференции по правам человека состоялось 9-го декабря 2013г. в РАУ. Конференция, организованная в сотрудничестве с представительством Международного Комитета Красного Креста в Армении, проходит в нашей стране уже в шестой раз. Тема форума: «*Взаимодействие международного гуманитарного права и прав человека, пресечение военных преступлений и преступлений против человечества под контролем международного уголовного права*».

Конференция собрала в РАУ ведущих юристов, политологов и специалистов в области защиты прав человека в Армении, а также множество зарубежных гостей. Стоит отметить, что рабочим языком конференции был английский, на котором и была проведена большая часть церемонии открытия. На английском обратился к публике и ректор Российско-Армянского (Славянского) университета Армен Размикович Дарбинян. В своей вступительной речи он поблагодарил Международный Комитет Красного Креста за возможность собрать вместе студентов из разных стран мира на этой конференции. Касательно Армении Армен Размикович также отметил три наиболее приоритетных аспекта в контексте темы конференции:

- защита прав граждан нашей страны;
- международное признание Геноцида армян;
- урегулирование Карабахского конфликта.

Таким образом, был задан вектор будущих обсуждений в течение трех дней форума. Данная конференция – прекрасная возможность для сотрудничества, обмена опытом между молодыми армянскими специалистами и их зарубежными коллегами, а также интеграции Армении в международную правовую систему.

VIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В РАУ

Открытие VIII Годичной научной конференции Российско-Армянского (Славянского) университета состоялось 2-го декабря в Большом зале университета.

С приветственным словом к присутствующим обратился проректор по науке П.С. Аветисян, перечислив в своей речи научные достижения РАУ, многочисленные научные конференции и круглые столы, организованные в университете за этот год.

Участников VIII Годичной научной конференции приветствовал также академик НАН РА, иностранный член РАН, главный научный консультант РАУ С.А. Амбарцумян: «Говорят, старость – не радость. Но я полностью это отвергаю: если ты живешь в окружении таких молодых и творческих людей, которые каждый день делают что-то хорошее, тогда и старость будет в радость!»

Открывая серию пленарных докладов, ректор РАУ, член-корреспондент НАН РА А.Р. Дарбинян затронул актуальную на сегодняшний день тему армяно-российских отношений, а также особенности международной интеграции Армении. В этом вопросе Армен Размикович особо выделил общественно-научные, экономические и геополитические сферы. Важным представляется правильное толкование вопросов национальной идентичности Армении, осознание значимости нашей страны на международной арене. Как подчеркнул А.Р. Дарбинян, исключительную роль в процессе интеграции занимает вопрос владения языками, в особенности, армянским, русским и английским.

В ходе открытия конференции прозвучали еще два пленарных доклада: доклад д.ю.н., профессора С.С. Аветисяна «Основные направления развития современного уголовного законодательства Армении в контексте интеграционных процессов» и доклад д.х.н., профессора А.П. Енгояна «Экологические проблемы утилизации отходов».

Годичная конференция РАУ проходит по двум основным направлениям: физико-математические и естественные науки (математика, информатика и технические науки, физико-технические и биохимические науки) и общественные и гуманитарные науки (философские, политические и исторические науки, экономические, юридические, филологические, социальные и психологические науки). На конференции было представлено более 180 докладов. Официальное закрытие и подведение итогов VIII Годичной научной конференции состолось 6-го декабря. По итогам конференции будет издан сборник научных трудов.

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В АРМЕНИИ

«Перспективы образования в сфере мультимедийной журналистики в Армении: проблемы и достижения» – название очередного круглого стола, который состоялся 30-го ноября в конференц-зале университета. На дискуссии присутствовали преподаватели журналистики не только РАУ, но и других вузов, медиа-эксперты, студенты-магистранты.

Как сделать учебную программу более совершенной, привлечь студентов к будущей специальности, научить их быть профессионалами в области мультимедиа – вот основные вопросы, которые были поставлены во время собрания. В процессе обучения студенты сталкиваются с некоторыми трудностями: ведь мультимедийный журналист должен уметь и писать, и монтировать, и, конечно же, работать оперативно. Таковы требования времени. По мнению преподавателей, мультимедийная журналистика – это то, чему должны обучаться студенты с первого курса.

Дискуссия охватила более широкий круг вопросов, чем предполагалось: обсуждались также проблемы дезинформации и медиаграмотности.

«Новость больше не живет сутки, сейчас она живет час… Если ей повезет. Изменения на рынке труда коснулись и основных требований к журналистам. Раньше необходим был профессионализм, в том числе знание теории журналистики, достоверность сведений и надежный источник информации, грамотность. Очень важны технические навыки, креативность, небольшой опыт и, конечно же, мультимедийность – умение представить информацию в нескольких форматах», – отметил Давид Алавердян, главный редкатор медиахолдинга «Медиамакс», преподаватель РАУ.

Журналистика – профессия прикладная. Поэтому очень важно с самого начала привить студентам практические навыки. По словам Нуне Саркисян, исполнительного директора Центра медиа инициатив, прохождение практики в университете гораздо эффективнее, нежели в других «старомодных редакциях» и других медиа. Там у редакторов просто нет времени на студентов, да и отношение к ним не всегда корректное.

«Какой бы ни была журналистика (пусть она сто раз будет мультимедийной), то, что выдает журналист, – текст. Основы и фундаментальные знания по составлению или анализу текста должны присутствовать в обучении этой специальности», – отметила доцент кафедры журналистики РАУ Наталья Львовна.

В конце дискуссии студенты высказали свое мнение об организации образовательного процесса, выразили свои недовольства и, наоборот, благодарность, предложили новые идеи. Подводя итоги, Нуне Саркисян подчеркнула: «Мультимедиа – не жанр, а средство восприятия информации».

СТУДЕНЧЕСКАЯ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С 10–12 марта 2014г. в РАУ прошла Студенческая годичная научная конференция, на которой как студенты, так и магистранты представляли собственные научные исследования.

Конференция традиционно проводится по двум направлениям: физико-математические и естественные науки (математика; информатика и физико-технические науки; биологические и химические науки) и общественные и гуманитарные науки (философские и политические науки; экономические науки; юридические науки; филологические и лингвистические науки; психология; журналистика, реклама и PR). Все представленные научные работы были предварительно заслушаны и одобрены на соответствующих кафедрах, заверены заведующими кафедрами и научными руководителями.

«Думаю, что мы представили достаточное количество направлений науки, задействованы практически все основные направления научных исследований. Очень много интересных названий, докладов, докладчиков. Я бы хотел попросить руководителей направлений и заведующих кафедрами обязательно проследить за процессом исследования, не оставлять наших студентов, которые заинтересованы в исследовании. Желаю всем большого творческого успеха, хорошего настроения и активности. Полагаю, что у нас должна быть красивая и интересная дискуссия», – поприветствовал присутствующих проректор по науке РАУ, доктор философских наук, профессор П.С. Аветисян.

Итоги конференции были подведены 12-го марта. Директора Институтов и заведующие кафедрами за круглым столом обсудили доклады и поделились мнениями о том, как прошла конференция. Паргев Сергеевич отметил, что отбор лучших работ будет проходить очень строго, по всем критериям: новизна, актуальность, научный уровень.

«Мне было интересно послушать то, что говорят студенты, представляющие свои доклады, исследования. Было очень много интересных докладов. Сначала у нас был период принуждения студента к участию в конференции, сейчас этого нет: они сами хотят, понимают, что это им во благо. Чем больше студентов мы привлечем, тем лучше. Хочу поблагодарить организаторов за то, что состоялась студенческая конференция, которая очень важна как для студентов, так и для преподавателей», – отметила директор Института медиа, рекламы и кино Н.И. Кеворкова.

«Я могу уверенно сказать, что конференция удалась, интересных работ очень много. Магистры обязаны иметь публикации по своим научным исследованиям, и я считаю, что магистры, не имеющие научных исследований, – не магистры. Наилучшие и единичные работы будут материально поощрены», – подчеркнул Э.М. Сандоян.

Представленные научные работы, после завершения конференции, будут опубликованы: в сборник войдут наиболее значимые доклады студентов, рекомендованные соответствующей кафедрой РАУ.

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

20–21 февраля в РАУ прошла IV Международная научно-методическая конференция “21-st Century Challenges in Philology and Foreign Language Teaching: from Theory to Practice” – «Проблемы романо-германской филологии: теория и методика преподавания иностранных языков», организованная кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации.

В работе конференции, наряду с представителями отечественной филологии, приняли также участие ученые из США, Великобритании, Российской Федерации и других стран, преподаватели вузов Армении. В программу конференции были включены доклады по лексикологии, морфологии, синтаксису, социолингвистике, политическому дискурсу, а также по проблемам современной зарубежной литературы и методики преподавания иностранных языков.

Проректор РАУ по науке П.С. Аветисян тепло приветствовал участников и организаторов конференции и пожелал им успешной работы. С приветственным обращением выступил Директор Института гуманитарных наук Г.З. Саркисян.

Конференцию открыла заведующая кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета – д.ф.н. А.А. Симонян, которая в своем выступлении очертила круг приоритетных направлений современной лингвистики и осветила актуальные задачи его реализации.

Выступая с докладом на пленарном заседании, А.А. Симонян подробно остановилась на проблемах исследования политики в лингвистическом аспекте. В речевом портрете политика особое место занимает метафора, интерпретация которой тесно связана с фондом знаний и убеждений политика.

Изучение языковых единиц посредством дискурсивного анализа выявляет целую гамму смысловых оттенков. О проблемах преподавания иностранных языков в демократическом обществе выступил преподаватель из Калифорнийского университета Эдуард Манукян.

В работе конференции были задействованы 3 секции: 1) Современные проблемы лингвистики; 2) Методика преподавания иностранных языков; 3) Современные проблемы романо-германской филологии.

Подводя итоги конференции, А.А. Симонян сказала, что представленные на конференции доклады представляют картину динамических процессов, пронизывающих спектр проблем современной лингвистики, и особо отметила работы молодых ученых, которые характеризуются современным подходом, глубиной осмысления исследуемых проблем. Симонян отметила огромный интерес, который вызвали доклады, посвященные различным актуальным темам лингвистики, теории перевода и методики преподавания иностранных языков.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамян Н.Л. –	к. филос.н., доцент кафедры журналистики РАУ
Аветисян П.С. –	д. филос.н., профессор, проректор по науке РАУ
Айрапетян А.Г. –	стажер и научный сотрудник РАУ
Биджоян Т.С. –	координатор «Научно-исследовательского центра социальных и политических конфликтов РАУ», магистрант кафедры политической теории РАУ
Буюклян М.Э. –	к.филол.н., доцент кафедры языка и межкультурной коммуникации РАУ
Галикян Г.Э. –	к.филос.н., доцент кафедры философии РАУ
Галстян В.С. –	к.э.н., старший преподаватель кафедры управления РАУ
Иерусалимская А.О. –	магистрант кафедры журналистики РАУ
Курбанов Р.Д. –	аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кафедра теории и истории права и государства
Мовсисян М.С. –	специалист по качеству образования Национального аграрного университета, г. Ереван
Мурадян Е.С. –	соискатель кафедры экономической теории и проблем переходного периода РАУ
Саркисян О.Л. –	зав. кафедрой политической теории, к.филос.н., доцент РАУ
Солахян Г.М. –	г. Гюмри, педагогический институт им. М. Налбандяна
Тучина О.Р. –	к.п.н, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета (ФГБОУ ВПО «КубГТУ»)
Тхабисимова Л.А. –	д.юр.н., профессор, заместитель директора по научной работе Северо-Кавказского института РАНХиГС при Президенте РФ
Чалабян С.В. –	магистрант кафедры теории и истории международных отношений РУДН

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила для авторов журнала «Вестник» РАУ

Журнал печатает оригинальные статьи по различным направлениям гуманитарных и общественных наук.

• К рассмотрению принимаются статьи на русском, армянском или английском языках.

• Статьи должны быть представлены в распечатанном виде и электронной форме.

• К материалам статьи прилагается Договор с Редакцией РАУ, подписанный одним (ответственным) автором (оформляется в одном экземпляре).

• Статья должна иметь направление от учреждения, в котором выполнена работа. Рукопись подписывается автором (соавторами) с указанием фамилии, имени, отчества, домашнего адреса, места работы, номеров телефонов и e-mail. Необходимо указать, с кем вести переговоры и переписку. Отклоненные статьи не возвращаются.

Перед текстом статьи указываются:

– название статьи;

– инициалы и фамилии авторов (для иностранных авторов на языке оригинала или на английском языке);

– название учреждения (без сокращений и аббревиатур), которое направляет статью, его адрес (город, страна);

– e-mail авторов и контактный телефон.

Далее помещается аннотация на русском и армянском языках объемом не более 0.5 машинописной страницы, которая не должна дублировать вводный или заключительный разделы. Аннотация не должна содержать литературных ссылок и аббревиатур. В конце аннотации указываются ключевые слова (keywords). Требуется также аннотация на английском языке.

Список литературы должен быть набран и оформлен следующим образом:

– для книг – инициалы и фамилии *всех* авторов, название книги, издательство, место издания, год издания в круглых скобках, том;

– для периодических изданий – инициалы и фамилии всех авторов, название журнала, том – номера первой и последней страниц статьи, год издания в круглых скобках.

Нумерация ссылок должна соответствовать порядку их упоминания в тексте.

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского (Славянского) университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 10) 27-70-52 (внутр. 42-02)
e-mail: mvolskaya@rambler.ru

Заказ № 2
Подписано к печати 08.05.2014г.
Формат 70x100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная №1.
Объем 7,25 усл. п.л. Тираж 100 экз.